

ISSN 2708-1095

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2017 году

Выпуск 8

Минск
РИВШ
2024

Рекомендовано

редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 22 декабря 2023 г.)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук,
проф. *И. А. Марзальук* (пред.);

канд. ист. наук, доц. *С. Ф. Шимукович*
(отв. за выпуск);

д-р ист. наук, проф. *В. А. Космач*;

д-р ист. наук, проф. *В. С. Кошелев*;

д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько*;

д-р ист. наук, проф. *С. И. Никонова*
(Россия, Казань);

д-р ист. наук, проф. *И. Р. Чикалова*;

д-р ист. наук, проф. *В. И. Яковчук*;

канд. ист. наук, доц. *В. А. Сосно*;

канд. ист. наук., доц. *В. А. Теплова*

Editorial Board:

Corresponding Member of the NSA
of Belarus, Doctor of History,
Prof. *I. A. Marzalyuk* (chairman);

Doctorate in History, Associate Professor
S. F. Shimukovich (rel. for the release);

Doctor of History, Prof. *V. A. Kosmach*;

Doctor of History, Prof. *V. S. Koshelev*;

Doctor of History, Prof. *G. G. Lazko*;

Doctor of History, Prof. *S. I. Nikonova*
(Russia, Kazan);

Doctor of History, Prof. *I. R. Chikalova*;

Doctor of History, Prof. *V. I. Yakovchuk*;

Doctorate in History,

Associate Professor *V. A. Sosno*;

Doctorate in History,

Associate Professor *V. A. Teplova*

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы:
исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 8 /
редкол.: *И. А. Марзальук* (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – 134 с.

Сборник научных трудов содержит научные статьи о разных аспектах развития Восточной Европы и современной Беларуси в период истории позднего нового и новейшего времени.

Включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии.

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового и новейшего времени Беларуси.

«ВЕСТНИК ЗАПАДНОЙ РОССИИ» ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ МІЖКАНФЕСІЙНЫХ КАНВЕРСІЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНІЯЎ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.

Кароль М. М.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны разгляду часопіса «Вестник Западной России» як крыніцы па гісторыі міжканфесійных дачыненняў на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове ХІХ ст. Разглядаюцца асноўныя публікацыі, звязаныя з канфесійнай гісторыяй гэтага перыяду і прысвечаныя прыняццю насельніцтвам праваслаўя, будаўніцтву новых праваслаўных цэркваў, статыстычным даным, апісанню ўражанняў падарожнікаў і інш.

Ключавыя словы: «Вестник Западной России»; міжканфесійная гісторыя; канфесійныя канверсіі.

«VESTNIK ZAPADNOI ROSSII» AS A SOURCE ON THE HISTORY OF INTERFAITH CONVERSIONS ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Karol M. M.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

The article is devoted to the examination of the journal «Vestnik Zapadnoi Rossii» as a source for the history of inter-religious relations in the territory of the Belarussian provinces in the second half of the 19th century. The main publications related to the religious history of this period and dedicated to the adoption of Orthodoxy by the population, the construction of new Orthodox churches, statistical data, descriptions of travelers' impressions, and others are considered.

Keywords: Vestnik Zapadnoi Rossii; religious history; interfaith conversions.

Часопіс «Вестник Западной России» (далей – «Вестник») выдаваўся на працягу 1864–1871 гг. у Вільні. Ён з'яўляўся пераемнікам часопіса «Вестник Юго-Западной и Западной России», які перад гэтым выходзіў у Кіеве (1862–1864). Дадзенае выданне, рэдактарам якога быў вядомы грамадскі дзеяч Ксенафонт Гаворскі, стаяла на ідэйных пазіцыях, якія ў далейшым былі акрэслены як «заходнерусізм» [46, с. 48–69]. На яго старонках друкаваліся разнастайныя даследаванні, прысвечаныя гісторыі, этнаграфіі, краязнаўству, а таксама статыстычным матэрыялы і гістарычныя крыніцы. Пры гэтым шмат матэрыялаў геаграфічна датычылася тэрыторыі сучаснай Беларусі, што

робіць часопіс важнай (хай і своеасаблівай) крыніцай па айчыннай гісторыі Беларусі сярэдзіны XIX ст.

Існаванне часопіса храналагічна (і невыпадкова) супала з правядзеннем палітыкі, якая прадугледжвала перавод часткі каталіцкага насельніцтва ў праваслаўе на тэрыторыі беларускіх губерняў пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., што робіць яго істотнай крыніцай, якая адлюстроўвае міжканфесійныя дачыненні ў тагачасным грамадстве, і дазваляе прасачыць, якія надзённыя пытанні рэлігійнага жыцця ўздымаліся ў тагачаснай прэсе і публіцыстыцы.

Паказальна, што больш за ўсё ў часопісе інфармацыі, звязанай з будаўніцтвам на тэрыторыі беларускіх губерняў новых праваслаўных храмаў. Нататкі пра адкрыццё новых праваслаўных цэркваў часта ўтрымліваюць у сабе апісанні таго, якімі ўрачыстымі мерапрыемствамі суправаджалася асвячэнне храма (напрыклад, у вёсцы Залесе Ашмянскага павета [5, с. 66]), нярэдка падаюцца вытрымкі з прынагодных прамоў духавенства (напрыклад, падчас асвячэння новай царквы ў павятовым горадзе Вілейка [5, с. 68, 71]. Адзначаўся не толькі сам факт узнікнення новага храма, увага таксама звярталася на ахвяраванні на яго, памер вылучаных дзяржаўных сродкаў. Амаль абавязковай часткай такіх артыкулаў з'яўляліся зацемкі пра гісторыю праваслаўя ў мясцовасці, дзе ўзводзілася царква [32, с. 156; 6, с. 215–234; 19, с. 275; 16, с. 235]. Аўтары «Вестника», у асноўным, спыняліся на разнастайных аспектах умацавання праваслаўя ў рэгіёнах са складанай канфесійнай структурай (Віленская і Гродзенская губерні), але не абміналі і тэрыторыі, дзе пазіцыі праваслаўя былі дастаткова трывалымі. Напрыклад, у адным з выпускаў за 1865 г. маецца агляд дзейнасці па будаўніцтве праваслаўных храмаў у Магілёўскай губерні, рэканструкцыі старых, яшчэ ўніяцкай пабудовы цэркваў, ператварэнні ў праваслаўныя цэрквы былых касцёлаў [4, с. 280].

Аўтары часопіса рабілі акцэнт на тым, што наяўнасць новай царквы спрыяла павелічэнню колькасці праваслаўных, іх трываласці ў веры, бо раней людзі нібыта з-за адсутнасці ў геаграфічнай блізкасці царквы вымушаны былі наведваць касцёл [5, с. 55; 16, с. 292]. Падрэзана такое становішча апісана на прыкладзе гісторыі вёскі Кірдыяеўцы (Гардыеўцы) Ашмянскага павета. У верасні 1865 г. у ёй адбылося ўрачыстае асвячэнне новай Ільінскай царквы. Мясцовы праваслаўны прыход да сярэдзіны XIX ст. не вылучаўся масавасцю, што не адмаўляў і аўтар артыкула. Пабудова новай царквы (старая колішняя ўніяцкая царква была надзвычай занябанай) павінна была павысіць статус праваслаўя ў мясцовасці. Сярод іншага, рэлігійны аспект паўплываў і на адміністрацыйны падзел – цэнтр воласці быў перанесены з Табарышак (там знаходзіўся парафіяльны касцёл) у Кірдыяеўцы, дзе цяпер стаяла новаўзведзеная праваслаўная царква. Пра апошні факт у артыкуле сказана адкрыта [5, с. 114].

Эфект ад узвядзення новых цэркваў «Вестник» падкрэсліваў пры дапамозе такога публіцыстычнага прыёму, як перадача простаай мовай уражанняў з месцаў. У нататцы 1866 г. паведамлялася, што пры закладцы новай праваслаўнай царквы ў Царскай Слабадзе Рагачоўскага павета мясцовыя шляхцічкі-каталічкі быццам бы казалі, што цяпер ім будзе бліжэй і зручней

хадзіць да царквы, чым да «свайго спаракхнелага драўлянага касцёла ў Антушах» [5, с. 56].

На старонках выдання падрабязна апісвалася тое, як у сярэдзіне 1860-х гг. адбывалася перадача часткі касцельных будынкаў праваслаўным, якія мерапрыемствы гэта суправаджалі, пераказвалася (у патрэбным выданню рэчышчы) рэакцыя мясцовага насельніцтва.

У 1865 г. у часопісе па гарачых слядах быў адлюстраваны працэс пераводу ў праваслаўе жыхароў вёскі Куродзічы (у 1864 г. з празрыстымі ідэалагічнымі мэтамі перайменаванай у Казанскае) Рэчыцкага павета. У студзені 1865 г. мясцовыя сяляне-католікі былі пераведзены ў праваслаўе.

Нататку пра гэтыя падзеі пакінуў фалькларыст і этнограф «заходне-рускай» скіраванасці Рыгор Кулжынскі (між іншым, трэба адзначыць, што большасць часопісных зацемак былі ананімнымі, але ў дадзеным выпадку аўтар пазначаны). Р. Кулжынскі з'яўлялася актыўным аўтарам, друкаваўся таксама ў газетах «Минские губернские ведомости» і «Гродненские губернские ведомости», склаў рукапісны зборнік «Песні, казкі і прыказкі Паўночна-Заходняга краю», куды ўвайшло больш за 500 твораў, зборнік «Простанародныя беларускія песні, запісаныя ў Мінскай губерні».

У нататцы пра далучэнне да праваслаўя куродзіцкіх сялян ён імкнуўся давесці іх старажытную прыналежнасць да ўсходняга абраду. Сцвярджалася, што да 1799 г. мясцовыя жыхары былі ўніятамі, у вёсцы знаходзілася прыпісаная царква [6, с. 176]. Спыніўся Р. Кулжынскі і на абставінах урачыстасцей, якія прайшлі ў мясцовасці з нагоды асвячэння новай царквы.

Важнае прапагандысцкае значэнне мелі апісанні выпадкаў прыняцця праваслаўя прадстаўнікамі шляхецкага стану. У 1865 г. паведамлялася, што ў Тайманаўскай воласці Быхаўскага павета сталі праваслаўнымі 15 католікаў са шляхты. Толькі дзве «старыя» пажадалі застацца каталікамі. Падкрэслівалася, што пасля далучэння тутэйшых праваслаўных сяляне запрасілі новадалучаных на сяброўскі абед з чаяваннем [7, с. 282].

Шмат увагі надавалася перадачы ў праваслаўную юрысдыкцыю будынкаў закрытых каталіцкіх касцёлаў. Карэспандэнты маглі спыняцца на канкрэтных прыкладах або падаваць агляд падобных дзеянняў на нейкай тэрыторыі (павет або губерня цалкам). На падставе паведамленняў у часопісе магчыма прасачыць працэс закрыцця касцёла ў мястэчку Крэва Ашмянскага павета (зацемак змяшчае кароткі нарыс яго гісторыі) [15, с. 115], Краснасельскага касцёла Вілейскага павета [22, с. 256], касцёла ў Вярховічах [24, с. 151], ператварэння Чавускага касцёла ў праваслаўную царкву [32, с. 160], пераасвячэння ў праваслаўе аднаго з нясвіжскіх каталіцкіх храмаў [39, с. 106; 40, с. 171] і г. д. [26, с. 150, 153; 27, с. 277; 40, с. 171; 31, с. 80; 34, с. 105; 35, с. 289; 35, с. 295; 36, с. 35; 40, с. 224; 7, с. 251; 1, с. 412; 13, с. 329].

Што датычыцца агульных аглядаў, то ў 1868 г. былі рэтраспектыўна апісаны выпадкі закрыцця касцёлаў у «Паўночна-Заходнім краі», пералічаны касцёлы і капліцы, ліквідаваныя з рознай нагоды на працягу 1866–1867 гг. на тэрыторыі Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай і Віцебскай губерняў [27, с. 284].

Некаторыя з нарысаў пра закрыццё касцёлаў адлюстроўваюць складаную канфесійную гісторыю на беларускіх землях у канцы XVIII–XIX ст. У сакавіку 1865 г. філіяльны Велікаборскі касцёл Рэчыцкага павета быў перададзены праваслаўным. У артыкуле пра гэтую падзею акрэсліваўся фізічны стан будынка (адзначалася яго «спаракхнеласць»), памеры, наяўнасць купалоў і агароджы; пералічвалася начинне былога касцёла, якія абразы засталіся ў царкве, а якія былі аддадзены ранейшаму ксяндзу [6, с. 168].

Праваслаўны бок падкрэсліваў, што Велікаборскі храм, які на момант пераасвячэння лічыўся філіяльным касцёлам Астрагледскай каталіцкай парафіі, да 1831 г. быў уніяцкай царквой. Гэта і паслужыла галоўнай прычынай для перабудовы яго ў праваслаўную царкву ў другой палове XIX ст. [45, с. 120–121]. У «Вестнику Западной России» не забыліся прыкмеціць, што наяўнасць у Вялікім Бары касцёла адмоўна ўплывала на мясцовую праваслаўную супольнасць. Адзначалася, што ў суседняй вёсцы Рудзенька чатыры сям'і ў папярэдні час «спакусіліся ў лацінства з праваслаўя» [6, с. 169].

Шэраг матэрыялаў часопіса дазваляюць рэканструяваць працэс пераводу прыхаджан з каталіцызму ў праваслаўе, які ішоў поруч з перадачай касцёла ў праваслаўную юрысдыкцыю. Далучэнню адмыслова надаваўся ўрачысты характар. Была праведзена літургія, падчас якой жыхары вёсак Вялікі Бор і Дубровіца прынялі праваслаўе і атрымалі праваслаўнае прычасце. Новым вернікам былі ўрачыста падараваны асвечаныя мельхіяравы крыжыкі. Пры гэтым у храме прысутнічала шмат сялян, якія фактычна працягвалі прытрымлівацца каталіцтва [6, с. 168; 9, с. 157; 21, с. 133]. Апрача таго, далучэнне да праваслаўя суправаджалася хросным ходам з царквы ў валасное праўленне, дзе прайшоў малебен. Напрыканцы прыхаджане, якія заўжды належалі да праваслаўнай царквы, запрасілі новадалучаных на «сняданак».

Паводле інфармацыі карэспандэнта часопіса, у 1865 г. у мястэчку Хойнікі праваслаўнымі сталі 366 чалавек з вёсак Валокі, Малешаў, Карчовае, Вялікі Бор, Вугольская Рудня і Загалле [1, с. 396].

Такім чынам, пры адлюстраванні міжканфесійных пераходаў рабіўся акцэнт на ўрачыстасці мерапрыемства, цікавасці да яго з боку вясковай супольнасці (прысутнічалі і католікі, і праваслаўныя), а таксама на тым, што такая святочная атмасфера спрыяла таму, што сяляне выказвалі жаданне прыняць праваслаўе.

На старонках часопіса прыняцце праваслаўя магло характарызавацца як выключная падзея, нават у выпадках адзінкавых пераходаў. Падчас асвячэння капліцы ў мястэчку Кляшчэлі праваслаўе прыняў мешчанін Антоні Глацкі. Са зместу нататкі пра гэта магчыма даведацца пра асабістыя матывы да змены канфесіі. Паводле сведчанняў самога А. Глацкага, яго продкі спрадвек былі праваслаўнымі, якія прынялі каталіцызм «пад прыгнётам панства», а цяпер ён вяртаецца ў праваслаўе [1, с. 416]. Таксама яскрава апісваецца пераход у праваслаўе сяляніна з Віцебскай губерні Георгія Ланге [28, с. 57].

Аўтары «Вестника» не ўтойвалі фактаў ідэалагічнага змагання паміж праваслаўным і каталіцкім бакамі. Адзначалася, што новыя праваслаўныя царквы часам узводзіліся ў месцах традыцыйнага каталіцкага «культу». Так,

у Ваўкавыску новая праваслаўная царква была закладзена ў мясцовасці, дзе раней стаялі каталіцкія крыжы [20, с. 57]. У Дудаковічах Магілёўскага павета царква паўстала на руінах былога каталіцкага касцёла [40, с. 175].

Часопіс дае багаты матэрыял адносна пытанняў сумеснага пражывання католікаў і праваслаўных у адных населеных пунктах. У ім падаваліся характарыстыкі (адмыслова завостраныя) канфесійнай сітуацыі на гістарычным праваслаўна-каталіцкім памежжы (Дрыса Віцебскай губерні [3, с. 55]; Мёры Дзісенскага павета, у гэтым мястэчку мела месца праваслаўная місіянерская дзейнасць сярод каталіцкага насельніцтва, якое, на думку аўтара, праяўляла выразную цікавасць да праваслаўя [14, с. 279]). Адносна мястэчка Гайна Барысаўскага павета ў 1865 г. адзначалася, што ў ім здаўна функцыянуюць касцёл і царква, падкрэсліваліся адрозненні ў іх аздабленні, знешнім і ўнутраным выглядзе. Традыцыйнай часткай падобных публікацый з'яўляўся кароткі нарыс узнікнення мясцовых каталіцкага і праваслаўнага храмаў [4 с. 199].

Апрача пераважна ананімных зацемак, у часопісе друкавалася карэспан-дэнцыя святароў з месцаў пра іх дасягненні ў вяртанні прыхаджан у праваслаўе. У 1866 г. быў апублікаваны ліст святара Поразаўскай царквы Ваўкавыскага павета наконт таго, што падчас свайго знаходжання на пасадзе ў 1858–1864 гг. ён дасягнуў значных поспехаў у місіянерскай справе [14, с. 297]. Наогул праблема пашырэння веры востра стаяла перад прадстаўнікамі праваслаўнай царквы. Звычайнымі былі абвінавачванні ў слабасці місіянерскай дзейнасці праваслаўных святароў у параўнанні з каталіцкімі ксяндзамі [44, с. 1]. Зрэшты, аўтары выдання ўсведамлялі, што складанасці праваслаўнага прызелітызму маглі быць выкліканы аб'ектыўнымі прычынамі, перш за ўсё, вялікай загрузанасцю і недастатковым матэрыяльным забеспячэннем духавенства. Прапаноўваліся павелічэнне заробку і колькасці зямлі для святароў, каб тыя канцэнтраваліся на выкананні непасрэдных абавязкаў, а не на пошуку сродкаў да існавання [5, с. 15].

У гэтым кантэксце цікавымі з'яўляюцца прамовы святароў, што рабіліся з нагоды асвячэння цэркваў. Такія матэрыялы нярэдка прысутнічалі ў «Вестнику». У 1866 г. быў перададзены змест прамовы протаіерэя Іосіфа Дамінікоўскага, якая была выказана пры пераасвячэнні Дукорскага філіяльнага касцёла ў праваслаўе, што адбылося 14 лістапада 1865 г. Асабліва адзначалася, што гэты касцёл раней быў уніяцкай царквой [9, с. 252].

Вялікае прапагандысцкае значэнне мелі паведамленні аб прыняцці праваслаўя каталіцкімі арыстакратамі (напрыклад, у 1866 г. спецыяльны матэрыял быў прысвечаны пераходу ў праваслаўе князя Аляксандра Друцкага-Любецкага [14, с. 289]) і нават каталіцкімі святарамі. У 1866 г. быў надрукаваны артыкул пра ксяндза Падбярэзскага касцёла (Віленскі павет) Яна Стралецкага, які прыняў праваслаўе разам з парафіянамі, якія складалі каля 1 тысячы асоб. Мясцовы касцёл таксама стаў праваслаўнай царквой [11, с. 134].

Некаторыя выкладзеныя на старонках «Вестника» біяграфіі канвертытаў заслугоўваюць асаблівай увагі [42, с. 280]. Шырокавядомай стала справа вяртання ў праваслаўе каталіцкага біскупа Сцяпана Джункоўскага, які нара-

дзіўся ва ўкраінска-рускай дваранскай сям’і, прадстаўнікі якой, сярод іншага, з’яўляліся праваслаўнымі святарамі. У маладосці ён прыняў каталіцтва, стаў важным іерархам і місіянерам, але з цягам часу расчараваўся ў каталіцызме і прыняў рашэнне вярнуцца ва ўсходні абрад. Пытанню яго канверсіі былі прысвечаны некалькі часопісных публікацый. У іх С. С. Джункоўскі характарызаваўся як «адзін з найбольш выдатных рускіх адэптаў каталіцызму, былы папскі апостальскі намеснік арктычных краёў», які за 20 гадоў служэння ксяндзом пераканаўся ў «хлуслівасці папізму» [14, с. 318; 41, с. 70].

Згадваліся і выпадкі адваротных пераходаў – з праваслаўя ў каталіцтва. У адным з выпускаў за 1869 г. апублікавана нататка праваслаўнага святара Лаўра Канапацкага, у якой апавядаецца пра высокапастаўленага каталіцкага святара Стафана Дзенісевича. Яго асоба звярнула на сябе ўвагу з той нагоды, што паводле звестак праваслаўнага боку С. Дзенісевич паходзіў з сям’і праваслаўных (відавочна, раней уніяцкіх) сялян вёскі Цытра Сенненскага павета Магілёўскай губерні. Быццам бы яго маці Ганна ў 1842 г. ахрысціла свайго пазашлюбнага сына Стафана паводле каталіцкага абраду. Наколькі гэты аповед адпавядаў рэчаіснасці, вызначыць не з’яўляецца магчымым [38, с. 131].

Відавочна, што на старонках часопіса апісваліся не толькі пераходы ў праваслаўе прадстаўнікоў свецкай і касцельнай эліты. Дыдактычнае значэнне мелі і канверсіі шараговых жыхароў беларускіх губерняў, асабліва калі іх можна было асэнсаваць у больш шырокім грамадска-палітычным кантэксте. У 1866 г. пераказваўся выпадак, які адбыўся ў мястэчку Смартонь Ашмянскага павета, калі падчас набажэнства за здароўе імператара Аляксандра II, што адбывалася пасля замаху на яго, некалькі католікаў выказалі жаданне стаць праваслаўнымі [12, с. 192].

У 1865 г. вялікая нататка была змешчана аб прыняцці праваслаўя 44 сялянамі-католікамі вёскі Таранава Магілёўскага павета. У паведамленні падкрэсліваецца факт пашыранасці ў гэтай мясцовасці змешаных шлюбаў, у якіх муж і жонка належалі да розных канфесій. Адзначалася, што ў сялянскай супольнасці праваслаўныя нібыта акрэслівалі сябе як «благочестивых», а католікі называліся «палякамі». Аўтар артыкула імкнецца давесці, што адрозненні ў веравызнанні прыводзілі да побытавых канфліктаў, імкненне да пераадолення якіх нібыта і натхніла католікаў прыняць праваслаўе [7, с. 281].

Наогул пытанне функцыянавання змешаных шлюбаў і праблемы рэлігійнага выхавання дзяцей у такіх сем’ях былі адной са стальных тэм «Вестника» [10, с. 268]. Прыводзілася статыстыка міжканфесійных шлюбаў, напрыклад, у Вільні ў 1864 г. з 91 шлюбу праваслаўных 76 было заключана з прадстаўнікамі іншых хрысціянскіх канфесій, пераважна з католікамі [30, с. 265]. У артыкуле А. Ламачёўскага «Насельніцтва Заходняга краю Расіі» палемічна падкрэслівалася, што нават на тэрыторыях, дзе большасць складалі католікі, амаль у кожнай сям’і нібыта ёсць праваслаўныя [43, с. 311].

Для апісання выпадкаў прыняцця праваслаўя з цягам часу была вылучана адмысловая рубрыка «Поспехі праваслаўя», якая прысутнічала амаль у кожным нумары часопіса, пачынаючы з 1867 г. [22, с. 237; 23, с. 45; 25, с. 31–

54; 26, с. 151]. Менавіта ў ёй друкаваліся бягучыя даныя аб закрыцці касцёлаў і пераводзе насельніцтва ў праваслаўе. Апрача таго, змяшчалася статыстычная інфармацыя па агульнай колькасці пераведзеных. У 1867 г. сцвярджалася, што праваслаўе ў Літоўскай епархіі прынялі 25 194 чалавекі. Натуральна, што большасць з іх складалі сяляне, але ў часопісе падкрэслівалася, што новымі праваслаўнымі сталі некаторыя памешчыкі, нават князі і графы [17, с. 403].

У 1868 г. падавалася статыстыка для Мінскай губерні – каля 20 тысяч асоб (у 1866 г. называлася нават больш дакладна колькасць – 20 705 чалавек, верыфікаваць гэтыя звесткі складана), якія перайшлі ў праваслаўе за апошнія некалькі гадоў. Паспехі праваслаўя на Міншчыне аўтарамі часопіса тлумачыліся тым, што продкі гэтых людзей вызнавалі праваслаўе, а пасля прыняцця ўніі былі «акаталічаныя» [18, с. 212].

Асабліва адзначаліся масавыя канверсіі ў былой Мікалаеўшчынскай парафіі Мінскага павета (каля 700 чалавек) і ў Валожынскай парафіі Ашмянскага павета, дзе да праваслаўя нібыта далучыліся 6 тысяч чалавек [33, с. 79].

Менавіта на канфесійна неаднастайнае памежжа Мінскай і Віленскай губерняў звярталася пільная ўвага. У 1866 г. выйшаў артыкул аб асвячэнні царквы ў мястэчку Быстрыца Віленскага павета, дзе 538 католікаў сталі праваслаўнымі [10, с. 326]. У 1867 г. адзначалася, што ў парафіі ў мястэчку Беніца Ашмянскага павета праваслаўнымі сталі 500 чалавек [15, с. 90], у Краснасельскай парафіі – каля 50 чалавек [15, с. 90]. Станькаўскі благачынны Пётр Трускоўскі ў 1867 г. паведамляў, што ў парафіі з цэнтрам у мястэчку Волма (Мінскі павет) з лістапада па чэрвень гэтага года праваслаўе прынялі 1200 чалавек. Ператварэнне мясцовага касцёла ў царкву ён традыцыйна абгрунтоўваў тым, што некалі ў мястэчку была праваслаўная царква, нібыта забраная католікамі [21, с. 60]. Лагойскі праваслаўны святар Раман Маскалевіч 15 верасня 1866 г. апублікаваў нарыс «Асвячэнне царквы ў Лагойску», дзе паведаміў, што яго прыход папоўніўся 400 новадалучанымі вернікамі [15, с. 111]. Не прамінулі аўтары «Вестника» і падзеі ў Ляхавічах (Слуцкі павет), якія атрымалі шырокі розгалас. У сярэдзіне 1860-х гг. мясцовы ксёндз Анзэльм Гірдоўн урачыста прыняў праваслаўе і садзейнічаў пераходу сваіх парафіян ва ўсходні абрад [21, с. 45]. Належыць адзначыць, што ў гэтым выпадку «поспехі праваслаўя» былі вонкавымі. Многія былыя католікі з Ляхавіцкай і часткова Мядзведзіцкай парафіяў Слуцкага павета на працягу наступных дзесяцігоддзяў зацята імкнуліся атрымаць дазвол на вызнаванне каталіцтва.

Статыстыка губернскага ўзроўню дапаўнялася данымі з паведаў, асабліва тых, дзе працэс далучэння да праваслаўя ішоў інтэнсіўна. У 1867 г. было занатавана, што «ў гэтым годзе ў Віленскім павеце пераведзена католікаў у праваслаўе 6351 чалавек» [15, с. 105]. Зрэшты, часцей паведамленні пра далучаных да праваслаўя вернікаў не мелі канкрэтных лічбаў. Папросту згадваўся факт далучэння да праваслаўнай царквы сялян пэўных вёсак [18, с. 215; 37, с. 323; 30, с. 252].

У часопісе згадваліся і пераходы ў праваслаўе ў рэгіёнах, дзе католікаў было не так і шмат. У 1866 г. «Вестник» інфармаваў чытачоў аб прыняцці праваслаўя 107 католікамі з вёскі Краснае Рэчыцкага павета, якія сталі вернікамі

Дземяхоўскага прыхода. Аўтар зацемкі тлумачыў, што гэта пераважна былі колішнія ўніяты, якія пасля 1839 г. здолелі запісацца ў католікі [10, с. 317].

Значны публіцыстычны эффект магчыма было дасягнуць пры дапамозе публікацый нататкі падарожнікаў і іншых «знешніх» назіральнікаў. Зразумела, што да ступені сапраўднасці выкладзеных у іх звестак варта ставіцца з пэўнай перасцярогай, тым больш, што для большасці гэтых твораў не пазначалася аўтарства [2 с. 467; 9, с. 233].

Сярод апісанняў гарадоў і прыроды беларускіх і літоўскіх губерняў, між іншым, адзначалася павелічэнне колькасці праваслаўных храмаў. У «Нататцы аб Вільні Санкт-пецярбургскага вандроўніка» ад 2 лістапада 1865 г. паведамлялася, што ў горадзе з'яўляецца шмат новых праваслаўных храмаў: яны або цалкам новапабудаваныя, або перабудаваныя з касцёлаў [1, с. 212].

Нататка «Уражанні турыста ад Вільні», у асноўным, прысвечана не рэлігійным пытанням, а свецкаму жыццю губернскага горада: згадваюцца тэатр, дваранскі клуб, наяўнасць газавага асвятлення. Але тэкст усё ж публікаваўся на старонках «Вестника», вядома, што ў такім выпадку падкрэсліваюцца і з'яўленне ў гэты час новых праваслаўных храмаў, і рэканструкцыя старых праваслаўных помнікаў у горадзе [1, с. 219].

У матэрыяле «Паездка ў мястэчка Ашмяны» (1867 г.) вандроўнік адзначае ўбачаныя па дарозе цэрквы, якія былі перабудаваны з касцёлаў, апісвае іх выгляд, паведамляе пра традыцыю пакідаць на ранейшых месцах каталіцкія абразы, якія, што не ўтойвае аўтар, найбольш шануюцца вернікамі [15, с. 92].

Спецыфічным падвідам падарожных нататак былі апісанні працоўных паездак прадстаўнікоў адміністрацыі. Адным з цэнтральных пытанняў, якое асвятляецца ў іх, з'яўлялася канфесійнае становішча: колькасць праваслаўных храмаў, іх прыхаджан, узаемаадносіны паміж праваслаўнымі і католікамі. У 1865 г. выйшаў матэрыял пра паездку віленскага генерал-губернатора Канстанціна фон Каўфмана па беларускіх губернях. Матэрыял атрымаўся дастаткова крытычным. Адзначалася, што ў Віцебскай губерні магчыма сустрэць праваслаўных прыхаджан, якія хрысцяцца на каталіцкі манер і моляцца на польскай мове. Не ўтойвалася і вялікая колькасць рэліктаў уніяцтва [5 с. 45].

Даволі моцным быў навуковы складнік часопіса, але К. Гаворскі пераважна засяроджваўся на публікацыі крыніц па гісторыі праваслаўя на беларускіх землях, а навуковыя даследаванні, прысвечаныя сучаснасці на старонках «Вестника», былі рэдкасцю [2, с. 468]. Як правіла, гэта былі этнаграфічныя матэрыялы: друкаваліся паданні і песні, што адлюстроўвалі міжканфесійныя адносіны на беларускіх землях, змяненні рэлігійнай прыналежнасці (як правіла, яны былі прысвечаны часам уніі, пераходу ў каталіцызм і імкненню вярнуцца ў праваслаўе) [1, с. 423].

«Вестник» актыўна і даволі зацята ўключаўся ў грамадскія дыскусіі, у тым ліку па рэлігійных пытаннях. Напрыклад, у 1866 г. у ім быў надрукаваны палемічна завостраны адказ на артыкул у часопісе «Дзень», у якім крытыкавалася палітыка пабудовы цэркваў у беларускіх губернях і выпадкі ўмяшальніцтва свецкіх улад у справы веры [9, с. 163].

Такім чынам, часопіс «Вестник Западной России» з'яўляецца важнай (хай і тэндэнцыйнай) крыніцай па гісторыі міжканфесійных дачыненняў у Беларусі ў другой палове XIX ст. Аўтары выдання асабліваю ўвагу звярталі на выпадкі прыняцця праваслаўя католікамі, пабудову новых цэркваў (асабліва ў канфесійна неаднастайных рэгіёнах) і перабудову каталіцкіх касцёлаў у храмы ўсходняга абраду. Апрача таго, яны спыняліся на разнастайных аспектах праваслаўнага і каталіцкага місіянерства і празелітызму. Як і любая публіцыстычная крыніца, матэрыялы «Вестника» патрабуюць крытычнага асэнсавання, руплівага аналізу і ўважлівай верыфікацыі пададзенай у ім інфармацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 7: 1864/1865, январь. – 228 с.
2. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 8: 1864/1865, февраль. – 242 с.
3. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 9: 1864/1865, март. – 214 с.
4. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография А. Сыркина, 1865. – Кн. 11: 1864/1865, май. – 230 с.
5. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 1: 1865/1866, июль. – 244 с.
6. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 2: 1865/1866. – 244 с.
7. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 3: 1865/1866. – 216 с.
8. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Р. М. Ромма, 1865. – Кн. 4: 1865/1866. – 193 с.
9. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 5: 1865/1866. – 239 с.
10. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 6: 1865/1866. – 217 с.
11. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 7: 1865/1866. – 230 с.
12. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 8: 1865/1866. – 230 с.
13. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 9: 1865/1866. – 220 с.
14. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1866. – Кн. 12: 1865/1866. – 223 с.
15. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 1: 1867. – 290 с.
16. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 2: 1867. – 248 с.

17. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 3: 1867. – 224 с.
18. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 5: 1867. – 217 с.
19. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 6: 1867. – 206 с.
20. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 7: 1867. – 226 с.
21. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 8: 1867. – 211 с.
22. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 9: 1867. – 211 с.
23. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1867. – Кн. 10: 1867. – 197 с.
24. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1867. – Кн. 11: 1867. – 233 с.
25. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 1: 1868. – 213 с.
26. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 2: 1868. – 212 с.
27. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 3: 1868. – 212 с.
28. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 4: 1868. – 210 с.
29. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 5: 1868. – 212 с.
30. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 6: 1868. – 207 с.
31. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 7: 1868. – 212 с.
32. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 8: 1868. – 213 с.
33. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 10: 1868. – 209 с.

34. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1868. – Кн. 11: 1868. – 194 с.

35. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1869. – Кн. 3: 1869. – 191 с.

36. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1869. – Кн. 4: 1869. – 190 с.

37. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография М. Ромма, на Ивановской улице в здании Гимназии, противу Губернского правления, 1869. – Кн. 6: 1869. – 190 с.

38. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1869. – Кн. 9: 1869. – 190 с.

39. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1869. – Кн. 10: 1869. – 192 с.

40. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1869. – Кн. 11: 1869. – 191 с.

41. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Губернского Правления, 1870. – Кн. 1: 1870. – 192 с.

42. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина. – Кн. 3: 1870. – 188 с.

43. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Штаба Виленского Военного Округа, 1870. – Кн. 6: 1870. – 188 с.

44. Вестник Западной России: Историко-литературный журнал. – Вильна: Типография Штаба Виленского Военного Округа, 1870. – Кн. 10: 1870. – 188 с.

45. Минские епархиальные ведомости / Поучение, сказанное в Хойникской церкви 14-го декабря 1869 года, по случаю торжественного внесения в сию церковь иконы Божией матери, присланной государем императором. – Минск, 1870. – № 5. – С. 120–121

46. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Менск: Навука і тэхна, 1993. – 349 с.

(Дата паступлення: 25.05.2024 г.)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ МЕЛІЯРАЦЫІ Ў ПАЛЕСКІМ ВАЯВОДСТВЕ Ў 1921–1939 ГГ.

Гарматны В. П.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

У артыкуле аналізуюцца падыходы даследчыкаў у справе ажыццяўлення ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг. меліярацыйных работ, дзякуючы чаму гэты рэгіён мог бы істотна палепшыць сваё сацыяльна-эканамічнае становішча. У сувязі з гэтым меліярацыя атрымала вельмі важнае значэнне не толькі з гаспадарчых пунктаў, але і як магчымасць часткова вырашыць нацыянальнае пытанне праз надзяленне ворнай зямлэй мясцовых сялян, якія пераважна былі беларусамі. Разам з тым справа меліярацыі была надзвычай затратнай і маруднай, што, на думку большасці даследчыкаў, не дазволіла поўнасяцю дасягнуць жадаемых вынікаў.

Ключавыя словы: Палессе; балоты; меліярацыя; асушэнне; канал; ураджайнасць; сенакос.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE LAND RECLAMATION IMPLEMENTATION IN THE POLESIE VOIVODESHIP DURING 1921–1939

Harmatny V. P.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

The article analyzes the approaches of researchers in the field of implementation in the Polesie Voivodeship in 1921–1939 reclamation works, thanks to which this region could significantly improve its socio-economic situation. In this regard, land reclamation became very important not only from an economic point of view, but also as an opportunity to solve partially the national question through the allocation of arable land to local peasants, who were mainly Belarusians. At the same time, the reclamation works were extremely expensive and slow, what according to the opinion of most researchers did not allow to fully achieve the desired results.

Keywords: Polesie; marshes; land reclamation; drainage; channel; productivity; haymaking.

На працягу 1921–1939 гг. землі сучаснай Брэсцкай вобласці ўваходзілі ў склад міжваеннай Польшчы і з’яўляліся асновай Палескага ваяводства, якое было самай вялікай на той час адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкай не толькі ў самой Польшчы, але і ва ўсёй Еўропе, і па плошчы было прыкладна роўным Бельгіі. Разам з тым у сацыяльна-эканамічным плане Палессе ацэньвалася сучаснікамі як параўнаўча найбольш адсталая па прычыне слабасці мясцовай эканомікі і відавочным дамінаванні сельскай гаспадаркі

з захаваннем шэрагу перажыткаў (перш за ўсё памешчыцкага землеўладання, сервітутаў і цераспалосіцы), таксама малаземелля і безземелля навакольных вяскоўцаў. Такая сітуацыя была характэрна яшчэ з часоў Расійскай імперыі (усё «доўгае XIX ст.») і надзвычай абвастрылася пасля шырокамаштабных ваенных і рэвалюцыйных узрушэнняў.

У такіх умовах перад польскімі ўладамі стаяла тэрміновая задача аднаўлення мясцовай эканомікі і павышэння агульнага дабрабыту палескага насельніцтва, і перш за ўсё сялянства. Галоўным спосабам вырашэння існуючых гаспадарчых праблем магла стаць меліярацыя, бо Палессе было здаўна вядома сваімі непразлымі балотамі, з-за якіх ва ўмовах слаба развітай транспартнай сеткі да некаторых аддаленых вёсак можна было дабрацца толькі ў зімовы перыяд. Акрамя таго, рэгуляцыя палескіх рэк магла б спалучыць водную сістэму міжваеннай Польшчы з Цэнтральнай і Усходняй Еўропай, істотна пашырыць рачную транспартную сетку, зрабіць яе больш судаходнай і такім чынам палепшыць сітуацыю і ў прамысловасці дзякуючы лепшай магчымасці перавозкі патрабуемай сыравіны; не менш важнае значэнне меліярацыя мела і для рыбнай гаспадаркі [15; 17; 19].

Неабходна адзначыць таксама, што наяўнасць балот надзвычай ускладняла санітарнае становішча палешукоў і прыводзіла да шырокага распаўсюджвання тут рознага роду хвароб, якія ўжо амаль не сустракаліся ў іншых мясцовасцях, перш за ўсё каўтуну. У некаторых надзвычай смелых праектах будучая роля Палесся ў народна-гаспадарчым комплексе міжваеннай Польшчы нават ацэньвалася як «Новая Галандыя», але рэчаіснасць апынулася больш праязімай! [18]. У цэлым у шэрагах тагачаснай польскай эліты ішла актыўная дыскусія паводле характару і накірункаў плануемай меліярацыі на Палессі, выказваліся адносна гэтага даволі палярныя падыходы і рознага роду крытычныя заўвагі, сведчаннем чаму з'яўляюцца артыкулы А. Карнэлла [16] і С. Латыша [20].

Абгрунтаванне неабходнасці меліярацыі ў Палескім ваяводстве, магчымага яе кошту і чаканых вынікаў зроблена ў гаспадарчым мемарыяле, складзеным напрыканцы снежня 1936 г. на імя Старшыні Рады Міністраў Ф. Славоя-Сладкоўскага [14, s. 16–18]. Пры гэтым падкрэслівалася, што выразнае адставанне ў ажыццяўленні асушэння балот (улічваючы, што на Палессі на той час рэгуляцыі рэк і каналаў патрабавалася як мінімум 12 000 км, кошт рэгуляцыі 1 км рэк складаў звычайна 8000 злотых, то пры захаванні з 1937 г. сучасных тэмпаў на меліярацыю спатрэбілася яшчэ б як мінімум 80 гадоў) магло стаць надзвычай небяспечным, адзначалася, што кошт неабходных работ па меліярацыі быў надзвычай высокім, але ў перспектыве даволі хутка гэта ўсё дало б вялікі станоўчы эфект, дзякуючы чаму можна было б вярнуць укладзеныя ў асушэнне балот грошы.

Е. Небржыцкі падрыхтаваў з улікам вайскова-геаграфічных аспектаў вопіс становішча Палесся (у тым ліку часткова і ўсходняга, якое знаходзілася ў складзе Савецкай Беларусі), дзе прывёў паказчыкі забалочанасці і адпаведна неабходнасць і магчымыя вынікі меліярацыі. У выданні паказана размяшчэнне балот па паведах Палесся і іншыя гаспадарча-геаграфічныя

асаблівасці іх як цэласнага ландшафтнага комплексу, перш за ўсё віды балот адносна іх паходжання і структуры, класіфікацыі вады, навакольнай флоры і фаўны, а таксама шкоды, якую атрымлівалі пасевы падчас вясенніх разліваў рэк, прааналізавана ажыццяўленне папярэднімі ўладамі работ па меліярацыі Палесся і неабходнасць іх працягу [21].

Надзвычай высокую вартасць у разглядзе становішча ў мясцовай аграрнай сферы і коштаў ворных зямель на Палессі ўяўляе выданне пад аўтарствам Ст. Біскупскага, у якім прааналізаваны спецыфіка размяшчэння глебаў на Палессі і іх ураджайнасць адпаведна прынятай класіфікацыі, пры гэтым падкрэсліваецца, што якасць глебы магла істотна вагацца нават на абшары асобнай мясціны, і ў першую чаргу менавіта па прычыне забалочанасці [12, s. 13–16]. Акрамя таго, зроблена заўвага, што меліяраваная зямля адразу ацэньвалася надзвычай больш высока, бо дзякуючы гэтаму яе ўраджайнасць істотна павышалася, а таксама спрашчалася агульная апрацоўка зямлі.

На працягу знаходжання Палесся ў складзе міжваеннай Польшчы тут быў праведзены шэраг комплексных работ па асушэнні яго тэрыторыі, але разам з тым гэтыя спробы па розных прычынах не былі даведзены да канца. Даследаванне ажыццяўлення меліярацыі на Палессі і ў прыватнасці шарваркавай павіннасці пачалося яшчэ ў разглядаемы перыяд, сведчаннем чаму з'яўляецца кніга Л. Гака [2], у якой у сціслым выглядзе паказаны асноўныя накірункі польскай аграрнай палітыкі. Разглядаемае выданне носіць перш за ўсё агітацыйна-публіцыстычны характар, таму абмеркаваныя працэсы паддзены даволі тэндэнцыйна, але вялікай увагі заслугоўваюць прыведзеныя вытрымкі з перыядычнага друку з апісаннем канкрэтных прыкладаў барацьбы сялян супраць неабходнасці выканання шарваркаў у асобных населеных пунктах, якія яскрава сведчаць пра дыскрымінацыйную палітыку польскіх уладаў у адносінах да заходнебеларускага сялянства. Аўтар параўноўваў гэта з новым прыгонам і нават нявольніцтвам [2, с. 55–57].

З афіцыйнага польскага пункту гледжання справа ажыццяўлення меліярацыі на Палессі прааналізавана Вітольдам Станевічам, які ў свой час нават займаў пасаду міністра сельскай гаспадаркі міжваеннай Польшчы. Ён падкрэсліваў, што дадзенае пытанне носіць комплексны характар, бо дзякуючы асушэнню балот можна было надзяліць свабоднай ворнай зямлёй перш за ўсё вайсковых асаднікаў, праз што справа асіміляцыі мясцовага насельніцтва магла б пайсці больш паспяхова. Разам з тым у выніку можна будзе яшчэ надзяліць зямлёй малазямельнае і беззямельнае сялянства, дзякуючы чаму можна было б забяспечыць іх лаяльнасць да польскага панавання тут і стабілізаваць грамадска-палітычную сітуацыю ў цэлым. Пры гэтым адзначалася, што для паскарэння і патанення меліярацыі неабходна актыўна выкарыстоўваць працу саміх мясцовых сялян [26]. Выкананне меліярацыі надзвычай моцна залежала ад фінансавання, таму Станевіч даволі падрабязна аналізаваў кошт работ па меліярацыі і магчымую выгаду ад іх рэалізацыі.

Дзеля комплекснага ажыццяўлення работ па меліярацыі ўладамі было створана Бюро меліярацыі Палесся (БМП), якое адыгрывала каардынацыйную дзейнасць у ажыццяўленні тут адпаведных работ. Варта адзначыць, што

на той час БМП выкарыстоўвала перадавыя метады арганізацыі працы, перш за ўсё аэрафатаграфію, а таксама арганізацыю даследчыцкіх станцый на асушаных глебах і галоўным чынам тарфяніках з мэтай іх пасяховага асваення сельскай гаспадаркай.

Пра дзейнасць БМП у гэтым плане сведчыць справаздача аднаго з яго кіраўнікоў С. Рухлоўскага (1936 г.) [24], у якой паказаны колькасныя паказчыкі забалочанасці на тагачасным Палессі (69,3 %) і ажыццяўляемыя пад яго кіраўніцтвам работы ў справе асушэння балот, разгледжана агульнае становішча мясцовай сельскай гаспадаркі, асноўныя тыпы палескай глебы, наяўнасць свойскай жывёлы і г. д. У сваёй наступнай працы Рухлоўскі прааналізаваў сучасны яму стан сельскай гаспадаркі і прычын забягненасці Палескага ваяводства, паказаў неабходнасць ажыццяўлення тут меліярацыі, асноўныя дасягненні і праблемы на гэтым шляху, падкрэсліваў асаблівае значэнне асушэння балот у справе замацавання такім чынам Палесся за Польшчай і інтэграцыі яго ў мясцовы народна-гаспадарчы комплекс [23]. У якасці выразнага прыкладу карысці меліярацыі Рухлоўскі прыводзіць звесткі за 1935 г., паводле якіх на Палессі збор сена на меліяраваных лугах склаў 29,8 цэнтнера з га, у той час як на забалочаных – 18,1. Улічваючы, што на Палессі налічвалася 622 499 забалочаных га, такі прыбытак мог штогадова складаць каля 29 000 000 злотых [23, с. 23].

Справа ажыццяўлення меліярацыі была надзвычай аб'ёмнай у сувязі з неабходнасцю складання шматлікіх дакументаў юрыдычнага і тэхнічнага характару, таму востра стаяла пытанне аб падрыхтаваных і дасведчаных у гэтым плане спецыялістах і магчымых тэрмінах рэалізацыі асобных работ, сведчаннем чаго з'яўляецца артыкул былога міністра грамадскіх работ, кіраўніка БМП Б. Прухніка, у якім паказаны асноўныя складовыя часткі меліярацыі, іх паслядоўнасць і значэнне, магчымы каштарыс і тэрміны выканання, а таксама ўзаемаадносіны з навакольным насельніцтвам і ваяводскімі ўладамі [22]. Так, напрыклад, адной з крытычных заўваг польскага ўрада да БМП на той час была занадта высокая доля прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў (беларусаў, украінцаў і яўрэяў), а таксама разгалашэнне дзяржаўнай тайны (пра гідраграфічную і геалагічную характарыстыку Палесся). Сітуацыю з меліярацыяй ускладняла неабходнасць строгай справаздачы ў справе фінансавання, у сувязі з чым Прухнік быў запоздаваны ва злоўжываннях, зняты з пасады і трапіў у турму, але потым быў амніставаны. Акрамя таго, БМП некалькі разоў пераходзіла са складу аднаго міністэрства ў іншае, што таксама ўскладняла ажыццяўленне меліярацыі.

У айчынай гістарыяграфіі савецкага перыяду справа ажыццяўлення польскімі ўладамі меліярацыі на Палессі не разглядалася асобна і выступала свайго роду фонам пры паказе рэвалюцыйнай барацьбы мясцовага сялянства за маёмасныя правы і свабоды. Напрыклад, аўтарытэтны гісторык У. А. Палуян адзначаў, што польскія ўлады з мэтай эканоміі дзяржаўнага бюджэту праводзілі меліярацыю перш за ўсё метадам шарваркаў – выкананнем сялянамі натуральных павіннасцей пад наглядам прафесіяналаў, перш за ўсё пракопванне асушальных каналаў сваімі рукамі і інвентаром. Навуковец

даволі сцісла паказвае антышарварачную барацьбу сялянства Палесся і перш за ўсё апісвае сялянскія выступленні ў Брэсцкім і Кобрынскім паветах летам 1932 г., адзначае, што сяляне пад кіраўніцтвам актыўнай агітацыі прадстаўнікоў КПЗБ адчулі, што яна нібыта пойдзе на карысць выключна навакольнаму памешчыку і таму адмовіліся выконваць шарваркі і сарвалі такім чынам меліярацую мясцовых зямель [9, с. 101, 163].

Найбольш прызнаным даследчыкам аграрнай гісторыі Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду, бясспрэчна, стаў А. А. Сарокін, які першым выдаў на гэтую тэму буйное даследаванне, дзе прааналізаваў асноўныя складовыя часткі аграрных пераўтварэнняў пад кіраўніцтвам польскіх уладаў. Даследчык падкрэсліваў надзвычай высокую забалочанасць Заходняй Беларусі, адзначаў, што на тэрыторыі Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў знаходзілася 49,5 % агульнай плошчы балот усёй Польшчы, а забалочанасць Палесся была яшчэ большай (у выніку можа нават стварыцца памылковае ўражанне, што, па сутнасці, усе балоты міжваеннай Польшчы былі выключна на тэрыторыі Заходняй Беларусі!) [11, с. 32]. У сувязі з гэтым відавочна неабходнасць шырокага правядзення тут меліярацыйных работ, з дапамогай якіх можна было пераўтварыць балоты ва ўрадлівыя палі, але пры гэтым звяртаў увагу, што з агульнага фонду, асігнаванага на меліярацыю, на долю Палесся прыпадала ў розныя гады ўсяго толькі каля 1,6 %. У манаграфіі прааналізаваны адносіны сялян да ажыццяўлення меліярацыі шляхам шарваркаў, адзначаецца, што колькасць шарваркаў на 1 сялянскую гаспадарку даходзіла да 60, а часам нават і да 140 дзён у год, ці каля 1–2 дзён у тыдзень, аднак, на думку аўтара артыкула, такую высокую лічбу можна паставіць пад сумніў, асабліва ўлічваючы зробленую пры гэтым Сарокіным спасылку на матэрыялы адной з агітацыйна-прапагандысцкіх брашур, выдадзеных у 1939 г. [11, с. 39].

Справу Сарокіна потым працягнуў Б. Я. Кухараў, які ў асобным выданні разгледзеў становішча сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг., дзе падкрэсліў цесную сувязь меліярацыі і ліквідацыі сервітутаў. Асаблівую ўвагу заслгоўваюць прыведзеныя дадзеныя на 1931 г. аб забалочанасці заходнебеларускіх ваяводстваў, з якіх выцякае, што ў Палескім ваяводстве плошча балот складала 20,6 %, на той час як на Віленшчыне 16,3 % і Навагрудчыне 9,8 %. Пры гэтым у даследаванні адзначаецца, што нягледзячы на меркаванні С. Рухлоўскага, які непасрэдна кіраваў меліярацыйнымі работамі на Палессі і падлічыў, што дзякуючы асушэнню палескіх лугоў можна было б атрымліваць штогадовы дадатковы прыбытак у 29 000 000 злотых, польскія ўлады не выдзялялі на гэтыя мэты адпаведнага фінансавання. У выніку да верасня 1939 г. усяго па Заходняй Беларусі пераважна рукамі саміх сялян было асушана толькі 139 000 га, што было відавочна недастаткова [5, с. 39].

Важкім унёскам у даследаванне сацыяльна-эканамічнай гісторыі Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду з'яўляецца комплексная праца доктара гістарычных навук І. В. Палуяна, у якой разгледжана становішча рэгіёна ў перыяд сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг., які адбіўся тут асабліва негатыўным чынам і пераважна ў аграрнай сферы. Пры гэтым справа меліярацыі ў даследаванні пададзена надзвычай фрагментарна, перш за ўсё

падкрэсліваецца, што польскія чыноўнікі, якія займаліся гэтай справай, галоўным чынам займаліся ліхварствам і ўсяляк ашуквалі мясцовых сялян, якія вымушаны былі браць на гэтыя мэты банкаўскія крэдыты, не магі іх своєчасова выплаціць і толькі разараліся яшчэ хутчэй [10, с. 91].

Непасрэдна разглядаемаму пытанню прысвечаны перш за ўсё напісаны П. І. Лукашыкам нарыс гісторыі рэалізацыі меліярацыйных работ на Брэстчыне, дзе ў тым ліку прааналізавана асушэнне мясцовых балот на працягу міжваеннага перыяду. У нарысе адзначаецца, што польскія ўлады надавалі справе ажыццяўлення меліярацыі вялікае значэнне, істотную дапамогу ў гэтым плане аказвалі матэрыялы экспедыцыі генерала Жылінскага, якая дзейнічала тут яшчэ за царскім часам і падрыхтавала істотны комплекс патрабаваных дакументаў і справаздач. Акрамя таго, справа асушэння балот мела еўрапейскае значэнне, пра што сведчыць наведванне Палесся ў верасні 1926 г. камісіяй Лігі Нацый [6, с. 50]. Асабліва ўвага надаецца стварэнню і дзейнасці БМП, якое распрацоўвала планы ажыццяўлення тут меліярацыі і праводзіла іх шматразовыя грамадскія абмеркаванні з навакольным насельніцтвам адносна асаблівасцяў будучага асушэння балот і неабходнага ўдзелу саміх вяскоўцаў, а таксама ўплыву асушэння балот на экалогію рэгіёна [6, с. 55]. У самых смелых планах выказвалася неабходнасць такой гушчыні меліярацыйнай сеткі, каб на 1 кв км прыходзіўся 1 км каналаў [6, с. 51]. Падрабязна ў выданні паказана таксама заканадаўчая база правядзення меліярацыі, вылучаны асноўныя праблемныя аспекты, якім надавалася асабліва ўвага, перш за ўсё зацягванне тэмпаў – у некаторых выпадках заканчэнне работ па асушэнні было запланавана нават на сярэдзіну 1940-х гг. Разглядаецца таксама непасрэднае тэхнічнае ажыццяўленне работ, іх галоўныя складнікі і цяжкасці на гэтым шляху, перш за ўсё крыніцы фінансавання, а таксама расцэнкі аплаты задзейнічаных асоб: у прыватнасці, у залежнасці ад складанасці прац 1,81–2,38 злотых у сярэднім складалі штодзённа пры выкопванні 5,5–7,3 кубаметраў глебы [6, с. 68–72].

У артыкуле брэсцкага даследчыка В. С. Місіюка ў сціслым выглядзе паказана роля БМП у культурным жыцці рэгіёна на прыкладзе праекта Ю. Ёткевіча, падкрэсліваецца вялікі ўнёсак прадстаўнікоў Бюро ў даследаванне прыродна-геаграфічных асаблівасцяў Палесся і падрыхтоўку праектаў яго асушэння, але, на жаль, на той час дадзеная справа так і не была ў выніку даведзена да канца, перш за ўсё з-за яе ачужаючага характару неабходных работ і патрэбы надзвычай істотнага фінансавання [8].

Некаторыя спробы запіўніць існуючыя праблемы ў ачышчальнай гістарычнай навуцы з'яўляецца артыкул В. П. Гарматнага [3], у якім паказаны галоўныя аспекты, тэмпы і вынікі рэалізацыі польскімі ўладамі меліярацыйных работ на Палессі ў 1921–1939 гг., зроблена параўнанне коштаў меліярацыі і яе патэнцыйнай карысці для вяскоўцаў у справе суадносін агульнай грашовай вартасці патрабаваных работ і верагоднага павышэння ўраджайнасці – перш за ўсё на прыкладзе сенакосаў.

У сціслай форме ажыццяўленне меліярацыі на тэрыторыі сучаснага Жабінкоўскага раёна Брэсцкай вобласці, у тым ліку і ў міжваенны перыяд, раз-

гледжана ў выглядзе асобнай даведкі, дзе прыводзяцца ўспаміны непасрэднага ўдзелніка, жыхара вёскі Ракітніца, інжынера-гідратэхніка М. Д. Яроцкага, які адзначаў непазбежнасць правядзення тут меліярацыі ў справе паляпшэння агульнага ўзроўню аграэхнікі, але разам з тым падкрэсліваў, што яна прыводзілася амаль выключна ўручную, што істотна замаруджвала яе рэалізацыю [7].

Сярод польскіх гісторыкаў найбольш аўтарытэтным даследчыкам міжваеннага Палесся з'яўляецца прафесар Е. Тамашэўскі [29], які першым выдаў комплексную працу, прысвечаную Палескаму ваяводству, у якой паказаў галоўныя праблемы мясцовай сельскай гаспадаркі, прыродна-геаграфічныя асаблівасці Палесся, у прыватнасці размяшчэнне балот па мясцовых паветах, а таксама агульныя праблемы, якія з-за гэтага выцякалі. Даследчык падкрэсліваў, што справу меліярацыі ўскладняла яго памежнае становішча і размяшчэнне ўздоўж польска-савецкай мяжы. У сувязі з гэтым польскі Генштаб надаваў балотам Палесся асаблівае стратэгічнае значэнне як прыроднай перашкоды для наступлення іншаземных вайсковых фарміраванняў і таму ўсяляк выступаў супраць іх асушэння. Дадзеныя перасцярогі не былі дарэчнымі, бо, напрыклад, у адным з артыкулаў С. Латыша распавядаецца, што ў кастрычніку 1929 г. польская контрвыведка зафіксавала таемныя кантакты савецкага пасла Д. Багамолава з адным з функцыянераў БМП, які мог перадаваць сакрэтныя звесткі [18]. Акрамя таго, у працы М. М. Аураменкі, прысвечанай 70-годдзю Палескай вопытнай станцыі меліяратыўнага земляробства, узгадваецца, што ў 1925 г. жыхары вёскі Азярніца Лунінецкага павета пачалі капаць меліяратыўныя каналы для асушэння сваіх сенакосаў, але на месца прыбыў прадстаўнік ваяводскай управы і загадаў спыніць ажыццяўленне работ, як потым аказалася, такая ініцыятыва зыходзіла ад польскага Генштаба [1, с. 32]. Разам з тым цывільныя ўлады падкрэслівалі неабходнасць шырокага правядзення тут меліярацыі з-за магчымасці садзейнічання такім чынам павышэнню дабрабыту вяскоўцаў і ў выніку стабілізацыі сацыяльнай сітуацыі ў рэгіёне.

На сучасным этапе асобнай падзякі заслуговае навуковая дзейнасць П. Ціхарацкага, які прысвяціў сваю грунтоўную манаграфію палітычнаму жыццю Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг., але пры гэтым адзначаў, што многія мясцовыя тагачасныя грамадска-палітычныя праблемы перш за ўсё датычыліся стану сельскай гаспадаркі і агульнага малазямелля навакольнага сялянства і маглі быць вырашаны менавіта дзякуючы шырокамаштабнаму надзяленню іх зямлёй пасля паўсюднага ажыццяўлення тут меліярацыі (паказчык забалочанасці Палесся, на яго думку, складаў каля 40 %) [13, с. 58].

Адначасова з гэтым выйшла ў свет таксама і комплекснае даследаванне В. Сляшынскага, дзе разглядаюцца асноўныя сацыяльна-эканамічныя праблемы Палесся міжваеннага перыяду, падкрэсліваецца невысокі стан развіцця сельскай гаспадаркі, асабліва шырокая паўсюдная забалочанасць і магчымая выніковая карысць ад ажыццяўлення меліярацыі. У адносінах непасрэдна да рэалізацыі меліярацыі пазначана, што, нягледзячы на актыўную і шумную дыскусію на старонках перыядычнага друку, на Палессі яе тэмпы

істотна адставалі: так, за 1926–1936 гг. на Палессі было асушана каля 58 000 га, што было некалькі больш, чым на Навагрудчыне (43 000), але істотна менш, чым на Валыні (93 000) [28, s. 138].

У цэнтры навуковай увагі З. Тамчонак знаходзіцца грамадска-палітычны рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду, але пры гэтым даследчыца падрабязна разглядае яго сацыяльна-эканамічную базу, у тым ліку матэрыяльны дабрабыт сялянства і ўмовы жыцця, пакутаванне ад высокай ступені забалочанасці, перш за ўсё на Палессі [30, s. 28–29]. У асобным артыкуле даследчыцы разглядаецца становішча палескай вёскі ў 1921–1939 гг. і яе галоўныя праблемы, у тым ліку і перш за ўсё неабходнасць меліярацыі, прыведзены працэнтныя паказчыкі забалочанасці па наветах [31, s. 112].

Асаблівай пашаны заслугоўвае таксама нямецкая даследчыца Д. Зіберт, якая прасачыла асноўныя тэндэнцыі на шляху ажыццяўлення польскімі ўладамі справы асушэння палескіх балот у 1921–1939 гг. і падыходы да яе рэалізацыі сярод прадстаўнікоў польскіх кіруючых колаў, паказала яе асаблівую важнасць не толькі для выключна тагачаснай Польшчы, але і для экасістэмы ўсёй Еўропы ў цэлым, падкрэслівала таксама, што правядзенне меліярацыі ў комплексе з камасацыяй і іншымі мерапрыемствамі тагачаснай аграрнай рэформы магло ў цэлым істотна паскорыць мадэрнізацыю сельскай гаспадаркі [25].

Падагульняючы, неабходна таксама ўзгадаць інтэрв'ю аднаго з найбольш вядомых даследчыкаў ажыццяўлення меліярацыі на Палессі ў міжваенны перыяд С. Латыша [27], у якім той у вобразнай і красамоўнай форме акрэсліў выкліканыя забалочанасцю праблемы ў сферы мясцовай сельскай гаспадаркі і, адпаведна, неабходнасць асушэння балот, распавёў пра ажыццёўлены ў гэтым плане польскімі ўладамі мерапрыемствы, а ў якасці прычын іх няўдач у гэтым плане назваў надзвычай высокі агульны кошт неабходных работ, каля 400–500 000 000 злотых (па стане на першую палову 1920-х гг.), хуткі прырост палескага насельніцтва, з-за чаго атрыманы дзякуючы меліярацыі зямельны запас становіўся відавочна недастатковым, а таксама састарэлы лад вядзення мясцовай сельскай гаспадаркі, і зрабіў надзвычай крыўдную для палешукоў заўвагу, што многія з іх былі зацікаўлены ў захаванні багністых лугоў, бо пры гэтым маглі часткова непрыкметна накасіць сабе сена на суседскіх уладаннях.

Першыя высновы па ацэнцы гістарыяграфічных здабыткаў на шляху асвятлення разглядаемага пытання падведзены ў артыкуле А. А. Камзалавай [4], якая на прыкладзе аднаго з замежных спецыялізаваных часопісаў прааналізавала сучасны стан даследавання азначанай праблемы і, адпаведна, асноўныя падыходы ў еўрапейскай гістарычнай навуцы, падкрэслівала, што справе ажыццяўлення меліярацыі на Палессі ў 1921–1939 гг. надавалася вялікая ўвага з-за асаблівай ролі мясцовых балот у глабальнай еўрапейскай экасістэме.

Такім чынам, неабходна зрабіць выснову, што справа ажыццяўлення меліярацыі ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг. мела надзвычай важнае значэнне як з гаспадарчага, так і з сацыяльных і нацыянальных поглядаў, але па розных прычынах так і не была даведзена да канца. Звязана гэта было з тым,

што ў ходзе рэалізацыі на практыцы меліярацыйных работ БМП сутыкнулася з шэрагам рознага роду цяжкасцяў і праблем (фінансавых, арганізацыйных і г. д.), а таксама не заўсёды знаходзіла адпаведнае разуменне з боку ваяводскіх улад і мясцовага насельніцтва.

Пры ацэнцы стану наследавання азначанага пытання варта падкрэсліць, што, на жаль, яно пакуль не атрымала адпаведнага асвятлення на старонках навуковых і навукова-папулярных прац, бо айчынным гісторыкі савецкага перыяду галоўную ўвагу звярталі перш за ўсё на барацьбу мясцовага насельніцтва супраць аграрных пераўтварэнняў у цэлым, а польскія гісторыкі дадзеную праблему, па сутнасці, таксама толькі акрэслілі, выразна пры гэтым падкрэсліваючы агульную цывілізатарскую ролю тут польскіх улад. На жаль, у многіх разглядаемых працах, прысвечаных у цэлым гісторыі ажыццяўлення меліярацыі на Брэстчыне, міжваенны перыяд незаслужана абыходзіцца ўвагай, у сувязі з чым патрабавецца яго дадатковае ўсебаковае вывучэнне на аснове падыходаў сучаснай гістарычнай і гідратэхнічнай навукі з выкарыстаннем шырокага масіву крыніц, перш за ўсё архіўных і статыстычных, а таксама ўспамінаў сучаснікаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Авраменко, Н. М. Мелиорация Белорусского Полесья: 70-летию Полесской опытной станции мелиоративного земледелия и луговодства посвящается / Н. М. Авраменко. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 165 с.
2. Гак, Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, Партмассектар, 1933. – 93 с.
3. Гарматны, В. П. Ажыццяўленне меліярацыі ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг. / В. П. Гарматны // Іппокрена. – 2020. – № 2. – С. 218–228.
4. Комзолова, А. А. Полесские болота и современное развитие. (Обзор по материалам журнала «Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung») / А. А. Комзолова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 9–16.
5. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 110 с.
6. Лукашик, П. И. История мелиорации земель Брестчины / П. И. Лукашик. – Брест: Брестская областная типография, 1998. – 178 с.
7. Мелиорация на Жабинковщине. – URL: https://istoriamelioraciizhabinka.blogspot.com/p/blog-page_27.html (дата обращения: 18.01.2024).
8. Мисюк, В. С. Роль Бюро проектов мелиорации Полесья в культурной жизни региона. Проект Юлиана Ёткевича / В. С. Мисюк // Реставрация историко-культурных объектов как сохранение наследия Республики Беларусь: сборник статей научно-технического семинара, 29 сентября 2021 г. – Брест: БрГТУ, 2021. – С. 50–54.
9. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 357 с.
10. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса, 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 205 с.

11. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск: Наука и техника, 1968. – 199 с.
12. Biskupski, S. Ceny ziemi w województwie poleskiem w latach 1924–1929 / S. Biskupski. – Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Reform Rolnych, 1931. – 77 s.
13. Cichoracki, P. Województwo poleskie, 1921–1939: z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki: LTW, 2014. – 477 s.
14. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa poleskiego: według memoriału wręconego w dniu 17. XII. 1936 roku Prezesowi Rady Ministrów. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich, 1937. – 27 s.
15. Konieczność budowy drogi wodnej przez Polesie i osuszania go, celem połączenia zachodnich centrów przemysłowych ze źródłami surowców Środkowej i Wschodniej Europy / S. Turczynowicz i T. Tillinger. – Warszawa: Drukarnia Techniczna, 1925. – 44 s.
16. Kornella, A. Polesie. Studium krytyczne do projektu melioracji Polesia / A. Kornella // Czasopismo techniczne, № 22, 1933. – S. 343–348.
17. Kulmatycki, W. J. Interesy rybactwa a melioracja Polesia / W. J. Kulmatycki. – Brześć nad Bugiem: Biuro Melioracji Polesia, 1933. – 4 s.
18. Łotysz, S. Poleskie mokradła. Miała być “druga Holandia”, wybuchł wielki skandal z Sowietami w tle / S. Łotysz. – URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/historia/2212970,1,poleskie-mokradla-miala-byc-druga-holandia-wybuchl-wielki-skandal-z-sowietami-w-tle.read> (data обращения: 18.01.2024).
19. Łotysz, S. Trans europejska droga wodna przez Polesie a kwestia jego osuszenia w II Rzeczypospolitej / S. Łotysz. – S. 7–37. – URL: <https://www.ejournals.eu/pliki/art/12779/> (data обращения: 18.01.2024).
20. Łotysz, S. Władysław Szafer i Józef Próchnik w debacie o przyszłości poleskiej przyrody / S. Łotysz. – S. 193–215. – URL: https://www.researchgate.net/publication/342570962Wladyslaw_Szafer_i_Jozef_Prochnik_w_debacie_o_przyszlosci_poleskiej_przyrody (data обращения: 18.01.2024).
21. Niezbrzycki, J. Polesie: opis wojskowo-geograficzny i studjum terenu / J. Niezbrzycki. – Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1930. – 455 s.
22. Próchnik, J. Postępy prac przy melioracji Polesia / J. Próchnik // Czasopismo Techniczne. – 1929. – № 9. – S. 135–141.
23. Rychłowski, S. Dzisiejszy stan problemu melioracji Polesia / S. Rychłowski. – Warszawa: Instytut Gospodarczy Ziem Wschodnich, 1937. – 31 s.
24. Rychłowski, S. Problem melioracji Polesia / S. Rychłowski. – S. 667–679. – URL: https://obc.opole.pl/Content/10609/PDF/droga_r15_nr9.pdf (data обращения: 18.01.2024).
25. Siebert, D. Landscape Interventions? The Draining of Wetlands and Other Modernization Initiatives in West Polesia from 1921 to 1939 / D. Siebert // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. – 2019. – № 3. – P. 369–399.
26. Staniewicz, W. Zagadnienie melioracji Polesia / W. Staniewicz. – Wilno: Zawadzki, 1937. – 25 s.
27. Sutowski, M. Dlaczego II RP nie udało się osuszenie poleskich bagien? [rozmowa]. – URL: <https://krytykapolityczna.pl/kultura/historia/wielka-melioracja-polesie-bagna-woda/> (data обращения: 18.01.2024).

28. *Śleszyński, W.* Województwo poleskie / W. Śleszyński. – Kraków: Avalon, 2014. – 335 s.

29. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1963. – 208 s.

30. *Tomczonek, Z.* Ruch ludowy na kresach polnocno-wschodnich drugiej Rzeczypospolitej / Z. Tomczonek. – Białystok: Wydawnictwa Politechniki Białostockiej, 1996. – 246 s.

31. *Tomczonek, Z.* Wieś Poleska 1918–1939 / Z. Tomczonek // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы міжнародна-наук.-практ. канф. – Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998. – С. 110–115.

(Дата паступлення: 16.03.2024 г.)

СРОЧНЫЙ ПАСПОРТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ДОКУМЕНТ, УДОСТОВЕРЯЮЩИЙ ЛИЧНОСТЬ

Сорокин М. Н., Кирилюк Е. В.

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск, Беларусь

В научный оборот вводится срочный паспорт Российской империи 1900 г., выданный в 1908 г. Представленный документ использовался для удостоверения личности и передвижения внутри страны. Проведено исследование бланка документа и внесенных в него данных о владельце. При исследовании использовались приборы специальной проверки документов «Регула» учебно-материальной базы ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь». Исследование представленного в статье образца внутреннего документа позволило изучить особенности документирования населения, а также элементы и средства защиты образцов документов, удостоверяющих личность в Российской империи в начале XX в. Цель статьи – введение в научный оборот образца срочного (плакатного) паспорта Российской империи, использовавшегося в качестве документа, удостоверяющего личность, а также результатов его комплексного исследования.

Ключевые слова: плакатный паспорт; паспортная книжка; срочный паспорт; бланк; документ.

URGENT PASSPORT OF THE RUSSIAN EMPIRE AS AN IDENTITY DOCUMENT

Sarokin M. N., Kirilyuk E. V.

Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

The urgent passport of the Russian Empire of 1900, issued in 1908, is being introduced into scientific circulation. The submitted document was used for identification and movement within the country. A study of the form of the document and the data entered in it about the owner was carried out. During the study, special document verification devices “Regula” of the educational and material base of the State Educational Institution “Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus” were used. The study of the sample of the internal document presented in the article allowed us to study the peculiarities of documenting the population, as well as the elements and means of protecting samples of identity documents in the Russian Empire at the beginning of the 19 century. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation a sample of an urgent (poster) passport of the Russian Empire, used as an identity document, as well as the results of its comprehensive research.

Keywords: poster passport; passport book; urgent passport; letterhead; document.

Паспортная система Российской империи представляла собой совокупность законов и административных мер, направленных на контроль переме-

щения населения и удостоверение их личности, способствовала привлечению к ответственности в случаях дезертирства, бегства от принудительных работ, самовольного отлучения от места постоянного проживания, а также неуплаты причитающихся денежных сборов и налогов [1–4].

На рубеже XVIII и XIX вв. были приняты важные меры, которые существенно облегчили контроль над передвижением граждан и выдачу документов:

- утверждено положение о видах на жительство – 3 июня 1894 г.;
- принят закон об упразднении паспортного сбора (гербовый сбор) – 7 апреля 1897 г.;
- утвержден устав о паспортах – свод законов Российской империи, том XIV, от 1903 г.;
- издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» – 5 октября 1906 г.

В 1894 г. Государственным советом Российской империи был утвержден Устав о паспортах под названием «Положение о видах на жительство», который являлся основой всей паспортной системы Российской империи на тот момент [1].

В данном Положении вводились три вида внутренних документов для населения: срочная паспортная книжка, рассчитанная на пять лет и предназначенная для налогоплательщиков многочисленных государственных, общественных и местных сборов, а также для должников, которые получили согласие общества их отпустить; плакатный паспорт, который выдавался сроком на один год, шесть и три месяца (срочный паспорт); бессрочная паспортная книжка, в которой указывался ее вид – бессрочная или срочная.

С 7 апреля 1897 г. все выдаваемые русским подданным в пределах Российской империи документы, за исключением губерний Царства Польского, освобождались от паспортного сбора. В пользу казны взималась лишь заготовительная цена паспортной книжки, которая составляла 15 копеек.

В последующем некоторые положения Устава 1894 г. были скорректированы «Уставом о паспортах», принятым в 1903 г., с изменениями и дополнениями 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. Но основные его положения оставались неизменными вплоть до Октябрьской революции.

Царским указом от 5 октября 1906 г. крестьянам предоставлялись одинаковые в отношении государственной службы права с другими сословиями и свобода избрания места постоянного жительства. Этим же указом официально документу, удостоверяющему личность гражданина Российской империи, придавался статус названия «Паспорт» [5, с. 104].

Вместе с тем видом на жительство (документом, удостоверяющим личность) для мещан, ремесленников и сельских обывателей признавался и плакатный паспорт [2, с. 33].

На основании Циркуляра МВД № 44 от 9 августа 1906 г. в случаях, если лицо бывшего податного состояния не представило старый паспорт сословному учреждению, выдавшему его, то новый паспорт должен пересылаться через полицию [2, с. 33].

Согласно представленным сведениям в источнике [2, с. 33], исполнение вышеуказанного требования создавало определенные затруднения для сотрудников городской полиции, которые возникали в связи с тем, что волостные правления при подаче ходатайств о паспортах выдавали лишь срочные, не считая себя вправе выдавать бессрочные паспортные книжки. Такое решение шло вразрез с Царским указом от 5 октября 1906 г., в котором содержится требование о выдаче сельским обывателям и лицам других бывших податных состояний бессрочных паспортных книжек в качестве видов на жительство.

Вместе с тем согласно статье 47 «Устава о паспортах» паспортные книжки не выдавались: лицам, которые по суду были подвержены лишению всех прав и преимуществ; состоящим в силу судебного приговора под особым надзором полиции; не имеющим средств к жизни калекам и другим лицам, которые не в состоянии обеспечить себе пропитание трудом; цыганам, не имеющим оседлости [2, с. 36–37].

Циркуляром МВД № 32 от 9 мая 1909 г. было установлено, что волостные и мецанские управления обязаны выдавать срочные паспорта только в случаях требования физического лица о выдаче данного образца документа, замужним крестьянкам или мещанкам, несовершеннолетним лицам мужского пола, не достигшим семнадцатилетнего возраста, лицам женского пола, не достигшим двадцати одного года и не состоящим в браке, если родители или опекуны этих лиц определенно укажут, что они изъявляют согласие на выдачу им срочного паспорта [2, с. 36].

Исследуемый образец срочного внутреннего паспорта Российской империи представляет собой лист-бланк размером 245×300 мм, читается горизонтально (рисунок 1).

**Рисунок 1. Внешний вид срочного (плакатного) паспорта,
выданного на срок не более одного года**
(Режим работы: верхний белый свет. Естественное освещение)

Бланк паспорта Российской империи изготовлен из защищенной, не люминесцирующей в отраженных УФ-лучах (254, 313, 365 нм) бумаги белого цвета (рисунок 2).

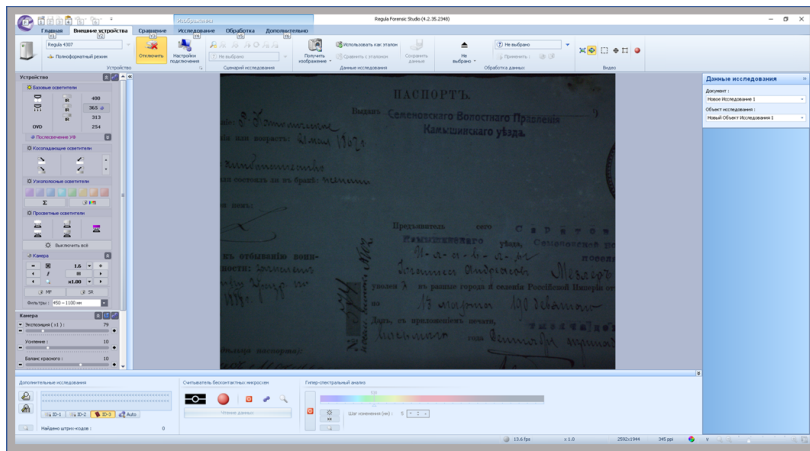

Рисунок 2. Исследование паспорта с использованием прикладного программного продукта Regula Forensic Studio, прибор «Regula 4307»
(Режим работы: УФ-излучение, длина волны 365 нм)

Бланк защищен локальным комбинированным водяным знаком: тексты «ПАСПОРТЪ», «1900 ГОДА» (однотонный водяной знак) и государственная символика Российской империи (многоцветный водяной знак) между ними (рисунок 3).

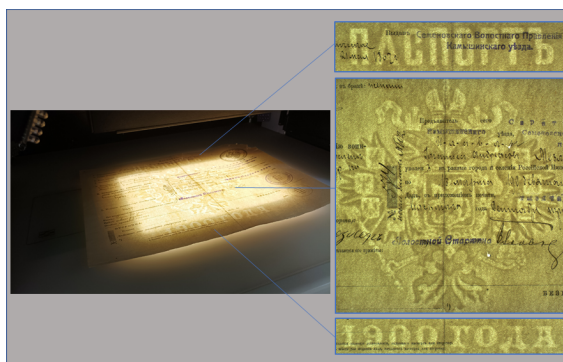

Рисунок 3. Локальный комбинированный водяной знак срочного паспорта Российской империи
(Режим работы: проходящий донный белый свет. Прибор: «Регула 4307»)

На лицевой стороне листа-бланка расположены элементы документа, выполненные способом высокой печати красящим веществом черного цвета, которые заполнены рукописным способом, красящим веществом черного цвета, и рельефным клише, выполненным красящим веществом фиолетового цвета (см. рисунок 1).

Представленный образец срочного паспорта Российской империи выдан Семеновским волостным правлением Камышинского уезда поселянину-собственнику¹ Иоганесу Андреасовичу Мезлеру из Саратовской губернии Камышинского уезда Семеновской волости селения Илавля (Иловля).

Иловля (Лейхтлинг, Резовка, Илавля) до 1917 г. – немецкая колония сначала Каменского колонистского округа, а после 1871 г. Каменской волости, с 1895 г. – Семеновской, а после ее объединения с Иловлинской – Уметской волости Камышинского уезда Саратовской губернии (рисунок 4). Семеновская волость (центр волости – поселение Иловля) включала пять немецких сел: Гебель (Усть-Грязнуха, Нижняя Грязнуха), Гильдман (Пановка), Келер (Караульный Буерак, Келлер), Лейхтлинг (Резовка, Иловля, Илавля), Семеновка (Ретлинг, Симновка) [7].

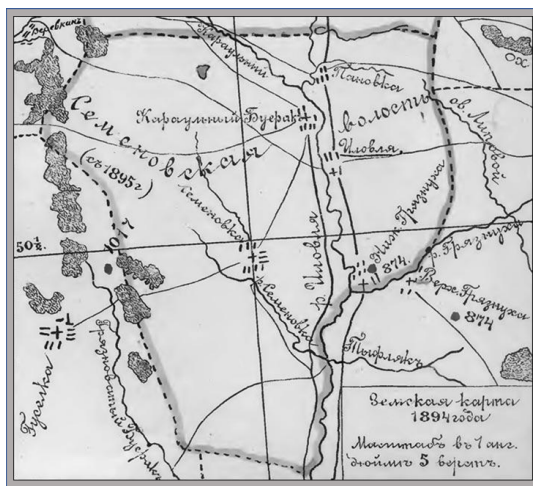

Рисунок 4. Фрагмент земской карты 1894 г.

Документ выдан на основании посемейного списка № 102. Так, согласно принятому в Российской империи в 1874 г. «Уставу о воинской повинности» посемейные списки служили основой для составления призывных списков для лиц податных сословий. Для городского населения они составлялись городскими управами (отдельно на христианское и еврейское общества), для

¹ Поселянин-собственник – бывший колонист, входит в состав сельских обывателей [6].

крестьян – волостными правлениями. С 1858 г. велись казенными палатами и волостными правлениями [8].

В левой части листа-бланка сверху вниз расположена нумерация от 1 до 7 и наименования граф персонализации: 1. Вероисповедание – *религия католическая*. 2. Время рождения или возраст – *21 мая 1862 г.* 3. Род занятий – *хлебопашество*. 4. Состоит или состоял в браке – *женатъ*. 5. Находится при нем – *стоит прочерк*¹. 6. Отношение к отбыванию воинской повинности – *зачисленъ въ ратники 2 разр. по призыву 1888 г.*². 7. Подпись (владельца паспорта) – *Иоганесь Мезлеръ*. Если владелец документа был неграмотен, то заполнялись поля с его приметами: рост, цвет волос, особые приметы. В графе «подпись» (владельца паспорта) вносилась запись – неграмотен.

В верхней правой части листа-бланка расположен оттиск гербовой печати, выполненный способом высокой печати красящим веществом черного цвета, с текстом «*БЕЗПЛАТНО. На срокъ не более одного года*».

В центральной части листа-бланка сверху вниз располагаются графы принадлежности предъявителя паспорта, обозначенное место для номера паспорта (расположен вертикально) – № 574 и графы срока, места действия документа – *уволень въ разные города и селенія Россійской Имперіи отъ нижеписаннаго числа по 13 марта 1909 года*³. *Данъ, съ приложениемъ печати, тысяча девятьсотъ восьмого года сентября тринадцатого дня*. Данная запись заверена подписью волостного старшины на линии графления, состоящей из точек. В обозначенном месте для оттиска печати проставлен оттиск мастичной гербовой печати, выполненный красящим веществом фиолетового цвета, состоящей из государственной символики Российской империи и текста «*Камыш. уѣз. Семеновское Волостное Правленіе*».

¹ На основании статей 10 и 11 «Устава о паспортах» в указанные графы вносились: супруга владельца документа, если она находилась при нем; сыновья и лица мужского пола, которые являлись родственниками, приемными либо состоящими под опекой в возрасте до 18 лет; не достигшие 21 года незамужние дочери, родственницы либо приемные или состоящие под опекой владельца документа; лица, которые по преклонному возрасту или состоянию своего здоровья не могли обходиться без постороннего ухода и попечения [2, с. 6].

² На основании «Устава о воинской повинности» 1874 г. в ополчение зачислялись физические лица в возрасте от 21 до 40 лет, освобожденные от службы в регулярной армии. Ополчение в Российской империи делилось на два разряда: 1-й разряд использовался для пополнения армии и делился на возрастные группы; 2-й включал в себя менее развитых в физическом плане лиц и предназначался для формирования тыловых частей [8, с. 14–26].

³ Царским указом от 5 октября 1906 г. сельским обывателям и лицам других бывших податных состояний предоставлялась возможность свободного избрания места постоянного жительства на одинаковых основаниях с лицами других состояний, а именно дворян, чиновников, духовенства, почетных граждан, купцов и разночинцев [5, с. 104].

В нижней части листа-бланка под разделительной линией сверху вниз располагаются: тексты «ОТСРОЧКА» (в левой части листа-бланка) и «БЕЗПЛАТНО» (в правой части листа-бланка); обозначенное место для номера паспорта (расположен вертикально), графы продления срока действия документа, линии графления, состоящие из точек, и обозначение места для отти-ска печати; нумерация и текст расшифровки граф продления срока действия документа¹.

На основе изучения образца срочного паспорта Российской империи и ряда исторических источников представляется возможным сделать вывод о том, что в конце XIX – начале XX в. процесс выдачи документов, удостоверяющих личность, был развит на достаточно высоком уровне, позволяющем вести учет населения. К 1909 г. система законодательных актов Российской империи определила два основных вида внутренних документов для населения: срочный паспорт и бессрочная паспортная книжка.

Полученные результаты могут быть полезны в дальнейших исследованиях документов, удостоверяющих личность, а также исследованиях, связанных с организацией и проведением процесса документирования населения.

Список использованных источников

1. Новый закон о видах на жительство (паспортах) для дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, мещан, ремесленников, крестьян и евреев: С дополнением нового закона об отмене сборов в пользу казны с видов на жительство / Изд. книгопродавца В. И. Губинского. – 3-е изд., доп. – СПб.: Пар. Калашниковская тип. А. Л. Трунова, 1897. – 33 с.
2. Устав о паспортах / сост. Л. М. Роговин. – 2-е изд., доп. – СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1913. – 371 с.
3. Суслин, Э. В. Паспортный контроль в первой четверти XVIII века / Э. В. Суслин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 81–83.
4. История полиции России. Краткий очерк и основные документы / под ред. В. М. Курицина. – М., 1998. – 200 с.
5. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний: Именной Высочайший указ 5 октября 1906 г. // 3 ПСЗ. Т. 26. № 28392. Собрание узаконений. 1906. 6 октября. Отд. I. Ст. 1700.
6. Разин, А. Е. Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Тав-

¹ Согласно статье 66 «Устава о паспортах» от 1903 г., с изменениями и дополнениями, данная часть документа предназначалась для продления сроков действия паспорта. Паспорта, срок которых истек, отсрочиваются полицией, по желанию владельцев, в местах временного их пребывания, на три месяца [2, с. 37].

рической и в области Бессарабской / [сост. и пер.: А. Е. Разин]. – СПб.: Печатня В. Головина, 1871. – 339 с.

7. Семеновка // Иллюстрированный энциклопедический словарь – URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/749/> (дата обращения: 08.09.2024).

8. Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1 января 1874 г.: со включением статей Свода законов и статей воинского Устава о наказаниях, на которые сделаны ссылки. – М.: И. Лепетов, 1874. – 95 с.

(Дата поступления: 09.09.2024 г.)

СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Киселев А. А.

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

В белорусских губерниях полицейские учреждения в форме нижнего земского суда и управы благочиния появились с 1778 г. Однако наиболее приближенной к этим полицейским институтам стала должность уездного комиссара, учрежденная в 1773 г. По мере присоединения белорусских земель к Российской империи наблюдался период, когда полицейские функции выполняли военные чины русской армии на должностях комендантов в 1772–1773 гг., смотрителей и частных приставов в 1793–1795 гг., командиры армейских частей в 1794–1796 гг. При этом содействие им оказывали местные должностные лица парашильные, уездные комиссары из дворян. Круг административно-полицейских обязанностей задавался «Учреждением о губерниях» 1775 г., «Уставом благочиния или полицейским» 1782 г., прочими инструкциями. Содействие чинам уездной полиции в сельской местности оказывали органы крестьянской общины: десятские, сотские и ключевыты. Последняя должность существовала в органах местного управления Речи Посполитой.

Ключевые слова: уездная полиция; городская полиция; белорусские губернии; плотность полиции; правопорядок.

STRUCTURE AND ACTIVITIES OF THE POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES DURING THE REIGN OF CATHERINE THE GREAT

Kiselev A. A.

Belarusian State University of Economics, Minsk, Belarus

In the Belarussian provinces police institutions in the form of the lower land court and police board appeared since 1778. However, the closest to these police institutions was the post of district commissioner, established in 1773. As the Belarussian lands were annexed to the Russian Empire, there was a period when the police functions were performed by military officers of the Russian army as commandants in 1772–1773, overseers and district police inspector in 1793–1795, commanders of army units in 1794–1796. They were assisted by local officials, paraphilic, district commissioners from the nobility. The range of administrative and police duties was set by the Statute of Provincial Administration of 1775, the Statute on Public Order of 1782, and other instructions. The county police officers were assisted in rural areas by the bodies of the village community: village wardens (junior), village wardens (senior) and aldermans. The latter position existed in the local government bodies of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: county police; city police; Belarusian provinces; police density; law and order.

В историографии возникновение и становление государственных органов власти, осуществлявших полицейские функции в белорусских губерниях Российской империи в последней трети XVIII в., рассматривалось преимущественно в контексте анализа внутренней политики и государственного управления российского правительства [1–4]. Вместе с тем задача по описанию и анализу развития административно-полицейских учреждений в белорусских губерниях специально не ставилась, что обуславливает необходимость обращения к данной теме.

С момента присоединения белорусских земель к Российской империи полицейские функции резервировались за государственными органами власти. В частности, в «Наказе губернаторам» от 28 мая 1772 г. отмечалось, что все дела «нарушающие спокойствие и тишину граждан» будут рассматриваться в учреждениях «кои от власти верховной на то устроены» [5, с. 509]. На первых порах полицейские задачи предстояло выполнять военным. Так, 19 июня 1772 г. было принято решение об учреждении 6 крепостей в новообразованных Псковской и Могилевской губерниях. Коменданты гарнизонов помимо сугубо военных функций были обязаны содействовать «к приведению в хорошее положение всех внутренних распоряжков» [6, с. 531], в том числе в деле сбора податей и пошлин, борьбе с контрабандой и т. д. Их полномочия действовали до формирования провинциальных канцелярий. Так, 11 сентября 1772 г. бригадир И. Друмант, получив назначение на пост коменданта Динабурга, был обязан обеспечить во всех городских поселениях в пределах провинции «до определения по оной воевод и других чинов ... тишину и приведением в городе в должной порядок полиции без показания жителям огорчения» [7, л. 35 об.]. Им вручались общие инструкции, которые предписывали обеспечивать «тишину, спокойство граждан вообще и каждого особенно» [7, л. 35 об.]. Коменданту указывалось, что в его сферу входили все дела «относящиеся до градоначальника», но «суд и расправа по делам в земле» находились вне его компетенции и рассматривались «на прежних польских правах» [7, л. 35 об.] местными судами, которые обязывались докладывать о принимаемых судебных решениях.

Начало существованию местных органов власти, выполнявших в числе прочих функций суда и управления и полицейские задачи, было положено 9 октября 1772 г. с учреждением в Псковской губернии 5 провинциальных канцелярий, а в Могилевской губернии – 3 провинциальных канцелярий. В организационно-штатную структуру каждой канцелярии входили воевода, ассессор, 2 секретаря, протоколист, регистратор, 2 канцеляриста, по 4 подканцеляриста и копииста, переплетчик, 2 сторожа и палач. В Могилеве же административно-полицейские обязанности возлагались на губернскую канцелярию [8].

При каждой из 8 провинциальных канцелярий состояла воинская команда для задержания бандитов, караулов, осмотров и т. п. в составе пору-

чика, 2 сержантов, 4 капралов, 48 рядовых, барабанщика и фельдшера. Всего в 8 провинциальных канцеляриях служили при канцеляриях 8 офицеров и 448 нижних чинов. На практике далеко не всегда удавалось обеспечить штатный состав. Так, в 1777 г. воинская команда при витебской провинциальной канцелярии состояла из 40 чинов (71,4 % от штата). Следует отметить, что в данном случае команда являлась относительно дееспособной. Так, средний возраст сержантов, капралов и рядовых составил 40,9 года, причем половина всех была младше 38,5 года. Наиболее распространенной возрастной категорией оказалась группа в возрасте от 26 до 30 лет – 12 чел. (30 % всех нижних чинов), от 51 до 55 лет – 7 чел. (17,5 %), от 56 до 60 лет – 6 чел. (15 %). По своему сословному происхождению половина оказалась из помещичьих крестьян, 16 чел. (40 %) были из крестьян, 1 – из солдатских детей, 1 – из слобожан, 1 – из купцов. Один из сержантов не только принадлежал к дворянству, но и оказался мелкопоместным владельцем, за которым числилось 25 душ [9, л. 48–52]. Наличие при провинциальной канцелярии воинской команды, по мнению П. Н. Жуковича, выгодно отличало учрежденный орган власти. По его словам, такая команда «обеспечивала строгое и точное выполнение постановлений всех губернских и провинциальных административных и судебных учреждений, а вместе с тем сохранение общественного порядка и тишины», в отличие от «административной власти в литовско-польском государстве», не имевшей «надлежащих средств для приведения в исполнение своих распоряжений» [1, с. 298].

По инициативе белорусского генерал-губернатора графа З. Г. Чернышева 22 июля 1773 г. было принято решение о разделении белорусских губерний на уезды и создании уездных комиссарств [10]. В каждую провинцию следовало ввести по 2 уездных комиссара, подчиненных провинциальной канцелярии. Должности комиссара присваивался VIII класс и жалование в размере 450 руб. Согласно характеристике Ю. В. Готье, комиссар был «прежде всего полицейский администратор» [11, с. 257]. Такая же точка зрения высказывалась и в современной отечественной историографии [12, с. 46]. В его обязанности входило, в первую очередь, обеспечение «общей тишины и спокойствия» в городе и уезде; исполнение всех приказаний канцелярий; принуждение к своевременной выплате податей и исполнение повинностей, контроль над тем, «чтобы обыватели никем обижены не были» [10, с. 797]. Особо прописывалась необходимость проведения войск через вверенную комиссару территорию. На них возлагалась обязанность по разбору исков, тяжб и ссор между крестьянами, цена которых не превышала 25 руб. При этом судебное решение следовало выносить в словесной форме с его фиксацией в журнале, причем на приговор можно было принести апелляцию в провинциальную канцелярию на протяжении двух месяцев. В этой достаточно широкой судебной функции Ю. В. Готье видел особенность уездных комиссаров в белорусских губерниях [11, с. 257]. Благодаря этому положение «белорусского комиссара как судебного органа стоит несколько особняком и обуславливается, по-видимому, преимущественно тем, что в нем хотели создать непосредственный вспомогательный орган провинциальной канце-

лярии по всем отраслям компетенции последней; и только как орган полицейского управления он напомнил бы в некоторой степени городничего» [11, с. 258]. Вместе с тем следует отметить, что до появления уездных комиссаров обязанности по сопровождению и размещению войск выполняли комиссары, избираемые по парамиям местным дворянством. Так, полоцкий губернатор требовал 20 августа 1772 г. представить в канцелярию их списки [7, л. 3].

Выбор уездных центров был сделан с таким расчетом, чтобы комиссар мог оперативно объехать вверенный ему уезд, а население могло быстро обратиться за правосудием. При уездном комиссаре для обеспечения делопроизводства состояли 1 канцелярист, 1 подканцелярист и 2 копииста. В частности, уездному комиссару приходилось еженедельно отправлять в провинциальную канцелярию рапорт о положении дел в уезде и ежемесячно журнал с данными о рассмотренных делах и решениях по ним.

В целях силового обеспечения решений уездного комиссара при нем полагалась воинская команда под началом офицера. Команда предназначалась как «для сыска воров и случающихся караулов, так и для экзекуций и препровождения всяких в провинцию транспортов» [10, с. 798]. В свою очередь офицер выступал в роли заместителя уездного комиссара, когда последний болел или находился в разъездах. В состав воинской команды под началом подпоручика входили сержант, два капрала, 24 рядовых и 1 барабанщик. В результате было учреждено в двух губерниях 14 уездных комиссаров, 14 канцеляристов, 14 подканцеляристов, 28 копиистов, 14 сторожей. Воинское усиление составили 14 офицеров в чине подпоручика, 14 сержантов, 28 капралов, 14 барабанщиков и 336 рядовых.

Следует отметить, что такой внушительный штат воинских команд на практике скорее всего не являлся эффективным исполнительным инструментом. Так, в 1777 г. в составе воинских команд при велижском, городецком и суражском уездных комиссарах служили 52 рядовых (72,2 % от штата) [9, л. 54–57, 59–67]. Их средний возраст равнялся 55,8 года, медианный возраст – 57,5 года, а самой распространенной возрастной группой были нижние чины от 56 до 60 лет – 16 чел. (30,8 %), от 66 до 70 лет – 7 чел. (13,5 %), от 46 до 50 лет – 7 чел. (13,5 %), от 61 до 65 лет – 6 чел. (11,5 %). Такой почтенный возраст большинства нижних чинов не позволял надеяться на служебную активность со стороны рядовых. Не менее возрастными по составу выглядели 7 (77,8 % от штата) сержантов с капралами, которым в среднем было 61,3 года. По всей видимости, уездным комиссарам приходилось опираться на пожилых ветеранов русской армии, которые по физической неспособности были выведены из состава действующей армии. По своему сословному происхождению 34 чел. (65,4 %) попали в армию из помещичьих крестьян, каждый четвертый – из государственных крестьян. По одному рядовому происходило из купечества и посадских людей соответственно, 2 (3,8 %) чина были из ясашных татар. Унтер-офицерский состав имел аналогичный сословный состав: 4 – из крепостных крестьян, 2 – из крестьян, 1 – из драгунских детей.

В предложенный белорусским генерал-губернатором графом З. Г. Чернышевым проект по созданию уездных комиссаров Правительствующий

Сенат внес существенную поправку. Основанием для корректировки стало соображение о том, что жители мест, где появятся уездные комиссары, оказывались в более выгодном положении. В отличие от населения губернских и провинциальных городов уездные обыватели пользовались судом по упрощенной процедуре. Это обусловило появление уездных комиссаров в городах провинции и столице губернии. Отличием стало отсутствие при комиссаре отдельной воинской команды и наличие лишь одного канцеляриста для ведения канцелярии. Всего штат этих «облегченных» комиссариатов составил 7 уездных комиссаров и 7 подканцеляристов.

Таким образом, полицейские функции в новообразованных губерниях исполняли уездные комиссары, причем сама эта должность несла на себе отпечаток перехода к будущей системе местных учреждений, введенной в 1775 г. Исследователь Е. К. Анищенко отмечал военизированный характер состава уездных комиссаров, поскольку из 21 назначенных в 1773 г. комиссаров 18 (85,7 %) имели военные чины [4, с. 100].

Известно, что 10 января 1778 г. были сформированы Полоцкая и Могилевская губернии [13], а также утверждены их штаты в соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г. [14; 15]. Именно с этого времени в белорусских губерниях появляются нижние земские суды и управы благочиния, которые в историографии считаются полицейскими органами [16, с. 121] или судебно-полицейскими учреждениями [17, с. 6]. Согласно этим штатам в каждом из 12 уездов этих губерний учреждался нижний земский суд, в состав которого входили исправник (IX кл.), 2 дворянских заседателя (X кл.), секретаря (XIV кл.), 2 сельских заседателя. Делопроизводство велось канцеляристом, 2 копиистами, а помещение охранялось сторожем.

Соотношение чиновников уездной полиции к общей численности населения показывает, что в конце правления Екатерины II плотность уездной полиции в этих белорусских губерниях составляла 0,07 на 1000 чел. Если же принять в расчет и канцелярских служителей нижних земских судов, то этот показатель для Полоцкой и Могилевской губерний окажется равным около 0,13.

Следует отметить, что в законодательстве не прописывалось существование таких подчиненных нижним земским судам служащих, как войты или ключвойты. Именно им поручались от имени суда в помощь заседателям поиск беглых крестьян, рекрутов, преследование уголовных преступников. Об этом свидетельствуют записи из журналов заседаний нижних земских судов. Так, в журнале Городецкого нижнего земского суда от 25 февраля 1785 г. было зафиксировано заслушивание рапорта войта А. Варажбита, «при котором представил смертоубивца староства Езерицкого содержателя графа Сологуба с деревни Луговая крестьянина Ивана Калюгу» [18, л. 43]. В журнале от 14 мая 1795 г. в этом же суде был заслушан рапорт ключвойта Г. Пурышки о поимке им двух бежавших рекрутов [19, л. 106]. Практика использования таких служителей на местном уровне была легализована в новоприсоединенных губерниях по распоряжению белорусского генерал-губернатора З. Г. Чернышева в 1775 г. еще при существовании уездных комиссаров, когда

«уезды разделены были на ключи, к коим приставлены войты, именующиеся ключ-войтами; и сверх того имелось: при каждых двухстах дворах по одному сотскому, а при 10 и 25 дворах по одному десятскому» [20, л. 6]. Наделение сотских и десятских законодательно определенными полицейскими обязанностями произошло 19 декабря 1774 г. вследствие издания Екатериной II «Инструкции сотскому с товарищи» [21]. Эта дата условно считается завершением оформления сельской полиции [22, с. 63], поскольку урегулировала полицейскую повинность, налагаемую на крестьян. Можно предположить, что белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев адаптировал к российским порядкам институт десятских и войтов, существовавших в Речи Посполитой [23, с. 143–145]. В любом случае сотские, пятидесятские и десятские существовали в белорусских губерниях еще до 1778 г. В частности, сохранилась «Инструкция климовичской уездной комиссарской канцелярии сотскому Вепренской сотни», в которой излагались обязанности и порядок действий сотского с подчиненными ему пятидесятскими и десятскими. Им приказывалось проверять паспорта у всех проезжих, задерживать бродяг, ловить беглых крестьян и немедленно сообщать в канцелярию о всех беглых, которых не удалось настичь. Они должны были следить за прохождением и размещением воинских команд, бороться с разбойниками и ворами, эпизоотиями. В случае же ненадлежащего исполнения обязанностей им угрожали наказанием «в силу указов с крайнею строгостью» [24, л. 3 об.]. Сотскому приказывалось вручать инструкцию приходским священникам для ее регулярного прочтения в церквях после литургии по праздничным и воскресным дням, чтобы никто не мог сослаться на свою неосведомленность. Наконец, самим сельским стражам запрещалось наносить оскорбления и притеснять своих односельчан.

В Полоцком наместничестве было учреждено 9 должностей городских, а в прочих трех городах ответственность за порядок возлагалась на комендантов крепостей (Полоцк, Динабург, Витебск). В Могилевской губернии за порядок в городах отвечали 9 городничих, 2 коменданта (Ст. Быхов, Рогачев) и 1 обер-комендант (Сенно). Показательно, что ни в одной из губерний не были введены полные штаты управы благочиния, предусмотренные «Уставом благочиния или полицейским» 1782 г., поскольку единственным полицейским чиновником городской полиции до конца правления Екатерины II оставался городничий.

Штатные команды, которые были учреждены в империи согласно указу от 15 декабря 1763 г. [25], были подчинены на основании «Учреждения о губерниях» городovým или комендантам. Их обязывали следить за исправным состоянием команд. Полицейские обязанности чинов команды не прописывались. Исключением стало лишь требование о несении караульной службы при присутственных местах. Кроме того, городничему разрешалось «в случае опасности» использовать свободных от караулов нижних чинов «для предохранения общего блага от опасности» [26, с. 227]. Такая расплывчатая формулировка, с одной стороны, давала при случае возможность широкого использования штатных команд, с другой стороны, показательно, что в «Уставе

благочиния или полицейском» от 8 апреля 1782 г. штатная команда вообще не упоминалась, но зато нашлось место для описания функций ночных сторожей. В этой связи можно предположить, что штатная команда в строгом смысле не являлась полицейской командой, которая на регулярной основе исполняла бы повседневные административно-полицейские обязанности. Скорее всего, ее чины играли роль временной внешней поддержки для содействия городничему в чрезвычайных ситуациях. 19 июля 1783 г. был принят указ, согласно которому в случае отпуска городничего или при предании его суду его обязанности следовало исполнять офицеру губернской роты [27, с. 982]. В Полоцкой губернии состояла 1 губернская и 11 уездных команд. В штате одной губернской команды под началом капитана находились поручик, подпоручик, 3 сержанта, каптенармус, 6 капралов, 116 рядовых, в том числе 24 конных драгуна, 2 барабанщика и фельдшер. В уездной команде был подпоручик, сержант, 3 капрала и 28 рядовых, в том числе 8 драгун, и барабанщик. Аналогичные штаты были в Могилевской губернии.

Присоединение по итогам второго раздела земель Речи Посполитой потребовало организации системы управления. Согласно указу от 23 апреля 1793 г. было провозглашено о создании Минской губернии [28], а 1 мая 1795 г. – об организации местных органов власти на основании «Учреждения о губерниях 1775 г.» [29]. На протяжении двух лет местным властям приходилось налаживать деятельность временных полицейских органов власти. В сельской местности генерал-губернатор М. Н. Кречетников «предписал сохранение полицейского порядка предоставить земским судам» [30, с. 169], т. е. судебным учреждениям Речи Посполитой. Еще 11 мая 1793 г. в резолюции минского губернатора И. Н. Неплюева на предмет разъяснения порядка судопроизводства подтверждалось, что «полицейское управление в городе остается в ведении суда земского» [30, с. 149]. В частности, 16 июня 1793 г. начальник Минской губернии предписал Речицкому земскому суду выбрать двух комиссаров, причем такой принцип следовало применить в каждом повете. Комиссаров следовало избрать из «добропорядочных и беспорочных людей» [30, с. 170], причем рекомендовалось «выбирать в сие звание таких, кои могли бы на то способны быть не из первого и последних классов, ни средственных степеней» [30, с. 172–173]. Эти подчиненные земскому суду выборные должностные лица фактически исполняли обязанности земских исправников, причем с учетом «служебной» нагрузки их рекомендовалось периодически сменять. Показательно, что с точки зрения местной администрации комиссары являлись аналогом исправников. Так, 12 октября 1793 г. в распоряжении минского губернатора о запрете торговли вином маркитантами говорилось, что «комиссарам в звание земских исправников определенным подтвердить о строгом повсюду наблюдении» [30, с. 201]. Они были обязаны сопровождать проход воинских партий, размещать подразделения по квартирам в рамках постоянной повинности. Им предписывалось с помощью местных жителей преследовать «воров либо беглых людей» [30, с. 171]. Помимо этого, им вменялось в обязанность бороться с эпидемиями и эпизодами, поддерживать состояние дорог и мостов, меры весов, предотвращать

самоуправство. В предписании предводителю дворянства Мозырского уезда от 8 ноября 1794 г. сообщалось о том, что по частновладельческим деревням земские комиссары должны вводить сотских и десятских, не «освобождая их от повинностей» [30, с. 224]. В благодарности Минского, Волынского, Брацлавского и Подольского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина пинскому земскому комиссару П. Дубенецкому от 17 ноября 1794 г. отмечалось, что «должность земского комиссара и окружного земского смотрителя, хотя и требует общего их попечения в отношении к полицейскому наблюдению и по предмету сохранения повсеместного благоустройства, спокойствия и порядка, но что следует до разбирательства дел по частным неудовольствиям», то земский комиссар должен был руководствоваться статьей 243 «Учреждения о губерниях», определявшей действия исправника.

Наряду с комиссарами российскими властями использовались земские смотрители или дозорцы, которые назначались из числа офицеров русской армии. Так, 8 ноября 1794 г. в разъяснениях предводителю дворянства Мозырского уезда подчеркивалось, что земский дозорца капитан Перекрестов не будет нарушать прав сословий. В историографии еще П. Н. Жуковичем высказывалось мнение о том, что смотрители действовали вместо городничих [2, с. 48]. Такую же точку зрения позднее отстаивала В. А. Шелкопляс, считая, что «обязанности городничих исполняли земские смотрители» [3, с. 14]. Однако в документах городничие соседствуют со смотрителями. Это позволяет утверждать о том, что эти две должности существовали одновременно. Например, в предложениях минского губернатора И. Н. Неплюева от 8 ноября 1794 г. констатировалось, что «цен по своему произволу городничие и земские дозорцы не имеют права устанавливать» [30, с. 223–224]. В приказе генерал-губернатора Т. И. Тутолмина от 22 июня 1794 г. обязанность по защите прав собственности Слуцкого Троицкого монастыря, наряду с городничим и комиссарами, возлагалась на «частных земских смотрителей» [30, с. 214]. Всего в Минской губернии на начало 1795 г. действовали 14 городничих, 14 земских смотрителей и 17 частных приставов из числа офицеров русской армии [31, с. 420–423]. Все они, за исключением бобруйского земского смотрителя титулярного советника И. Евневича, были действующими офицерами русской армии. Так, частному приставу Слуцкого округа поручику гренадерского полка Е. Бальзаму 8 февраля 1795 г. был присвоен чин капитана за то, что, оказавшись в плену, он уговорил «500 человек уланов к сдаче без кровопролития под защиту войск Его Императорского Величества» [32, л. 165]. Городничим назначалось жалование в 250–300 руб., земским смотрителям – 250 руб., а частным приставам выплачивалось 150 руб. Как представляется, организуя управление в Минской губернии, российские власти позаимствовали идею для названия временной административно-полицейской должности под названием «смотрители» из современной практики Речи Посполитой. Полицейская должность смотрителей или дозорцев появилась в королевских городах Речи Посполитой только 17 июня 1791 г., а в сельской местности формирование дозорцев проходило с 19 апреля до 26 июля 1794 г. по инициативе руководства восстания [33, с. 62–63].

Интересно, что после утверждения в 1795 г. губернских штатов Минской губернии должность смотрителей была упразднена, однако неофициально дозорцы сохранились в качестве чинов сельской полиции, подчиненных нижним земским судам. Так, в 1804 г. в Гродненской губернии «употребляемы были маршалами некие парафиальные дозорцы или смотрители» [34, л. 31 об.], причем губернское правление «не могло доискаться, кем установлены служители сии» [34, л. 31 об. – 32]. Любопытно, что ни в Министерстве юстиции, ни в Правительствующем Сенате тоже никто не мог ответить на вопрос о том, на каких юридических основаниях в крае существуют дозорцы. В 1804 г. гродненское губернское правление потребовало дозорцев заменить на ключвойтов, сотских и десятских, ссылаясь на указ 1724 г. Напротив, в местной традиции считалось, что от «захвата Литвы Россией аж до 1825 г. ключвойты назывались тогда дозорцами (смотрителями)» [35, с. 58], причем они выбирались местной шляхтой, утверждались исправником, действовали в пределах парафии и руководили сотскими и десятскими.

В городах обязанности городничих временно до утверждения губернских штатов исполняли офицеры воинских частей русской армии. Всего в Минской губернии было введено 14 городничих. Так, в Бобруйск в июне 1793 г. был назначен исполняющим обязанности городничего ротмистр Украинского легкоконного полка Д. Борейша, которому для обеспечения его деятельности отряжалась из этого же полка воинская команда под началом унтер-офицера, капрала, 24 рядовых и трубача. На ротмистра возлагался широкий круг обязанностей: от организации выставления караулов до проверки мер и весов на рынке, от составления списка жильцов, ежемесячных сводок о ценах до присмотра за состоянием мостов. Разумеется, что в этот перечень входили и меры по предотвращению насилия и самоуправства, преследование воров, причем в этом деле ему были обязаны оказывать прямое содействие все городские жители. Однако служебные обязанности армейских офицеров на должностях городничих были, по всей видимости, шире. Так, игуменский городничий секунд-майор Ф. И. Жданов издал инструкцию для выборного от населения сотника местечка Бушевичи Х. Нисиневича, т. е. управлял не только в самом городе, но и за его пределами.

Чиновников из действующих офицеров приходилось дисциплинировать и разъяснять им специфику административно-полицейских обязанностей. Так, генерал-губернатор Тутолмин в отношении минского губернатора Неплюева от 3 февраля 1795 г. требовал объявить полицейским чиновникам Минского уезда о том, чтобы они с нарочным за свой счет срочно направили ему сведения о всех владельцах уезда. При этом им следовало дать «почувствовать, что не токмо за всякую после сего медленность в исполнении последовавшего от начальства повеления виновный подвержен будет десятирублевому штрафу», но и будет привлечен к суду «яко нерадивый о должности» [32, л. 73]. 26 апреля 1795 г. Тутолмин потребовал направить чиновников на осмотр скотомогильников после эпизоотии. Вместе с тем «сверх строгого присмотра за полицейскими чиновниками и неослабного с них взыскания» в случае «хотя малого упущения» [32, л. 175] предполагал

лось им напомнить об их обязанностях. 23 мая 1795 г. начальство требовало от полицейских чиновников при составлении ведомостей о ценах на продовольствие основываться не на рассказах, а лично присутствовать на торге [32, л. 210].

Уже 3 мая 1795 г. были учреждены штаты Минского наместничества [36], разделенного на 13 округов [37], причем в организацию местных органов власти пришлось сразу внести определенные коррективы [38]. В частности, все выборные должности по земской полиции следовало замещать согласно российскому законодательству. Это означало, что к выборам на должности допускались лишь землевладельцы, но в силу того, что выслуживших чины среди местного дворянства не было, то выбирать следовало тех, кто «имел чины польские, до вступления их в подданство наше пожалованные» [38, с. 695]. Помимо этого пояснялось, что крестьяне казенных имений должны были избирать сельских заседателей в нижние земские суды. Что касается ставших уездными центрами частновладельческих Несвижа, Слуцка, Постав и Давыдгородка, то оговаривалось, что в перспективе предполагается выкупить их в казну, но при этом учреждаемым в них местным властям, в том числе городничим и земским судам, следовало уважать права владельцев. 23 января 1796 г. типовой штат нижних земских судов Минской губернии пополнился третьим заседателем от дворянства [39, л. 97]. 20 сентября 1796 г. генерал-губернатором для Минской губернии были утверждены штаты канцелярских служителей для уездных и городских полиций. В частности, канцелярию нижнего земского суда следовало разделить на два стола, каждым из которых заведовал столоничальник с окладом в 80 руб. При этом в одном случае столоничальник одновременно исполнял обязанности протоколиста, а во втором – регистратора. При каждом столе состоял копиист с жалованием в 50 руб. Наконец, охранял канцелярию сторож с содержанием в 24 руб. и 10 руб. на мундир. При каждом городничем канцелярия была более скромных размеров: ведение делопроизводства обеспечивал всего 1 старший писец с жалованием в 80 руб.

Если ориентироваться на данные переписи в Минской губернии, то в уездах плотность полиции составляла приблизительно 0,09 полицейского чиновника на 1000 чел. При условии принятия в расчет канцелярских служителей плотность повысится до 0,16. В свою очередь в городах плотность окажется выше: при учете лишь городничих – 0,22 на 1000 чел., вместе с канцелярскими служителями – 0,44 на 1000 чел.

По мере деятельности городских и земских полиций в Минской губернии потребовалось внести в их работу целый ряд коррективов. Так, городским полициям в частновладельческих городах пришлось напоминать, что такой статус не отменяет в них «блюденіе городничего по обязанности полиции» [39, л. 395]. В представлении генерал-губернатора Т. И. Туголмина от 21 августа 1796 г. городничим и нижним земским судам напоминалось, что они не могут вмешиваться в права владельцев городов и местечек в обложении оброком лавок, установлении цен за ночлег для приезжих и т. п., несмотря на «не умеренное по сему предлогу обременение платежей» [39, л. 310].

Однако от чинов полиции требовалось «блюсти неослабно, дабы с проезжих чрез местечки и земли владельческие поборов под каким бы наименованием они не были, отнюдь никто не брал и не требовал» [39, л. 310 об.].

Согласно распоряжению от 15 сентября 1796 г. генерал-губернатора Т. И. Тутолмина, в целях организации деятельности земской полиции предписывалось по Минской губернии разделить уезды на три стана, «поручив каждый стан в особый присутственный надзор одного из» дворянских заседателей [39, л. 368 об.]. Земскому исправнику следовало взыскивать с заседателей за служебные упущения с их стороны. В свою очередь заседателям приказывалось, помимо исполнения текущих поручений, ежемесячно объезжать свой участок для наблюдения за правопорядком. В случае возникновения каких-либо происшествий в пределах стана от лесного пожара до появления «скопища воров и бродяг» заседателя обязывали немедленно доложить о случившемся и лично присутствовать на месте, предпринимая «деятельные меры к отвращению зла» [39, л. 369]. При этом исправник должен был так распределить деятельность подчиненных ему заседателей, чтобы один из них постоянно находился при нижнем земском суде. Это было необходимо для каких-либо текущих дел и выезда в уезд вместе с исправником для того, чтобы вместе с присутствующим в стане вторым заседателем составить присутствие нижнего земского суда. Чиновникам следовало для таких случаев привозить с собой «настольное запасное сукно и зеркало с указами» [39, л. 369] для соблюдения всех формальностей при открытии заседания. Соблюдение всей бюрократической обрядности считалось необходимым для внушения местным жителям уважения к имперским органам власти. Полицейская служба мыслилась губернской властью как обязанность представителей местной дворянской корпорации. Неисполнительность или халатное отношение к своим обязанностям считались основанием для взысканий с чинов земской полиции в форме удержания «жалованье в пеню» или угрозы отстранения, когда «на место их изберутся другие дворяне с большею по прохождению служения ревностью» [39, л. 308]. Как правило, поводом для таких административных угроз были недоимки, неисполнение рекрутской повинности и т. п.

Ограниченность штата городских полиций Минской губернии, представленных 13 городскими, была признана недостаточной самим генерал-губернатором Т. И. Тутолминым. Не случайно 20 сентября 1796 г. он направил в Минское наместничество предложение, согласно которому рекомендовалось губернский Минск разделить на 4 квартала, Мозырь и Пинск – на 2 квартала, в Борисове и Дисне выделить по одному кварталу. Генерал-губернатор приказывал подобрать на должности квартальных надзирателей отставных обер-офицеров «людей надежных и испытанного благоповедения», которых следовало назначить после согласования с ним. Было признано необходимым в казенных городах «привести в полное действие Устав благочиния, в коем наиподробнее изображены полицейский порядок, должность каждого по званию и обязанность в городе живущих» [40, л. 396]. Одним из шагов в этом направлении признавалась необходимость избрания квартальных поручи-

ков. Наконец, в канцелярии следовало везде выставить Устав благочиния в качестве руководства для действий городской полиции.

Силовую поддержку обеспечивали 12 уездных воинских команд в составе 12 офицеров и 396 нижних чинов. В Минске стояла губернская рота под командой 3 офицеров и 129 нижних чинов. Как и в случае с воинскими командами при уездных комиссарах, их комплектование дееспособными нижними чинами стало проблемой для местных властей. Так, генерал-губернатор Тутолмин в своем отношении от 25 июля 1795 г. уведомлял минского губернатора о том, что он обратился с просьбой к командующему кн. Н. В. Репнину. Ее сущность заключалась в том, чтобы на формирование команд выделялись «люди не престарелые, коих бы по новости губернии и по привычке жителей к самоуправству со всею на верность благонадежностью по надобностям земской службы употреблять было можно» [32, л. 259]. Начальнику губернии рекомендовалось отправить чиновников на приемку нижних чинов, чтобы в команды попали «люди не дряхлые и к понесению трудов способные» [32, л. 259]. Показательно, что в сентябре 1795 г. кадровый вопрос все еще оставался в стадии рассмотрения [32, л. 329].

Еще до окончательного оформления третьего раздела Речи Посполитой российские власти приступили к организации местного управления в пределах будущих владений. По указу от 30 октября 1794 г. на занятых русскими войсками территориях формировались временные органы исполнительной власти [41]. Так, местная власть передавалась корпусным командирам. Каждый повет ставился под начало бригадира или старшего батальонного командира, который опирался бы на предоставляемых от «дворянского, городских и сельских обществ комиссаров» [41, с. 573] для исполнения всех повинностей «от земли». Им предстояло действовать до тех пор, пока генерал-губернатор кн. Н. В. Репнин не определил бы по городам городничих, а по округам – капитанов-исправников. Интересно, что выборное начало пока не распространялось на исправников, причем на должности по всем позициям кадры предлагалось получить «от нашего генерал-прокурора или употребляя собственно вами избираемых, не исключая из числа сих природных литовских жителей, в ком приверженность к нашим пользам окажется» [41, с. 577]. 14 декабря 1795 г. было принято решение о создании Виленской и Слонимской губерний, что предусматривало составление штатов для местных учреждений [42]. На это ушло более полугода, поскольку только 8 августа 1796 г. было объявлено об утверждении штатного расписания новых губерний. Одной из временных особенностей организации земской полиции в этих губерниях стало включение в состав нижних земских судов для предотвращения конфликтов между обывателями и квартирующими войсками на три года по одному воинскому депутату из офицеров, к которым для большей эффективности действий земской полиции приписывалась и воинская команда [43]. Л. Жыткович полагал, что появление этих офицеров стало следствием недоверия властей к представителям выборной от местного дворянства администрации, однако конкретных доказательств в пользу своего суждения не приводил [44, с. 178]. Защита обывателей от произвола со стороны военных, по

его мнению, являлась лишь предлогом для политического контроля. Однако конфликты между военными и местными жителями на почве постоя и прочих повинностей являлись реальностью и административно-полицейской проблемой. Например, в своем рапорте комиссар слущкой округи Кривоблоцкий от 17 января 1795 г. докладывал, что в пределах его парашии Ростовский полк занимал квартиры по своему произволу, а солдаты Ингерманландского полка не оплачивали сено и забирали подводы. Навести порядок не представлялось никакой возможности, поскольку «ни соцкий, ни десяцкий в селах недели в сем звании выжить не может, потому что проезжающие и проходящие воинские чины за хлеб и лошадей до полусмерти забивают» [32, л. 42 об.]. Если генерал-губернатор Т. И. Тутолмин просто приказывал городничим, окружным смотрителям не допускать произвола военных, то кн. Н. В. Репнин в решении проблемы скорее уповал на авторитет в глазах военных чинов армейского офицера в составе нижнего земского суда. Вместе с тем к своей деятельности, по крайней мере в качестве выборных чинов земской полиции, в правление Екатерины II местное дворянство Виленской и Слонимской губерний приступить не успело. Так, только 22 октября 1796 г. Виленский и Слонимский генерал-губернатор кн. Н. В. Репнин оповестил дворян Слонимской губернии о том, что все имеющие право участия в выборах обязаны явиться к 20 декабря 1796 г. в Слоним [45]. Согласно утвержденным штатам предполагалось наличие 8 городских в Слонимской и 11 городских в Виленской губерниях. Плотность чиновников уездной полиции в Виленской губернии составила приблизительно 0,06 на 1000 чел., в Слонимской – 0,07 на 1000 чел. В городских поселениях ситуация формально была заметно лучше. Так, в Бресте плотность городской полиции равнялась 0,31 на 1000 чел., в более населенном Гродно – 0,19.

Таким образом, до введения в белорусских губерниях системы управления согласно «Учреждению о губерниях» 1775 г. полицейские функции с 1772 до 1778 г. исполняли провинциальные канцелярии во главе с воеводами, уездные комиссары, которых можно считать предшественниками будущих уездных исправников, а также коменданты гарнизонов. При этом появление в 1773 г. должности уездного комиссара стало особенностью белорусских губерний. До открытия воеводских провинциальных канцелярий основные полицейские обязанности возлагались на военных комендантов, к которым для исполнения ряда поручений привлекались от местного дворянства парашальные комиссары. С 1778 г. после учреждения нижних земских судов, ответственных за правопорядок в уезде, и городничих в городах выполнение административно-полицейских функций переходит к этим местным органам государственной власти. В этой связи представляет интерес вопрос о том, с какого времени следует условно вести отсчет истории полиции в белорусских губерниях. Проблема заключается в том, что в данный период под чисто полицейские функции в крае не создавались отдельные государственные органы, а полицейские обязанности исполнялись административно-полицейскими учреждениями. В частности, очевидно, что с 9 октября 1772 г. полицейские задачи осуществляли провинциальные канцелярии во главе

с воеводами. Однако более обоснованным представляется ведение отсчета истории учреждений общей полиции с появления 22 июля 1773 г. в белорусских губерниях должности уездных комиссаров в силу того, что их можно рассматривать как прямых предшественников земских исправников.

Практически с самого начала формируется сеть сельских выборных в лице десятских, сотских и ключвойтов (Могилевская и Полоцкая губернии) или дозорцев (Минская, Виленская, Слонимская губернии), которые сперва подчинялись уездным комиссарам, а затем нижним земским судам. Они действовали на основании инструкций, но фактически и юридически исполняли административно-полицейскую повинность, возложенную на жителей сельской местности. При этом была адаптирована администрация сельской общины, сложившаяся еще в Речи Посполитой в лице войтов и десятских.

Вместе с тем после введения 10 января 1778 г. в Могилевской и Полоцкой губерниях «Учреждения о губерниях» 1775 г. окончательно сложились структуры исполнительной или общей полиции – нижние земские суды в сельской местности и городничие в городах. В Минской губернии с 1793 по 1795 г. можно выделить этап временных полицейских учреждений: комиссаров земских поветовых судов, земских смотрителей и частных земских приставов на правах их помощников, причем в двух последних случаях обязанности этих должностных лиц исполнялись офицерами русской армии. С 3 мая 1795 г. после утверждения типовых штатов местных учреждений можно говорить о формировании нижних земских судов и управ благочиния по общероссийскому образцу. Местным властям в 1796 г. пришлось вносить дополнительные изменения в штатную структуру уездной и городской полиции. Наконец, в границах будущих Виленской и Слонимской губерний полицейские обязанности с 30 октября 1794 г. были временно возложены на командиров, расквартированных по поватам воинских частей, которым оказывали содействие выборные комиссары от местных сельских и городских общин, шляхты. Показательно, что еще до окончательного оформления губернского управления предусматривалось назначение по городам городничих и по округам капитан-исправников, призванных заменить временную полицейскую власть армейских офицеров. С 8 августа 1796 г. в Виленской и Слонимской губерниях складывается общероссийская система местных административно-полицейских институтов. Временной особенностью этих губерний стало появление в составе нижнего земского суда воинского депутата из офицеров для разрешения конфликтов из-за постоянной повинности.

В целом созданные полицейские управы были более заметны в городских поселениях, чем нижние земские суды в сельской местности. Плотность полиции в них была настолько низкой, что в своей повседневной жизни большинство крестьян достаточно редко могли непосредственно сталкиваться с полицейским чиновником в лице исправника или заседателя.

Список использованных источников

1. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 2. – С. 265–315.
2. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 5. – С. 1–60.
3. Шелкопляс, В. А. Местные органы государственного управления в Белоруссии в конце XVIII – начале XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.710 / Валентина Александровна Шелкопляс; БГУ. – Минск, 1972. – 17 с.
4. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796) / Я. К. Анішчанка; пад рэд. У. А. Сосна. – Минск: ЗАО «Веда», 1998. – 212 с.
5. Именной, данный генерал-майорам Каховскому и Кречетникову, с приложением наказа – по коему они должны поступать при исправлении должностей губернаторов в присоединенных от Польши губерниях // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XIX. – № 13808.
6. Об учреждении крепостей в приобретенных от Польши губерниях // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XIX. – № 13826.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3267. Оп. 1. Д. 52.
8. О назначении провинциальных городов и штата провинциальных канцелярий в Псковской и Могилевской губерниях // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XIX. – № 13879.
9. НИАБ. – Ф. 3267. Оп. 1. Д. 53.
10. О разделении белорусских губерний на уезды и об учреждении в оных уездах комиссарств // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XIX. – № 14014.
11. Готье, Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II / Ю. В. Готье. Т. 2: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. / Академия наук СССР. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 303 с.
12. Анішчанка, Я. К. Камісар / Я. К. Анішчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4: Кадэты – Ляшчэня. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1997. – С. 46.
13. Об учреждении Могилевской и Полоцкой губерний // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XX. – № 14691.
14. Высочайше утвержденный штат Могилевского наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XX. – № 14692.
15. Высочайше утвержденный штат Полоцкого наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XX. – № 14693.
16. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: [учеб. по спец. «Историко-архивоведение»] / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
17. Ануцин, Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего време-

ни / составлен по распоряжению Министра внутренних дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным / Е. Н. Анучин. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1872. – 233 с.

18. НИАБ. – Ф. 2584. Оп. 1. Д. 5.

19. НИАБ. – Ф. 2584. Оп. 1. Д. 76.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1167. Оп. 1. Д. 93.

21. Инструкция сотскому с товарищи // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XIX. – № 14231.

22. Полиция Российской империи: монография / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 320 с.

23. Похилевич, Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века / Д. Л. Похилевич. – Вильнюс: [б. и.], 1966. – 215 с.

24. НИАБ. – Ф. 3426. Оп. 1. Д. 1.

25. Штаты разных чинов, состоящих при губернской канцелярии и при канцеляриях провинциальных и воеводских // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XVI. – № 11991.

26. Российское законодательство X–XX веков / под общей редакцией [и с предисловием] О. И. Чистякова. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. – 1987. – 527 с.

27. О препоручении должности городничего, в случае отпуска или предания его за преступление суду, штатному офицеру губернской роты // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXI. – № 15792.

28. О присоединении к России от Польши некоторых областей, и об учреждении из оных губерний: Минской, Изяславской и Брацлавской // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17112.

29. О принятии присяги от жителей вновь присоединенных к России от Польши, при последнем ее разделении, областей; об устройстве оных на основании Учреждения о губерниях и об установлении таможен, также пограничной цепи и стражи на новой границе // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17323.

30. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796) / [личный состав Виленской комиссии для разбора древних актов: Ф. Н. Добрянский (председатель) [и др.]. – Вильна: Издание Виленской комиссии для разбора древних актов, 1903. – LXXXVIII, 350, [2] с.

31. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1795 от Рождества Христова. – СПб.: Имп. Академия наук, 1795. – XX, [2], 423, IX с.

32. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 9468.

33. Cichoń, P. Pozycja ustrojowa dozorczy w administracji Rzeczypospolitej szlacheckiej / P. Cichoń // Państwo i Społeczeństwo. – 2006. – № 4. – S. 53–72.

34. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 1. Д. 27.

35. Towarzystwo Demokratyczne Polskie. – Paris: Bourgoigne et Martinet, 1841. – 68 s.

36. Высочайше утвержденный штат Минского наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17326.

37. О составлении Минского наместничества из тринадцати округов // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17325.
38. О разных распоряжениях касательно устройства Минской губернии // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17327.
39. НИАБ. – Ф. 1607. Оп. 1. Д. 1.
40. НИАБ. – Ф. 1607. Оп. 1. Д. 5.
41. О разделении Великого княжества Литовского на три части и о образе управления оными // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17264.
42. О разделении Великого княжества Литовского на две губернии // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17417.
43. О разных распоряжениях относящихся к устройству Виленской и Слонимской губерний // ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – 1830. – Т. XXIII. – № 17495.
44. *Żytkowicz, L.* Rządy Repnina na Litwie w latach 1794-7 / *L. Żytkowicz* – Wilno: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1938. – 464 s.
45. Uniwersał Od Wileńskiego i Słonimskiego Generała Gubernatora Xięcia Repnina wszem w obec i każdemu Słonimskiemu Gubernij Obywatelowi. – URL: <https://polona.pl/item-view/0e0086f0-3bf6-4509-92b6-5c3e61cbe303?page=4> (date of access: 20.04.2024).

(Дата поступления: 23.05.2024 г.)

РОЛЬ СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

Карпович К. Н.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются разные аспекты взаимодействия судебных следователей с иными представителями правоохранительной системы белорусских губерний. Сотрудники прокуратуры не только контролировали ход следствия, но и разрешали текущие проблемы судебных следователей. Отчасти права следователей были ограничены в делах политического характера. Полиция играла подчиненную роль по отношению к судебным следователям. На качество следствия влияли условия, в которых приходилось работать следователям. Судебный следователь был одной из важнейших фигур в борьбе с уголовной преступностью.

Ключевые слова: судебный следователь; преступность; полиция; правонарушения.

THE ROLE OF THE COURT INVESTIGATOR IN LAW ENFORCEMENT IN BELARUSIAN PROVINCES

Karpovich K. N.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article deals with different aspects of interaction between court investigators and other representatives of the law enforcement system of Belarusian provinces. Employees of the prosecutor's office not only controlled the course of the investigation, but also solved current problems of court investigators. The rights of investigators were partly restricted in cases of political nature. The police played a subordinate role to court investigators. The quality of investigations was influenced by the conditions under which investigators had to work. The court investigator was one of the most important figures in the fight against criminal offenses.

Keywords: court investigator; crime; police; offenses.

Основной профессиональной задачей судебных следователей была борьба с уголовной преступностью. Они контролировали соблюдение законодательства и расследовали различные виды правонарушений. Опыт, который накапливал следователь при работе с различными по составу преступлениями, увеличивал качественный уровень исполнения служебных обязанностей в дальнейшем. В отечественной историографии их профессиональная деятельность в белорусских губерниях специально не изучалась. Вместе с тем разные аспекты функционирования института предварительного следствия затрагивались российскими исследователями.

В частности, проблемы взаимодействия правоохранительных органов детально рассматривались для понимания роли судебных следователей в правоохранительной деятельности. Так, А. А. Никитин в целом высоко оценивал роль следователей по поддержанию правового порядка в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Вместе с тем им отмечалась высокая служебная нагрузка на чиновников, которая вынуждала следователей прекращать производство дел или передавать их чиновникам, служившим в других участках [1, с. 19]. По мнению автора, раскрытию преступлений уделялось основное внимание в уголовном процессе, что требовало от судебного следователя большой ответственности в ходе исполнения служебных обязанностей [1, с. 21]. Р. З. Симонян в своей диссертации, посвященной развитию органов прокуратуры в пореформенный период в Курской губернии, утверждала, что следователи в основном добросовестно выполняли требования прокуроров. Однако право прокурора на дополнение следствия, которое он предъявлял следователю, вызывало недовольство последних из-за дополнительной нагрузки [2, с. 18]. И. В. Упоров и М. Р. Хоконова отмечали важность взаимодействия различных органов власти в деле борьбы с преступностью. Они указывали на достаточно широкие права губернаторов по воздействию на следователей посредством назначения сверх штата кандидатов на судебные должности, определения границ следственных участков и места пребывания следователя, направления предписаний судам об открытии следственных комиссий по расследованию наиболее важных преступлений [3, с. 373]. На качество проведения расследований отрицательное влияние оказывали трудности во взаимодействии с судом и органами полиции [3, с. 375]. Ю. С. Гусакова детально рассматривала взаимодействие органов прокурорского надзора с предварительным следствием. Она констатировала, что прокуроры обладали широкими полномочиями в отношении судебных следователей и фактически контролировали ход проведения судебного следствия [4, с. 18].

В белорусской исторической науке на данный момент опубликовано большое количество работ, рассматривающих место следователя в правовом механизме. Например, А. А. Никифорова отметила, что после 1864 г. следователи выводились из административного подчинения руководителей судов. Прокуроры осуществляли надзор за проведением следствия [5, с. 220]. Ю. П. Шкаплеров рассматривал процедуру дознания согласно «Уставу уголовного судопроизводства» 1864 г., отмечая, что роль полиции, проводившей эти мероприятия, сводилась к добытию материалов для дальнейшей передачи следователю [6, с. 82]. Прокуроры выполняли роль связующего звена между следователями и полицией, давая поручения как следователям, так и полицейским [6, с. 85].

В 1860 г. судебным следователям на основании «Указа об учреждении следователей» предписывалось проводить следствия по преступлениям, подлежащим рассмотрению судебных мест. За полицейскими оставались расследования по маловажным правонарушениям. Следователь приступал к выполнению своих функций по требованию уполномоченных лиц. Все его

законные требования должны были исполняться органами власти. Это свидетельствовало о достаточно широких правах следователей при исполнении своих обязанностей [7]. В соответствии с наказом судебным следователям детально утверждался порядок действий участвовавших в следственных мероприятиях этих чиновников. Он акцентировал важность наличия законной причины для открытия следствия, объективности действий следователя и выполнения требований суда [8]. В свою очередь в «Наказе полиции» от полицейских чиновников в отношениях со следователями требовалось проведение дознания по делам, подлежащим ведению судебных мест, передача дознания следователю, даже если подозреваемый не был найден [9].

В 1864 г. был принят «Устав уголовного судопроизводства», который на долгое время установил правила действия следователей и других чиновников при проведении следствия. Предварительное следствие проводилось совместно с органами полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей.

В отношениях между следователями и служащими полиции подчеркивалась вспомогательная роль полиции. Она проводила дознание, материалы которого в дальнейшем передавались следователю. В свою очередь декларировались следующие права следователя: следствие не могло быть начато без законного повода, он имел главенствующую роль по отношению к полицейским, все другие чиновники обязаны были выполнять его требования. Эти положения повторяли идеи, оформленные в указе 8 июня 1860 г.

В Уставе были указаны основные функции прокуроров относительно деятельности судебных следователей. В частности, им поручался надзор за проведением следствия с правом предоставления следователям рекомендаций по его ведению. При этом требования и предложения прокурора были обязательны при исполнении следователями своих обязанностей. Следует отметить, что советы квалифицированного чиновника прокурорского надзора могли помочь неопытному следователю.

При открытии предварительного следствия стороны этого процесса пользовались рядом прав. Так, причинами для возбуждения следствия помимо жалоб частных лиц могли быть обращения полиции, государственных учреждений и всех должностных лиц, постановление о возбуждении дела прокурором и его товарищами. Если следователь не находил достаточных оснований для возбуждения дела, то сообщал об этом прокурору или его товарищу [10]. Это обстоятельство свидетельствует об активной роли судебного следователя в расследовании правонарушений.

Силы полиции были основным звеном местных органов власти, позволявшим следствию выполнять свои функции. Р. С. Мулукаев отмечал, что полицейские обладали небольшими полномочиями относительно судебных следователей и были призваны во всем содействовать им. Однако это взаимодействие было далеким от идеального. Так, в начале XX в., по данным Министерства юстиции, 31 % всех следствий по уголовным делам закрывались из-за плохого качества розыскных мероприятий, проводившихся органами полиции [11 с. 127]. Нередко следователям приходилось проводить дознания, которые не входили в перечень их полномочий [12, с. 116]. На практике встре-

чались случаи, когда полиция не выполняла требования следователя. В таких случаях следователи прибегали к помощи прокурорского надзора. Так, товарищ Гродненского губернского прокурора по Гродненско-Волковысскому участку Н. Ф. Покровский в рапорте от 21 декабря 1873 г. писал гродненскому губернскому прокурору В. Н. Варварину о том, что временный судебный следователь О. П. Телегин при допросе крестьянина С. Мациевского не исполнил требование судебного следователя Волковысского уезда из-за отказа пристава 4-го стана Волковысского уезда И. В. Никольского выполнить прошение Телегина от 9 декабря за № 2729. В итоге приставу был отдан приказ об исполнении воли следователя. Такие проблемы замедляли ход проведения следственных мероприятий и отрицательно сказывались на общей картине раскрываемости правонарушений [13, л. 1421].

В дальнейшем положения «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. неоднократно пересматривались. Например, в утвержденных 15 марта 1866 г. «Временных правилах, относящихся к внутреннему распорядку в судебных установлениях учрежденных по Судебным уставам 20 ноября 1864 г.» оговаривались полномочия следователей при подготовке отчетной документации. Они были обязаны вести реестр входящих и исходящих бумаг, настольный реестр по делам, представлять товарищу прокурора каждые четыре месяца именные ведомости по всем следствиям, а каждый месяц – краткие сведения по следствиям, по которым содержатся арестанты. При выезде из мест постоянного пребывания следовало оставлять сведения о месте и цели своего визита [14]. Эти требования повышали и без того значительную служебную нагрузку на чиновников. Так, судебный следователь Режицкого уезда А. Г. Должанский писал витебскому губернскому прокурору П. Л. Шестакову 11 октября 1865 г. о том, что он получил известия от Витебской Палаты уголовного суда от 11 сентября 1865 г. о том, что ему в помощь направлен коллежский регистратор Лосино. Он считал нужным донести, что для того, чтобы привести в порядок следственные дела здешнего уезда, недостаточно двух следователей в условиях, когда количество дел превышает 400 единиц. Ежедневно поступало от 3 до 6 дел. Помимо этого, был большой объем канцелярской переписки. В связи с этим невозможно было выполнять требования ст. 3 и 4 наказа судебным следователям и ст. 14 УУС [15, л. 538]. В итоге следователь не успевал препровождать в уездный суд не подлежащие его рассмотрению дела. Рапортом от 5 декабря 1872 г. могилевский губернский прокурор А. Д. Шевич ходатайствовал перед министром юстиции К. И. Паленом об обязанности судебных следователей Могилевской губернии, согласно циркуляру министра юстиции Д. Н. Замятина от 25 июня 1863 г., отправлять в Соединенную Палату уголовного и гражданского суда через каждые четыре месяца ведомости о производимых ими следствиях более одного месяца. Министр юстиции Д. Н. Замятин писал ковенскому губернскому прокурору В. Э. Длотовскому, что эти обязанности являются обременительными для следователей. Этот пример говорит о том, что министерское начальство понимало, что следователи должны заниматься профильными функциями, не затрачивая время на «бумажную работу» [16, л. 351].

19 мая 1871 г. были утверждены правила о порядке действий Корпуса жандармов по расследованию преступлений, которые частично выводили из юрисдикции следователей расследование политических преступлений. Дознания проводились офицерами корпуса, а по делам государственной важности лицом, назначаемым высшей властью. Они могли начинать следствие как по предложению прокурора, так и самостоятельно. А. А. Волчкова утверждала, что подобные меры были приняты из-за недоверия высших чинов профессиональным юристам-следователям. По ее мнению, эти нововведения противоречили смыслу судебных уставов [17, с. 143]. Справедливо отметить, что в течение пяти с половиной лет после принятия закона от 19 мая 1871 г. в империи в ведении полиции находилось большое количество политических дознаний. В судебном порядке было разрешено только 16 дел, а остальные были разрешены административными методами [17, с. 145]. Согласно ст. 3 правил о порядке действий жандармских чинов прокурору и его товарищам предоставлялось право возлагать на жандармов производство дознаний по государственным преступлениям, когда это будет необходимо. На основании ст. 22 порядка производства дознаний о государственных преступлениях они проводились на общем основании лицами прокурорского надзора. Эта практика полностью не отменяла производства следователями политических дел, потому что прокурор мог решить проводить следствие без участия жандармов [18].

Не всегда взаимодействие следователей и жандармов носило конструктивный характер. Так, начальник Гродненского губернского жандармского управления И. С. Штейн 4 декабря 1874 г. писал и. д. гродненского губернского прокурора Г. П. Орлову о просьбе последнего командировать жандарма в распоряжение судебного следователя. Начальник жандармов писал о том, что согласно правилам от 19 мая 1871 г. возлагать поручения на чинов губернского жандармского управления предоставлено только лицам прокурорского надзора, а не судебным следователям. Принимая во внимание важность дела, им было предписано начальнику жандармского управления Кобринского и Пружанского уездов С. И. Якутовичу командировать жандарма, которому было предписано исполнять поручения товарища губернского прокурора Н. Ф. Покровского по открытию преступления, совершенного группой вооруженных людей в ночь с 25 на 26 ноября [19, л. 1616].

Департамент уголовного отделения Министерства юстиции в циркуляре от 16 августа 1878 г. передавал губернским прокурорам содержание временного указа от 9 августа 1878 г. В нем описывалась процедура обвинения лиц, участвовавших в вооруженном восстании, сопротивлении властям, нападении на чины войск и полиции и на всех должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей. Если это сопровождалось убийством или покушением на убийство, нанесением ран и увечий, то необходимо было передавать такие дела военным судам для осуждения обвиняемых по законам военного времени согласно ст. 279 воинского устава о наказаниях изд. 1875 г. Указ от 9 августа 1878 г. не изменял существа проведения следствия, т. к. оно проводилось на общем основании, изложенном в законе о судопроизводстве изд.

1876 г. При расследовании этих дел от судебного следователя требовалась максимальная оперативность. Затем он передавал его прокурору. Если прокурор видел в нем основания для применения закона от 9 августа 1878 г., то отсылал его командующему войсками округа, если не усматривал, то в Соединенную палату уголовного и гражданского суда. О каждом таком случае было необходимо лично доносить министру юстиции [16, л. 270]. Этот пример свидетельствует о большой роли следователя и прокурора в процессе расследования антигосударственных преступлений.

7 июня 1904 г. было утверждено мнение Государственного совета об изменениях в производстве дел по преступлениям политического характера. На основании п. 28 прокурор окружного суда с разрешения прокурора судебной палаты мог открывать предварительное следствие. В ст. 1036 говорилось, что следствие должны были производить судебные следователи по важнейшим делам, следователи по особо важным делам либо эти права возлагались на одного из членов судебной палаты. В ст. 1037 указывалось, что следователям и прокурорам необходимо было действовать в общем порядке судопроизводства. Кроме того, чины прокурорского надзора должны были присутствовать при производстве следствия [20].

В рассматриваемый период число преступлений политического характера зависело от напряженности ситуации внутри империи. Так, в 1870 г. различные виды краж и воровства в Гродненской, Минской и Могилевской губерниях составляли 445 ед., либо 34 % от общего числа преступлений [21–23]. Антигосударственные правонарушения в этой выборке составили 71 ед., либо 5,45 %. В 1886 г. доля краж и воровства увеличилась до 39,9 %, а антигосударственные правонарушения составили 8,3 % [24–26]. Однако в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. увеличилась доля преступлений, направленных против государственной власти. Например, в 1904 г. совокупно в Гродненской и Могилевской губерниях было совершено 224 преступления против порядка управления – 5,03 % от общей численности, было осуждено 123 чел. – 8,96 % от общего числа. В 1907 г. число подобных правонарушений выросло до 500 – 10,65 % от общей численности, количество осужденных увеличилось до 473 чел. – 27,17 % от всех лиц, преданных суду. Таким образом, в двух рассматриваемых губерниях число антигосударственных правонарушений увеличилось более чем в 2 раза, а количество осужденных выросло на 18,21 % [27–30]. Вместе с тем по мере спада революционной напряженности уменьшилась нагрузка на следователя по этим делам. Например, в 1913 г. в Гродненской, Минской и Могилевской губерниях они составили 147 ед., либо 2 % от числа всех следствий [31–33]. С другой стороны, доля служебных преступлений по сравнению с другими видами правонарушений оставалась сравнительно небольшой. Например, в 1903 и 1904 гг. в Минской губернии их совокупное число составило около 1 % [34, л. 308].

В ходе исполнения служебных обязанностей следователям приходилось взаимодействовать и с представителями военной юстиции. Военный прокурор Виленского военно-окружного суда А. А. Навроцкий 2 октября 1873 г. писал гродненскому губернскому прокурору В. Н. Варварину о том, что ря-

довой 101-го пехотного полка Кислянов содержался на главной Гродненской гауптвахте с января и числился за судебным следователем 2-го участка Гродненского уезда Н. Н. Огневым. Солдат заявлял одному из помощников военного прокурора, что со времени начала производства дела он ни разу не был на допросе и не знает, где его дело и почему оно задержано. В. Н. Варварин указывал на то, что если слова военнослужащего соответствовали истине и его дело находилось в производстве у судебного следователя, то оно подлежало ускоренному рассмотрению [13, л. 773].

Время от времени для быстроты производства дел через прокурора происходила их передача от одного следователя к другому. Например, прокурор Минского окружного суда П. А. Бенико 9 ноября 1909 г. писал председателю Минского окружного суда В. Г. Преснякову о том, что исполнявший обязанности военного прокурора препроводил к нему следствие по делу о разбойничьем нападении на Жабицкое волостное правление. Он просил о возможно скором производстве дела по обвиняемому Дорогокупцу. Поскольку предварительное следствие по этому делу проводилось судебным следователем 1-го участка Пинского уезда М. С. Варашкевичем, а задержанный обвиняемый содержался в Минской тюрьме, то в интересах ускорения следствия он просил председателя суда войти с предложением о поручении этого действия следователю 5-го участка г. Минска М. П. Долгому и исполнить это требование через прокурора [35, л. 7].

Прокуратура содействовала проведению следствия путем ходатайства перед различными органами власти о выполнении законных требований следователя. Например, начальник управления акцизными сборами Гродненской губернии К. Ф. Станкевич 6 июля 1873 г. уведомлял Гродненского губернского прокурора о том, что ранее прокурор говорил ему об отказе смотрителя пограничной корчемной стражи Гродненского и Сокольского уездов в удовлетворении требования судебного следователя 2-го участка Сокольского уезда П. М. Коршунова об одновременной высылке к следствию в качестве свидетелей 8 чел. нижних чинов корчемной стражи. В итоге начальник управления сообщил прокурору, что уведомил своих подчиненных о необходимости в дальнейшем исполнять требования судебных следователей [13, л. 75]. Периодически следователям поступали указания от прокурора, разрешавшие противоречивые ситуации. Так, 14 декабря 1873 г. Гродненский губернский прокурор приказывал судебному следователю 3-го участка Гродненского уезда Г. Д. Григоровичу о выполнении требований следователя 1-го участка Трокского уезда П. Н. Волжинского от 13 октября по делу об арестанте Х. Шимановиче и о времени исполнения этого требования сообщить прокурору. Кроме этого, следователь был обязан объяснить прокурору о причинах неисполнения требования до сих пор [13, л. 1344].

Иногда прокуроры помогали разрешать ситуации, когда полномочия следователя не позволяли это сделать. Так, 26 ноября 1869 г. минский губернский прокурор А. А. Воронин по просьбе судебного следователя 2-го участка г. Минска А. С. Гудима ходатайствовал перед воинским начальником

П. А. Полторацким насчет передачи военным следователям дел, находившихся в производстве у следователя 2-го участка [36, л. 34].

Для понимания эволюции роли судебного следователя в судебной системе необходимо упомянуть о деятельности Комиссии по изменению основ существовавшего судоустройства с 1894 по 1899 г. Министр юстиции Н. В. Муравьев ставил перед комиссией две основные задачи: сохранить основные достижения реформы 1864 г., но при этом укрепить государственное значение суда и судебного ведомства в их взаимодействии с другими правительственными учреждениями. В отношении института предварительного следствия предполагалось сократить подследственность за счет расширения роли полицейского дознания и соединения функций следователя и единоличного судьи. 28 и 29 декабря 1894 г. прошли заседания, посвященные следственному аппарату. Участники сошлись во мнении, что основными проблемами следствия являлись личные качества следователей и большие территории следственных участков, большая нагрузка и недоработки полиции [37, с. 11–15].

Действительно, на качество производимых следственных мероприятий больше влияли факторы, зависящие не столько от личности следователей, сколько от условий, в которых приходилось работать чиновникам. Так, еще в предположениях о введении в действие по Витебской губернии новых судебных уставов 20 ноября 1864 г. в отношении судебных следователей предусматривалось, что необходимо принимать во внимание пропорциональность количества следственных производств в различных участках и уездах. Необходимо было принимать меры к более уравнительному распределению занятий между следователями в данной местности. Так, по Витебскому, Динабургскому и Полоцкому уездам, в которых существовало по 2 следственных участка, среднее число произведенных в году следствий оказалось: в Витебском уезде – 406 дел, Динабургском – 391 дело, Полоцком – 239 дел. В свою очередь в Режицком ежегодно велось 179 дел, Лепельском – 162 дела, в прочих уездах – от 79 до 148 дел. К показанным числам следовало прибавить и среднее число следственных производств, которые велись специально назначавшимися губернским начальством чиновниками, поскольку с введением в действие новых судебных уставов предполагалась их передача судебным следователям. В итоге делался вывод о необходимости изменения административно-территориального деления губернии посредством пересмотра границ уездов с целью снижения нагрузки на следователей [38, л. 9–10].

Сохранялась эта проблема и во время деятельности Комиссии Н. В. Муравьева. Так, 18 мая 1899 г. и. д. судебного следователя Бобруйского уезда 1-го уч. С. И. Моисеев, 3-го уч. В. П. Литвинов, 2-го уч. старший кандидат на судебные должности В. В. Макашев, прокурор Минского окружного суда А. Э. Бартельсен и его товарищ И. В. Катин обсуждали неравномерное распределение дел при настоящих границах каждого участка как по количеству возникших в них дел, так и по времени, затрачиваемому на разъезды по делам службы, и другим условиям предварительных следствий. В итоге было принято решение отсоединить Горбачевичскую волость от 2-го участка к 1-му,

Бражскую – от 3-го к 1-му, Горковскую – от 3-го ко 2-му, а Городковскую – от 2-го к 3-му [39, л. 81].

В 1899 г. в отношении предварительного следствия Комиссией были разработаны следующие предложения: производство следствия рекомендовалось передать следственным судьям, а вместо судебных следователей по важнейшим и особо важным делам создать должности окружных следственных судей. В отличие от следователя судья совмещал бы полномочия следователя и судьи. Участковые судьи назначались бы на должность министром юстиции из старших кандидатов на судебные должности со стажем работы не менее шести лет в качестве присяжных поверенных. Окружные судьи назначались из членов окружного суда министром юстиции на срок проведения предварительного следствия. В целом они становились зависимы от министра юстиции и администрации [17, с. 152]. Для ускорения производства дел предварительное следствие фактически превращалось бы в полицейское дознание. В итоге выдвинутые проекты не были реализованы на практике. К. П. Краковский объясняет это тем, что судебные уставы глубоко укоренились в практику судопроизводства, а также дороговизной принятия и внедрения предположений Комиссии, нежеланием императора вносить серьезные изменения в Уставы 1864 г. и негласным сопротивлением нововведениям со стороны ведущих юристов страны [37, с. 24].

Таким образом, «Устав уголовного судопроизводства» 1864 г. был основным правовым актом, определявшим порядок проведения следственных мероприятий и взаимодействия судебных следователей с представителями других органов власти. Дальнейшие корректировки его принципов приводили к частичному ограничению роли следователя в области расследования дел политического характера. По политическим преступлениям жандармские дознания могли проводиться без участия следователей. Такие дела могли разрешаться во внесудебном порядке. Органы прокурорского надзора в белорусских губерниях направляли и контролировали следователей при проведении следствия, оказывали им содействие в случае столкновения с саботированием их требований. При этом судебный следователь не являлся пассивным исполнителем следственных действий, поскольку имел право ходатайства о возбуждении дела, если не усматривал в нем состава преступления. Полицейские играли вспомогательную роль по отношению к следователям. Их недоработки негативно сказывались на качестве проводимых следственных мероприятий. Негативное влияние на деятельность судебного следователя больше оказывала не столько правовая организация его деятельности, сколько такие объективные факторы, как значительная площадь и населенность следственных участков в белорусских губерниях.

Список использованных источников

1. Никитин, А. А. Борьба правоохранительных органов с уголовной преступностью в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Никитин Александр Александрович; Ульяновский

государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова. – Ульяновск, 2015. – 23 с.

2. Симонян, Р. З. Эволюция органов прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г., вторая половина XIX – начало XX в. (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Симонян Римма Зориковна; Курский государственный университет. – Курск, 2007. – 28 с.

3. Упоров, И. В. Введение института судебных следователей по реформе 1860 года и его значение для развития уголовного судопроизводства в России / И. В. Упоров, М. Р. Хоконова // Академия педагогических идей «Новация». – 2018. – № 6. – С. 366–378.

4. Гусакова, Ю. С. Взаимодействие прокуратуры и органов расследования в пореформенной России второй половины XIX в. / Ю. С. Гусакова // История государства и права. – 2009. – № 5. – С. 17–19.

5. Никифорова, А. А. История создания и развития следственных органов в Республике Беларусь / А. А. Никифорова // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Ефросинии Полоцкой. – 2021. – № 37. – С. 220–222.

6. Шкаплеров, Ю. П. Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи / Ю. П. Шкаплеров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 1. – С. 81–87.

7. Высочайшее утверждённое учреждение судебных следователей // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35890.

8. Высочайшее утверждённый наказ судебным следователям // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35891.

9. Высочайшее утверждённый наказ полиции о производстве дознания по происшествиям могущих заключать в себе преступление или проступок // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35892.

10. Высочайшее утверждённый устав уголовного судопроизводства // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1864. – 2-е собр. – Т. XXXIX. – № 41476.

11. Мулукаев, Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции Российской империи / Р. С. Мулукаев // Правоохранительная ретроспектива. – 2019. – № 2. – С. 125–131.

12. Андреева, О. А. Реформирование российских следственных органов в XIX в., динамика смены моделей деятельности / О. А. Андреева // Правоохранительная ретроспектива. – 2019. – № 2. – С. 112–118.

13. НИАБ (Гродно). – Ф. 113. Оп. 1. Д. 5.

14. Высочайшее утверждённые временные правила, относящиеся к внутреннему распорядку в судебных установлениях, учреждённых по Судебным уставам 20 ноября 1866 г. // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1868. – 2-е собр. – Т. XLI. – № 43113.

15. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 52360.

16. НИАБ (Гродно). – Ф. 113. Оп. 1. Д. 1.

17. Волчкова, А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Волчкова Анна Александровна. – Н. Новгород, 2013. – 207 л.

18. Высочайше утверждённые правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1874. – 2-е собр. – Т. XLVI. – № 49615.

19. НИАБ (Гродно). – Ф. 113. Оп. 1. Д. 7.

20. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета. О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к ним постановлений нового Уголовного уложения // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 3-е собр. – Т. XXIV. – № 24732.

21. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет, 1871. – 136 с.

22. Обзор Минской губернии. – Минск: Минск. губ. стат. комитет, 1871. – 144 с.

23. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1871. – 156 с.

24. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет, 1887. – 70 с.

25. Обзор Минской губернии. – Минск: Минск. губ. стат. комитет, 1887. – 106 с.

26. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1887. – 108 с.

27. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1905. – 231 с.

28. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет, 1905. – 276 с.

29. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1908. – 231 с.

30. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет, 1908. – 234 с.

31. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1914. – 243 с.

32. Обзор Минской губернии. – Минск: Минск. губ. стат. комитет, 1914. – 110 с.

33. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет, 1915. – 198 с.

34. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 338.

35. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 407.

36. НИАБ. – Ф. 180. Оп. 1. Д. 191.

37. Краковский, К. П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) / К. П. Краковский // Северо-кавказский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 9–28.

38. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54163.

39. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 259.

(Дата поступления: 10.05.2024 г.)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРАМОВЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ В МИНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1890-Е ГГ.

Кейко Ю. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

В статье раскрыта система государственного управления церковно-строительным процессом в пределах Минской епархии. Определены ее ключевые элементы: центральное духовное ведомство – Св. Синод, в церковно-административном округе – Минская духовная консистория, в православном приходе – временно-строительный комитет. Выявлены их функции на этапах организации и осуществления строительных работ.

Ключевые слова: Св. Синод; Минская духовная консистория; временно-строительный комитет; православие; строительство храмов.

THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF ORTHODOX CHURCH CONSTRUCTION IN THE MINSK EPARCHY IN THE 1890s

Kejko J. W.

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

The article reveals the system of state management of the church-building process within the Minsk eparchy. Its key elements are defined: the central spiritual department – the Holy Synod, in the church administrative district – the Minsk Spiritual Consistory, in the orthodox parish – the temporary construction committee. Their functions at the stages of organization and implementation of construction works are revealed.

Keywords: The Holy Synod; Minsk Spiritual Consistory; Temporary Construction Committee; orthodoxy; construction of churches.

Во второй половине XIX в. церковное строительство в белорусских губерниях находилось в ведении Министерства внутренних дел и контролировалось в губернских центрах церковно-строительными присутствиями. На местах для этой цели были сформированы приходские попечительства. Сложилась трехуровневая модель государственного управления строительством церковных зданий. Однако в начале 1880-х гг. она впервые подверглась критике со стороны Св. Синода, и обер-прокурором К. П. Победоносцевым была проведена соответствующая проверка. Ее результаты оказались неудовлетворительными, поэтому в скором времени в Государственном совете встал вопрос о дальнейших преобразованиях в этой сфере.

С июня 1890 г. православное храмовое строительство в белорусских губерниях было передано из ведения МВД в распоряжение Св. Синода в со-

ответствии с утвержденным императором Александром III мнением Государственного совета «О передаче из ведения МВД в духовное ведомство церковно-строительного дела в Западном и Привислинском краях». Согласно законодательному документу, церковные объекты, на которых уже велись строительные работы, надлежало достраивать гражданскому ведомству на прежних условиях. Денежные средства, необходимые для этой цели, оставались в депозитах министерства, а остальные требовалось перечислить в депозиты Св. Синода. Последний пункт регламентировал церковно-строительный процесс во время перераспределения функций между двумя этими ведомствами, т. е. «сама постройка церквей, по передаче церквей в духовное ведомство, производилась на общем основании, указанном в законе (Свода Зак. Т. XII, ч. I, Уст. Строит., ст. 205–245)» [1, с. 561]. Следовательно, акт закрепил главенствующий статус Св. Синода в дальнейшем развитии храмового строительства.

Курировало данное направление деятельности в структуре высшего органа церковно-государственного управления Русской православной церкви Хозяйственное управление. В его задачу входило выделение денежных сумм на строительство церковных зданий и руководство технической частью.

Денежные отчисления из государственного бюджета на баланс Хозяйственного управления при Св. Синоде начали поступать с января 1891 г. в результате одобренного императором мнения Департамента государственной экономии Государственного совета «Об ассигновании по смете Святейшего Синода на 1891 год суммы на церковные постройки в Западном и Привислинском краях». В финансовой смете духовного ведомства появилась отдельная статья расходов (пункт 7, статья 3) с наименованием «на устройство православных церквей в Привислинских и Западных губерниях». Ее сумма была определена в размере 150 000 рублей. В то же время кредиты по двум статьям финансовой сметы расходов МВД на церковное строительство (пункт 24, статьи 1–2) требовалось сократить. Вместо запрашиваемых 350 000 рублей определялось начислить 200 000 рублей. Также документ разграничивал распределение денежных средств исходя из интересов этих ведомств [2, с. 13].

Предоставляемая епархиальными управлениями в Св. Синод проектно-сметная документация для сооружения церковных зданий периодически составлялась с нарушениями или имела неполную информацию, что усложняло процедуру ее утверждения Техническим собранием Хозяйственного управления, состоящим из двух академиков архитектуры и гражданских инженеров под руководством директора этого подразделения [3, л. 10 об.]. Поэтому его члены в январе 1897 г. разработали инструкцию «По составлению проектов и смет на строительные работы, на которые испрашивается ассигнование сумм из средств Святейшего Синода» (январь 1897 г.). Документ ориентировал местных архитекторов при начертании проектов и заполнении смет руководствоваться Урочным положением для строительных работ. В ней также приводился перечень документов, которые должны были прикладываться к представлению епископа для получения разрешения на строительство по духовному ведомству: генеральный план участка с обозначением

места застройки; план, фасад и разрез (продольный и поперечный) здания; пояснительная записка с описанием предполагаемых работ; расчет прочности и устойчивости частей церковного здания (при постройке или ремонте); смета со справочными ценами на стройматериалы; чертеж, наклеенный на коленкор, форматом 13 × 8 дюймов [4, л. 416–417].

С 1898 г. при Хозяйственном управлении Св. Синода были учреждены Строительное отделение и Техническо-строительный комитет. Строительное отделение занималось проверкой смет на возведение православных храмов, присланных из духовных консисторий. Техническо-строительный комитет, аналогично действующему ранее в Министерстве внутренних дел, выполнял надзор за церковным строительством в белорусских губерниях [3, л. 11]. Председателем комитета был назначен директор Хозяйственного управления, а в его состав вошли вице-директор и архитектор этого отдела и еще пять членов-архитекторов. Последние должны были иметь высшее профильное образование и не занимать иных должностей в духовном ведомстве [3, л. 68]. На заседаниях комитета осуществлялось рассмотрение и утверждение проектно-сметной документации, ранее проверенной одним из его членов. Их итоги фиксировались в журналах (документах, в которых давалось положительное или отрицательное заключение Техническо-строительного комитета по результатам анализа проектов и смет). Например, 13 января 1899 г. по журналу № 6 данным отделом были отправлены на доработку документы, поступившие из Минской епархии на строительство каменного храма в селеции Полберег Новогрудского уезда Минской губернии, поскольку не соответствовали положениям, указанным в Инструкции от 22 января 1897 г. [5, л. 6].

Следующим звеном в системе государственного управления православным храмовым строительством на губернском уровне стала Минская духовная консистория. В августе 1890 г. епископам от обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева поступили отношения с разъяснением вопроса о намеченных изменениях в церковно-строительной сфере. Также в документе давались первые инструкции по организации данного процесса: духовным консисториям требовалось принять в свое распоряжение от губернских церковно-строительных присутствий все дела по возведению церковных зданий, на которые еще не получено разрешение, а также представить сведения о приходах, где запланировано сооружение новых или ремонт действующих храмов. Последняя информация запрашивалась для определения необходимой суммы из государственного бюджета на будущий год [4, л. 79].

Ответственность за предоставление необходимых данных возлагалась на благотворительные советы, состоящие из благотворительного (председатель) и двух священников (членов). Им поручалось в пределах своих округов собирать сведения по следующим критериям: а) выявить церкви, построенные за счет бюджетных средств и пожертвований прихожан, в то же время не нуждающиеся в ремонте и содержащиеся собственными силами прихода; б) обозначить приходы, где церковные здания, возведенные за государственные средства или деньги крестьян, требуют ремонта, а причт и прихожане находятся в затруднительном финансовом положении; в) указать приходы,

в которых православные храмы не ремонтировали на протяжении 30 лет, и те приходы, где здания находились в аварийном состоянии или давно закрыты. По последним двум пунктам необходимо было пояснить дополнительно об объекте: каменный или деревянный, дату строительства и перестройки, затраченную ранее сумму на ремонтно-строительные работы и предполагаемую стоимость для этих целей. При выполнении расчетов стоимости сооружения или ремонта храмов благочинническим советам рекомендовалось ориентироваться на примерные суммы: строительство каменной церкви – от 8000 до 15 000 руб., деревянного храма – от 5000 до 8000 руб.; перестройка и ремонт каменного здания – до 5000 руб., деревянного – до 3000 руб. Подготовленные документы благочиннические советы обязаны были направить в кратчайшие сроки в духовные консистории. Из ведомости по церковному строительству в Минской губернии, одобренной Министерством внутренних дел и переданной губернатором епископу 20 июня 1890 г., следует, что возведение православных храмов под контролем гражданского ведомства производилось в 3 населенных пунктах; планировалось построить – в 19 населенных пунктах; выполнить ремонтные работы – в 17 населенных пунктах [4, лл. 79 об. – 80]. Следовательно, как минимум в 36 населенных пунктах духовной консистории предстояло осуществить ремонтно-строительные работы (таблица 1).

Таблица 1

**Перечень населенных пунктов Минской губернии из ведомости
Министерства внутренних дел по церковному строительству на 1890 г.**

Населенные пункты, где возводились церковные здания	Населенные пункты, где планировалось построить церковные здания	Населенные пункты, где запланированы ремонтные работы в церковных зданиях
Логишин, Пинский уезд	Лемешевичи, Пинский уезд	Ухвала, Борисовский уезд
Блужа, Игуменский уезд	Долгое, Игуменский уезд	Чаплицы, Слуцкий уезд
Бытча, Борисовский уезд	Вороницы, Игуменский уезд	Святычи, Новогрудский уезд
	Остров, Новогрудский уезд	Поляны, Игуменский уезд
	Кличев, Игуменский уезд	Оброво, Пинский уезд
	Хотляны, Игуменский уезд	Тонеж, Мозырский уезд
	Староелья, Новогрудский уезд	Зборск, Игуменский уезд
	Демехи, Речецкий уезд	Суховичи, Речицкий уезд
	Турин, Игуменский уезд	Сервеч-Любоницы, Новогрудский уезд

Окончание таблицы 1

Населенные пункты, где возводились церковные здания	Населенные пункты, где планировалось построить церковные здания	Населенные пункты, где запланированы ремонтные работы в церковных зданиях
	Погост, Мозырский уезд	Несвеж, Слуцкий уезд
	Оздамичи, Мозырский уезд	Славень, Речицкий уезд
	Малодуша, Речицкий уезд	Лунинец, Пинский уезд
	Залужье, Бобруйский уезд	Волма, Минский уезд
	Макаричи, Мозырский уезд	Давид-Городок, Мозырский уезд
	Докшицы, Борисовский уезд	Гребенка, Игуменский уезд
	Местковичи, Пинский уезд	Рубежевичи, Минский уезд
	Панюшковичи, Бобруйский уезд	Новогрудок, Новогрудский уезд
	Достоево, Пинский уезд	
	Бродец, Игуменский уезд	

Делопроизводство по церковно-строительной части в Минской духовной консистории вел «Хозяйственный стол по постройке, перестройке и ремонтировке церквей» канцелярии. Постепенно документационный оборот увеличился и возникла необходимость в усилении штатного состава «должностными лицами и писцами». Кроме того, в Литовской и Минской духовных консисториях остро стояла проблема в отчислении специальных денежных средств на командировочные расходы для епархиальных архитекторов, контролировавших строительные работы на объектах. 20 августа 1892 г. по указу императора Александра III на делопроизводство по данному направлению было принято решение ежегодно выделять из государственного бюджета 1285 руб. для каждой из 8 епархий Западного и Привислинского края. Данная статья предназначалась на вознаграждение должностных лиц, наем писцов, приобретение канцелярских материалов и командировки епархиальных архитекторов [6, л. 1].

15 апреля 1893 г. в Минской духовной консистории по распоряжению епископа был сформирован отдельный пятый строительный стол путем объединения «Хозяйственного стола канцелярии консистории по постройке, перестройке и ремонтировке церквей» и «Распорядительного стола по устройству причтовых помещений». Соответственно, в распорядительные функции пятого строительного стола входило регулирование строительства и ремонта

православных храмов, а также причтовых строений. Помимо этого, источник финансирования из бюджета становился единым, составившим 2285 руб. (из них 1000 руб. предназначалась на документооборот по сооружению здания для церковного причта) [6, л. 10 об.]. Начальником стола назначили духовника Минской духовной семинарии священника Петра Теребилло с ежемесячным жалованием 500 руб. На должность делопроизводителя утвердили служащего канцелярии консистории Павла Зелинского с окладом в размере 600 руб. [6, л. 27]. Отдел также включал еще 5 штатных единиц: секретаря, епархиального архитектора, двух писцов и регистратора [6, л. 25]. Как видим, за техническое сопровождение строительного процесса отвечал в духовной консистории только один специалист – епархиальный архитектор Виктор Струев [7, л. 34]. Его должностные обязанности состояли в оценке текущего состояния здания, осмотре земельного участка и анализе грунта под сооружение объекта [7, лл. 34–35], составлении проекта и сметы (утвержденных в Строительном отделении Губернского правления) [8, л. 92], проверке качества стройматериала, подготовленного членами временно-строительного комитета [9, л. 39], строительном контроле выполненных работ, проверке соответствия завершенного строительства требованиям проектной документации. Деятельность архитектора координировалась указами духовной консистории, а результаты его работы фиксировались в актах [10, л. 9]. Также Минская духовная консистория занималась распределением денежных средств на сооружение объектов по указанию Св. Синода, определяла способ строительства (хозяйственный или подрядный), контролировала сооружение объекта на всех его этапах и принимала построенное здание в эксплуатацию [8, л. 6; 9, л. 39].

В населенном пункте возведением церковных зданий занимался Временно-строительный комитет по строительству православных храмов под председательством местного священника, сформированный по распоряжению Минской духовной консистории. Состав этой организации избирался открытым голосованием на приходском сходе [8, л. 22]. Ее постоянными членами являлись причт и церковный староста, а из числа прихожан выбирали наиболее ответственных крестьян (от 3 до 7 человек) [10, л. 44]. Функциональные обязанности членов комитета заключались в руководстве церковно-строительным процессом или в его осуществлении хозяйственным способом (сооружение церкви собственными силами прихожан) [8, л. 109]. На заседаниях временно-строительного комитета решались текущие вопросы по различным аспектам строительства, например, рассмотрение технической документации [11, л. 65], поиск подрядчика [8, л. 31], составление кондиции (условие, на котором подрядчику отдавалось сооружение храма) [8, л. 110], заготовка стройматериалов [7, л. 57], подготовка отчетов по финансовым расходам [12, л. 69]. Результаты принятых решений на заседаниях отмечались в журналах, а председатель комитета в своих рапортах информировал об этом духовную консисторию или благочинного округа [11, л. 65].

Благочинный являлся посредником между временно-строительным комитетом и духовным ведомством и выполнял надзор за ходом церковно-

строительных работ. С одной стороны, он уведомлял причт о разрешенных консисторией вопросах относительно возводимого объекта, а с другой – докладывал епископу о каждом этапе сооружения храма. Особое внимание благочинные уделяли посещению приходских и сельских сходов, поскольку там обсуждалась степень участия крестьян в этом «благом деле». В зависимости от своих возможностей сельские общества выбирали в качестве пожертвований сбор денежных средств с подворий и (или) подвоз стройматериалов [7, л. 3]. Без внимания благочинного не обходился прием построенного церковного здания по акту. По указу духовной консистории священник освещал православный храм [13, л. 89].

Таким образом, система государственного управления православным храмовым строительством в Минской епархии в 1890-е гг. состояла из трех основных элементов: на центральном уровне контроль за церковным строительством осуществляло Хозяйственное управление при Св. Синоде; в пределах епархии регулировалось духовной консисторией и благочинными; в самом приходе для координации церковно-строительного процесса формировались временно-строительные комитеты.

Список использованных источников

1. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 10. – Отд. 1. – № 6955. Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного совета о передаче из ведения Министерства внутренних дел в духовное ведомство церковно-строительного дела в Западном и Привислинском крае от 13 июня 1890 г. – СПб.: Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1893. – С. 561–562.
2. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 11. – № 7377. Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного совета об ассигновании по смете Святейшего Синода на 1891 г. суммы на церковные постройки в Западном и Привислинском краях. – СПб.: Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1894. – С. 13.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1149. Оп. 12. Д. 104.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36147.
5. РГИА. – Ф. 799. Оп. 25. Д. 330.
6. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36383.
7. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36545.
8. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36248.
9. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36249.
10. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36547.
11. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36463.
12. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36165.
13. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36598.

(Дата поступления: 29.07.2024 г.)

**ВЫРАБОТКА ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ В 1803–1832 ГГ.**

Крепский Ю. Г.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Представленная статья посвящена проблеме формирования основ государственной политики в области народного просвещения на белорусских землях в первой трети XIX века. Особое внимание акцентируется на проблеме функционирования Виленского учебного округа в структуре общегосударственной системы образования. Осуществляется анализ деятельности отдельных учреждений, содержания учебных программ и организации учебно-воспитательного процесса как отражения специфики реализации государственной образовательной политики в крае. Автором делается вывод относительно влияния представленной политики на процессы интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования.

Ключевые слова: система образования; учебная программа; народные училища; Виленский учебный округ; школьный устав; монашеские школы.

**DEVELOPMENT OF THE FOUNDATIONS OF STATE
POLICY IN THE FIELD OF PUBLIC EDUCATION
AND THE SPECIFICITY OF ITS IMPLEMENTATION
IN THE WESTERN PROVINCES IN 1803–1832.**

Krepsey Yu. G.

Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

The presented article is devoted to the problem of forming the foundations of state policy in the field of public education in the Belarusian lands in the first third of the 19th century. Particular attention is focused on the problem of the functioning of the Vilna educational district in the structure of the national education system. An analysis is carried out of the activities of individual institutions, the content of educational programs and the organization of the educational process as a reflection of the specifics of the implementation of state educational policy in the region. The author draws a conclusion regarding the influence of the presented policy on the processes of integration of the national school into the all-Russian education system.

Keywords: education system; training program; public schools; Vilna educational district; school charter; monastic schools.

Государственная политика в сфере народного просвещения является важной составляющей частью общественной жизни страны. Ее дальнейшее совершенствование невозможно без всестороннего изучения и анализа истории представленного вопроса.

Проблема выработки основ государственной политики в области народного образования в первой трети XIX в. впервые стала объектом исследования в дореволюционной историографии. Представленная проблема нашла отражение в работах ряда авторов: А. Белецкого, С. Бархатцева, М. Сухомлинова, С. Рождественского [1–4]. Среди работ представленного периода особого внимания заслуживает труд Ю. Крачковского «Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа 1803–1903 гг.». В нем автор, ссылаясь на многочисленные источники, осуществляет комплексный анализ деятельности учебного округа и его руководства, характеризует общую ситуацию с просветительским делом в западных губерниях [5].

В советской историографии по представленной теме необходимо обратить внимание на работы В. Поссе. Исходя из богатого архивного материала, он дает детальное описание процессов трансформации светских учебных заведений в крае, определяет основные этапы их развития, отмечает прогрессивный характер создаваемых народных училищ и их вклад в просветительское дело. Помимо этого, автором отмечается негативная роль процессов полонизации и русификации в воспитательном процессе школьного образования представленного периода [6].

Рассматриваемая проблема нашла отражение и в работах современных отечественных исследователей. Различные аспекты государственной политики в области образования данного периода становились предметом исследования А. Самусика, А. Кузнецовой, Л. Игнатовец и других авторов [7–9].

В процессе изучения проблемы становления государственной политики в деле народного просвещения в западных губерниях заслуживают внимания опубликованные исторические источники, отражающие специфику развития системы образования представленного периода. К таковым прежде всего необходимо отнести трехтомный «Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения» и «Полное собрание законов Российской империи» [10; 11].

Тем не менее, несмотря на значительное количество работ, посвященных проблеме развития образования на белорусских землях в первой трети XIX в., комплексный анализ государственной политики в области народного просвещения и специфики ее реализации в западных губерниях остается актуальной темой научного исследования.

В начале XIX в. в западных губерниях ускорился процесс становления и развития общегосударственной системы образования. На белорусских землях в это время продолжали существовать различные типы школ: народные училища, организованные российскими властями в конце XVIII в., и монашеские учебные заведения. Учреждения образования, принадлежавшие духовным орденам, занимали устойчивое положение в просветительском деле в крае, обладая лучшим подбором педагогических кадров, большим числом

воспитанников в сравнении с народными училищами [12, с. 305]. Монашеские школы в учебном процессе руководствовались собственными уставами, что затрудняло процесс становления единой общегосударственной образовательной системы. Данное обстоятельство в совокупности с неэффективностью сети народных училищ побудило российские власти осуществить ряд реформ, направленных на унификацию образовательного процесса и интеграцию отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования.

Положение и деятельность народных училищ на белорусских землях первыми претерпели изменения. Комиссия по народным училищам представила 16 декабря 1802 г. Александру I проект, в котором рекомендовалось открыть при каждой школе в западных губерниях два начальных русскоязычных класса. Предполагалось издать новые учебные пособия (на русском и польском языках одновременно), сохранить контроль над учебными заведениями со стороны приказов общественного попечительства и ввести обязательное обучение в Петербургской учительской семинарии для будущих преподавателей народных училищ [7, с. 6]. Тем не менее данное предложение было отклонено по причине резкой критики со стороны Петра Завадовского, первого министра народного просвещения Российской империи. Вместо данного проекта императору было предложено сконцентрировать все школы на территориях бывшей Речи Посполитой в одном Виленском учебном округе. Представленная идея министра была одобрена монархом, и, назначенный ее попечителем, кн. Адам Чарторыйский получил распоряжение: «Заняться соображением всего касающегося до университета Виленского, следуя тому расположению, какое имела бывшая в Польше Эдукационная комиссия» [1, с. 5–6]. Императорским указом от 24 января 1803 г. все учебные заведения Литвы и Беларуси подчинялись Виленскому университету [2, с. 1150]. Данные изменения содействовали восстановлению целостности отечественной системы образования, ликвидировали угрозу коренной реорганизации местных школ, которые сумели сохранить собственные педагогические кадры и традиции учебного и воспитательного процесса. Тем не менее образовательные учреждения края оставались прежними национальными школами, ориентированными на идею возрождения польской государственности [1, с. 26]. Представленное обстоятельство затрудняло процесс интеграции отечественных школ в общероссийскую образовательную среду, в значительной степени консервируя местные особенности развития просветительского дела.

Таким образом, в западных губерниях Российской империи фактически существовала собственная система образования, имевшая отдельное управление и по содержанию обучения существенно отличавшаяся от общегосударственных стандартов. Данное обстоятельство юридически было зафиксировано в разработанном по инициативе А. Чарторыйского «Предначертании устройства училищ в округе Императорского Виленского университета», которое 20 августа 1804 г. было утверждено Александром I. Этот документ фактически фиксировал преемственность деятельности Виленского университета и Эдукационной комиссии в вопросах перечня и объема изучаемых

дисциплин [4, с. 69–70]. Представленное положение обусловило ряд особенностей учебных программ местных школ, которые существенно отличались от аналогичных им учебных заведений в России. Так, языком преподавания в Виленском округе оставался польский, отсутствовала такая дисциплина, как Закон Божий, вместо нее учащиеся посещали службы в храмах своих конфессий. Французский, немецкий и русский языки преподавались в факультативной форме, успехи учеников в данных дисциплинах не влияли на перевод в следующий класс. Русская литература, история и география изучались в сокращенном варианте после рассмотрения того же материала, посвященного землям бывшей Речи Посполитой [3, с. 23].

Соответствующим образом трансформировалась и сеть народных училищ, существовавших на востоке Беларуси. Их учебные программы унифицировались с принятыми в Виленском округе, преподавание могло осуществляться как на русском, так и на польском языке. Также приостанавливалась практика назначения на должности учителей выходцев из России. Главные народные училища преобразовывались в гимназии, статус малых народных училищ фактически сводился к обычным начальным школам [13, л. 112–132].

Учебные заведения западных губерний имели тесную связь с Виленским университетом, который осуществлял подготовку педагогических кадров для школ в крае. Так, при университете была учреждена учительская семинария, готовившая учителей губернских и уездных училищ, и главная семинария, специализирующаяся на обучении священников католического вероисповедания. В организованных гимназиях предполагалось ввести шестилетнее обучение [5, с. 73].

В уездных училищах срок обучения составлял три года. Для преподавания планировалось привлекать старших учителей физики и геометрии, нравоучения, латинской и польской грамматики. В учебном процессе также были задействованы младшие учителя, осуществляющие занятия по следующим курсам: русский язык, немецкий или французский язык, рисование. При училищах устанавливались должности смотрителя и духовника. В приходских училищах организовывалось обучение чтению и письму, Закону Божьему, начальным правилам нравоучения, основам арифметики, базовым знаниям в области земледелия и ремесла [10, с. 45–59].

Значительный вклад в укрепление обособленности просветительского дела в западных губерниях от системы образования остальной империи внесли А. Чарторыйский и ставший ректором Виленского университета в 1807 г. Ян Снядецкий. При их активном участии в учебных заведениях края сохранялись многие черты традиционного шляхетского образования. В свою очередь из мер российских властей, направленных против сплошной колонизации Виленского учебного округа, можно выделить только указ от 6 августа 1809 г., согласно которому представители местного дворянства не могли получить чин 8-го класса государственной службы без знания русского языка [14, с. 87].

Практическая реализация государственной политики в сфере народного образования отражалась в функционировании конкретных учебных заведе-

ний представленного периода. Так, по результатам визитации директора Могилевской Дирекции народных училищ Самсона Васильевича Цветковского, сохранилась информация о различных учебных заведениях губернии и специфике их деятельности. К примеру, отмечалось недостаточное финансирование школ из казны и плохая материальная база – в Могилевском училище на 1807 г. занятия организовывались в двух комнатах, плохо для этого приспособленных. Только одна комната отводилась для хранения книг и учебных пособий, количество которых недостаточно и пополняется исключительно через благотворительность [13, л. 112–113]. Не менее сложной была ситуация и в уездных училищах. В рассматриваемый период осуществляли деятельность школы в Чаусах, Черикове, Чечерске, Орше и Мстиславле. Здесь было организовано обучение по следующим дисциплинам: чтение и грамматика польская и российская, начала арифметики, Закон Божий для первого года обучения. На втором году к данным предметам добавлялось рисование. Представленные училища были сравнительно малочисленными – в 1809 г. в Чаусах обучались 30 воспитанников первого класса и 21 ученик состоял во втором классе. Отмечались сложности в организации образовательного процесса, связанные с отсутствием педагогов и неудовлетворительной материальной базой училищ [15, л. 10–19].

В еще большей степени реализация государственной политики в сфере народного просвещения будет затруднена последствиями войны 1812 г. Боевые действия привели к резкому сокращению количества учащихся там, где учреждения образования продолжали работу (в Минской гимназии в декабре 1812 г. осталось только 58 учеников). Даже в Виленском университете количество студентов за 1812–1813 гг. сократилось с 490 до 190 человек. Помимо этого, заведение потеряло и часть преподавательских кадров [16, с. 159–161]. Руководство Виленского учебного округа вынуждено было вновь выказывать лояльность российским властям, а их влияние на организацию учебного дела в крае временно ослабло. Так, министр народного просвещения А. Разумовский открыто обвинял Я. Снядецкого в предательстве и при необходимости обращался напрямую к учебным заведениям, минуя Виленский университет. Министром был разработан проект реорганизации образовательных учреждений в крае, согласно которому планировалось закрыть Полоцкую иезуитскую академию и на ее место перевести университет из Вильно, где предполагалось сохранить только медицинский факультет и дополнительно основать кадетский корпус. Только благодаря усилиям А. Чарторыйского удалось добиться согласия императора на сохранение прежней системы управления образованием в западных губерниях. Тем не менее руководство учебного округа не имело возможности осуществлять полный контроль над учреждениями, входящими в его состав. Военная администрация систематически игнорировала распоряжения Я. Снядецкого. В значительной части школьных зданий размещались казармы и госпитали, имущество уничтожалось. Учебному округу приходилось решать вопрос с арендой новых помещений и адаптацией последних к учебному процессу [16, с. 69].

Усиление полонизации в образовании, особенности общественно-политических процессов начала XIX в., связанные с событиями войны 1812 г. и деятельностью тайных обществ, заставили российское правительство пересмотреть свои подходы к управлению системой образования в крае и переосмыслить значение народных училищ в данной системе [6, с. 14]. В 1824 г. новым попечителем Виленского учебного округа был назначен Н. Н. Новосильцев. Руководство округа усиливало полицейский надзор за учебными заведениями, стремилось осуществлять преобразования, направленные на ликвидацию относительной автономности учебных заведений округа. Осуществлялась корректировка учебных планов гимназий, увеличивался объем преподавания русского языка [8, с. 135]. В октябре 1824 г. учебные заведения Могилевской и Витебской губерний были подчинены Петербургскому учебному округу. Данное решение было принято после доклада генерал-губернатора Н. Хованского, содержавшего критику состояния школьного дела в регионе. Чиновник отмечал недостаточный уровень владения русским языком как выпускников, так и преподавателей учебных заведений губерний [8, с. 136]. Уже в 1826 г. руководство учебного округа направляет в данные губернии визитатора с целью инспекции образовательных учреждений. Рапорт по результатам проверки констатировал недостаточное владение русским языком у учеников, отмечался в целом низкий уровень преподавания предметов, содержалась критика положений школьного устава. По результатам визитации рекомендовалось перевести обучение на русский язык, заменить учебные пособия и назначать на учительские должности выходцев из России. Предлагалось также постепенно отказаться от деятельности монашеских школ, так как они составляли серьезную конкуренцию местным народным училищам. В полной мере представленные рекомендации не были реализованы по причине недостаточного финансирования [17, л. 1–4].

В январе 1829 г. учебные заведения Витебской и Могилевской губерний вошли в состав нового Белорусского учебного округа. В 1831 г. к нему были присоединены школы Минской губернии [9, с. 14]. Указом от 3 августа 1829 г. попечителем Белорусского учебного округа был назначен статский советник Г. И. Карташевский. Новое руководство сосредоточило свою деятельность на ликвидации специфических особенностей местных учебных заведений, усиливало контроль над светскими и монашескими школами, содействовало русификации образовательного процесса [18, с. 35].

Очередные изменения в осуществлении государственной политики в сфере народного просвещения были внесены новым школьным уставом, принятым 8 декабря 1828 г. Для крестьян и беднейших представителей городского сословия отныне предназначались приходские училища, содержать которые должны были помещики, духовенство и горожане [19, с. 93]. Данные учебные заведения отвечали за обучение элементарным знаниям русской грамматики и арифметики и были предназначены для детей низших сословий [11, с. 1097–1103]. Устав предусматривал организацию трехклассных уездных училищ и семилетних губернских гимназий. Гимназии предназначались исключительно для детей дворян и служащих. Представленные учреж-

дения обеспечивали учебный процесс по широкому перечню общеобразовательных дисциплин [11, с. 1104–1122].

Важную роль в реформировании местной системы образования сыграл императорский указ «Об устройстве Белорусских училищ», принятый 9 сентября 1830 г. Местные уездные училища приравнивались к отделениям гимназий, воспитанники которых могли поступать в университет. В свою очередь при гимназиях создавались пансионы для детей шляхты, что должно было поднять престиж данных учреждений в сравнении с монашескими школами. Отдельное внимание уделялось начальному образованию, которое должно было стать полностью русскоязычным, для чего планировалась полная замена учебных пособий [20, л. 4–20]. Представленный проект так и не был реализован в полной мере ввиду начала антиросийского восстания 1830–1831 гг.

Значительное влияние на функционирование народного просвещения в рассматриваемый период продолжали оказывать монашеские учебные заведения. Католические монашеские школы сохраняли собственную специфику образовательного процесса. Так, Ушачский доминиканский и Дубровенский пиарский коллегиумы в своих учебных программах ориентировались на иезуитский школьный устав и статут Эдукационной комиссии, игнорируя примеры имперских образовательных учреждений. Что касается русского языка, то доминиканцы и пиары преподавали его только как внеклассный предмет в качестве иностранного языка. В свою очередь история и география России затрагивались учителями этих школ фрагментарно и преподавались на польском языке [1, с. 43–46].

Что касается школ, принадлежавших иезуитам, то их влияние на образовательные процессы в крае по-прежнему оставалось существенным. Так, в Витебской губернии до основания Полоцкой академии в 1812 г. было четыре иезуитских учебных заведения (в Полоцке, Витебске, Усвятах и Динабурге). Численность учащихся в это время составляла: в Полоцке – 200, в Витебске – 100, в Динабурге – свыше 60 воспитанников [21, л. 17]. Все иезуитские коллегиумы руководствовались единым учебным планом с идентичным набором дисциплин. Устойчивое положение школ Ордена в крае будет сохраняться вплоть до изгнания Иезуитов из России в 1820 г.

Таким образом, политика самодержавия рассматриваемого периода была ориентирована на создание общегосударственной системы образования и включение отечественных учебных заведений в представленную организационную структуру. С этой целью осуществлялись комплексные мероприятия по выработке структуры управления в сфере народного просвещения, что нашло свое воплощение в организации Виленского учебного округа и подчинении ему всех школ западных губерний. Подчинение учебного округа Министерству народного просвещения в совокупности с попыткой унификации учебных программ народных училищ и гимназий должно было содействовать активизации процесса интеграции школьных учреждений края в общероссийскую культурную и образовательную среду. Тем не менее благодаря усилиям руководства учебного округа сохранялась значи-

тельная обособленность местных учебных заведений, что проявлялось как в организационных аспектах, так и в содержании образовательных курсов. Польский язык сохранял доминирующее положение в учебном процессе большинства школ.

Усиление процессов колонизации в образовательной среде, особенности общественно-политических процессов начала XIX в., связанных с событиями войны 1812 г. и деятельностью тайных обществ, стимулировали российское правительство пересмотреть свои подходы к управлению системой образования в западных губерниях. Новые подходы нашли свою реализацию в реорганизации Виленского учебного округа, подчинении учебных заведений Витебской и Могилевской губерний Петербургскому учебному округу и их последующему включению в состав Белорусского учебного округа. Помимо организационных изменений российские власти назначали новое руководство, усиливали полицейский надзор за учреждениями образования. На усиление процесса интеграции отечественной школы в общегосударственную систему образования было направлено принятие и постепенное внедрение положений школьного устава 1828 г. на территориях западных губерний. Осуществление представленной политики предопределило и судьбу монашеских школ, которые стремились сохранять самостоятельность в учебно-воспитательном процессе. После изгнания иезуитов российские власти усилили контроль над оставшимися католическими учебными заведениями.

Трансформация систем управления образованием в рассматриваемый период была обусловлена как политическими факторами, так и необходимостью русификации и интеграции местных учебных заведений в общероссийскую систему образования.

Список использованных источников

1. *Белецкий, А. В.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803–1832 / А. В. Белецкий. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1906. – Отд. 3. – 38 с.
2. *Бархатцев, С.* Из истории Виленского учебного округа / С. Бархатцев // Русский архив. – 1874. – Т. 1. – С. 1149–1262.
3. *Сухомлинов, М.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. Сухомлинов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1865. – № 10. – С. 9–172.
4. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 788 с.
5. *Крачковский, Ю. Ф.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. 1803–1903 / Ю. Ф. Крачковский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 565 с.
6. *Поссе, В. С.* Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поссе Владимир Сергеевич; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1963. – 20 с.

7. Самусік, А. Ф. Становішча адукацыйнай справы на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XIX стагоддзяў / А. Ф. Самусік // Весці БДПУ. – 2007. – Сер. 2. – № 3. – С. 3–7.

8. Кузнецова, А. В. Создание Белорусского учебного округа / А. В. Кузнецова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] – Мінск: БДУ, 2007. – С. 135–139.

9. Игнатовец, Л. М. Белорусский учебный округ: система управления / Л. М. Игнатовец // Ученые записки: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2011. – Т. 12. – С. 12–20.

10. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 3 т. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1875–1876. – Т. 1. – 1875. – 1864 с.

11. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – 2-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1867. – Т. 3. – 1642 с.

12. Крепский, Ю. Г. Народные училища на территории Беларуси в 1780-е – 1830-е гг. / Ю. Г. Крепский // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк [и др.]. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 302–310.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2254. Оп. 1. Д. 2.

14. Адо, Н. Краткий исторический очерк Минской мужской гимназии / Н. Адо. – Ч. 1. – Минск: Тип. Губернского правления, 1903. – 226 с.

15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2254. Оп. 1. Д. 6.

16. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 годов: в 2 ч. – Вильна: Губернская типография, 1913. – Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. – 1913. – 355 с.

17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1, Д. 475.

18. Крепский, Ю. Г. Учебные округа на территории Беларуси в 1803–1864 гг. / Ю. Г. Крепский // Социально-гуманитарные знания: материалы XX Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 35–36.

19. Кузнецова, С. А. Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця / С. А. Кузнецова // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: зб. арт. – Мінск: БДУ, 1992. – С. 92–102.

20. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1, Д. 9.

21. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 1.

(Дата поступления: 28.05.2024 г.)

**МЕДИЦИНА И ВЕТЕРИНАРИЯ КАК СФЕРЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
УРОЖЕНЦЕВ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Шимукович С. Ф.

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

В статье анализируется процесс трансформации образовательных приоритетов у уроженцев белорусских земель, на который существенное влияние оказывала социально-политическая ситуация в регионе в XIX – начале XX века. Региональные особенности процессов социальной и экономической модернизации также существенно влияли на выбор молодыми людьми специальности для обучения в университетах империи. Медицинское образование гарантировало достаточный уровень доходов для лиц, выбравших данную траекторию карьерного роста, и предоставляло определенный уровень социальной независимости.

Ключевые слова: история XIX века; высшее образование; медицинское образование; история медицины; история ветеринарии; студенты; императорский университет; региональная элита; интеллектуальная элита; Западный край; белорусские земли в XIX веке.

**MEDICINE AND VETERINARY MEDICINE
AS SPHERES OF EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC
INTERESTS OF THE NATIVES OF THE BELARUSIAN LANDS
IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY**

Shymukovich S. F.

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article analyzes the process of transformation of educational priorities among the natives of the Belarusian lands, which was significantly influenced by the socio-political situation in the region in the 19th – early 20th century. regional peculiarities of the processes of social and economic modernization also significantly influenced the choice of a specialty for young people to study at the universities of the empire. medical education guaranteed a sufficient level of income for those who chose this career path and provided a certain level of social independence.

Keywords: history of the 19 century; higher education; medical education; history of medicine; history of veterinary medicine; students; imperial University; regional elite; intellectual elite; Western Region; Belarusian lands in the 19 century.

В XIX в. модернизация охватила все, что находилось в зонах соприкосновения государства, общества и отдельной личности. Реформы в системе государственного управления, изменения в экономике, прогресс в технологиях порождали новые виды и формы социальных взаимодействий, новые запросы и потребности. Одним из очевидных итогов модернизации стал спрос на образование, которое обеспечивало государство квалифицированными управленческими кадрами; одновременно образование позволяло отдельному индивидууму получить больше независимости от общественных и политических институтов, также усиливавших стремление к контролю и власти. Трансформировалась и социальная структура общества, в традиционных социальных группах разрушались устоявшиеся связи, в то же время оформлялись новые социальные общности, в которых внутренние связи основывались на профессиональных, образовательных, материальных критериях, зависящих от фактора личного успеха, что было нетипичным для традиционного устройства общества. Данные тенденции XIX в. хорошо описаны англо-американским социологом Майклом Манном в его фундаментальной работе «Источники социальной власти». Одними из знаковых сфер, в которых очевидно проявились модернизационные процессы и которые, в свою очередь, существенно повлияли на общий ход социальной модернизации в XIX в., были сферы медицины и образования, особенно высшего.

Как отмечает М. Манн, в XIX в. статус медицинской практики и науки вырос и при этом государство, которое стремилось стать монопольным работодателем и таким образом контролировать всех профессионалов в разных отраслях, не смогло навязать авторитетные виды власти в медицинской профессии. Взрывная урбанизация провоцировала рост болезней, которые угрожали всем слоям общества, в связи с чем врачебная деятельность в форме частной практики была востребована как бедными, так и богатыми, и обличенными властью в том числе, и получила определенную независимость от государственных институтов [1, с. 207–209]. Медицина в Российской империи была высокодоходным занятием для частного лица, что было актуально для многих представителей обедневшей шляхты западных губерний. На наш взгляд, меньшую востребованность юридического образования (соответственно, и числа профессоров) среди уроженцев западных губерний можно объяснить невысоким уровнем лояльности среди шляхты в отношении империи (она часто носила вынужденный характер) и, как следствие, низким уровнем мотивации в построении карьеры в органах государственного управления.

Так, Эдвард Войнилович подробно описывает в своих воспоминаниях мотивацию к получению высшего образования: «...все происходящее (имеется в виду секвестр родительского имения после 1864 г. – прим. С. Ш.) оказало решающее влияние на мое дальнейшее воспитание и последующую мою жизнь. Во время этого секвестра из юноши, рассчитывающего на приличное обеспечение, я превратился в человека без крыши над головой, без хлеба, и понял, что надо самому себе собственными силами пробивать дорогу в жизнь. Одним словом, вместо образования, которое мечтал дать мне

отец, вместо военного или штатского мундира я сразу выбрал конкретную профессию, дающую мне специальность, что и осуществил после окончания гимназии» [2, с. 43]. В итоге он поступил в 1865 г. в Петербургский технологический институт, который характеризовался им как весьма демократичное учреждение.

В то же время В. Вересаев (Смидович)¹ отмечал, что необходимость в получении медицинского образования лично для него проявилась в необходимости познания биологической стороны человека, его физиологии и патологии, без чего, по мнению В. Вересаева, невозможно было стать приличным писателем. Отметим, что первое высшее образование В. Вересаев получил в Петербургском университете на историко-филологическом факультете, который успешно окончил с кандидатской степенью. Кроме того, писатель отмечал, что «...специальность врача давала возможность близко сходитьсь с людьми самых разных слоев и укладов» [3, с. 37], а это уже способствовало деятельности, не всегда вписывавшейся в параметры законности.

Среди революционеров-народовольцев, «польских» повстанцев оказалось достаточно много лиц, обучавшихся на медицинских факультетах либо уже имевших диплом врача. Так, народоволец О. В. Аптекман отмечал, что к обучению на медицинском факультете Харьковского университета его подтолкнуло «общее увлечение тогдашней интеллигенции естественными науками», в то время как ему самому более интересны и близки были гуманитарные науки» [4, с. 42].

Стоит особо отметить, что востребованность высшего образования у молодых шляхтичей, уроженцев западных губерний, была отличительным фактором, характерным для всего XIX в., и это отмечали как эксперты (О. Сенковский), представители региональных элит (А. Лаппо, Э. Войнилович), так и начальники края (В. Назимов, М. Муравьев) и руководители профильного министерства (Д. Толстой) [5, с. 125–127].

В целом в Российской империи университетское образование становится очень престижным и привлекательным в 1850–1870-х гг., как отмечает Е. Ростовцев, количество студентов за эти годы выросло в 2,3 раза [6, с. 406–407]. В результате проведения реформ в империи появилось большое число управленческих и судебных учреждений, открылись вакансии и расширились возможности для построения карьеры. Диплом университета давал выпускнику право на получение чина XII ранга, а если выпускник получал степень кандидата, то и вовсе X ранга (плюс открывалась возможность быть оставленным при университете для преподавательской карьеры). Университетское образование гарантировало рост социального статуса, а также ежегодный доход в среднем от 1 тыс. рублей в год, что было достаточно неплохо для жизни в провинции [6, с. 207].

¹ Викентий Викентьевич Вересаев (настоящая фамилия Смидович) происходил из шляхетской семьи родом из западных губерний. Отец В. Вересаева также был врачом, служил в г. Тула.

Большой интерес представляет свидетельство профессора Московского университета С. В. Ешевского, отмечавшего, что еще в 1861 г., накануне восстания, «...особенно велико было число поляков и польских уроженцев западных губерний, желавших поступить на юридический факультет. Для них по особым обстоятельствам, еще более чем для русских, карьера юристов казалась самой обеспеченной. Большинство поляков и уроженцев западных губерний в Московском университете отличались крайней бедностью. Оно могло существовать только благодаря освобождению от платы за лекции, стипендиям и помощи со стороны товарищей» [7, с. 580].

После 1864 г., вспоминая описанную выше ситуацию с Э. Войниловичем, можно понять, что отсутствие должного уровня лояльности к имперским институтам вызывало нежелание делать карьеру на государственной службе в столицах либо в промышленно развитых центрах вдали от родного края. В этой ситуации медицинское образование становится гарантированным способом обеспечить средства к существованию и минимально зависеть при этом от официальных политических институтов империи.

Медицинское образование местные уроженцы массово начали получать еще в Виленском университете, в структуре которого был образован медицинский факультет с шестью кафедрами (анатомии, патологии, клиники, хирургии, акушерства и ветеринарии). Для преподавания были приглашены известные в Европе ученые, из которых профессор Иоганн Петер Франк из Вены уже был известен как создатель современного медицинского образования в Европе. Но достаточно быстро шла подготовка собственной профессуры из местных уроженцев [8, с. XXVI–XXVIII]. Интересно отметить, что уже в первой трети XIX в. уроженцы белорусских земель преподавали медицинские дисциплины в других университетах империи. Так, профессором Московского университета является Р. Г. Гельман, выпускник Виленского университета, тогда же в столичном университете преподавал И. С. Веселовский, физиолог и врач родом из белорусского региона.

Из местных уроженцев в университете, а затем Виленской медико-хирургической академии достаточно ярко проявили себя профессора-медики, местные уроженцы А. Ф. Адамович, А. Белткевич, В. Д. Герберский, О. И. Корженевский, Л. С. Севрук, В. В. Пеликан (последний был ректором университета, впоследствии сделал карьеру в Петербурге). После закрытия Виленского университета в 1832 г. часть профессуры в течение еще более десяти лет была задействована в обеспечении деятельности Виленской медико-хирургической академии, в Московский университет перешел хирург Л. С. Севрук.

Развитие ветеринарии было тесно связано с развитием медицины, так как соответствующая кафедра была организована в составе медицинского факультета. В 1822 г. с окончанием университета и защитой магистерской диссертации на кафедру сравнительной анатомии Виленского университета был принят А. Ф. Адамович, уроженец Вильно. В следующем году вместе с приглашенным ранее из Германии профессором Л. Г. Боянусом он открыл в Вильно ветеринарную школу. С этого момента и до закрытия Виленской

медико-хирургической академии (преемницы медицинского факультета университета) А. Ф. Адамович преподавал студентам все ветеринарные науки [9, лл. 105–107; 10]. Преподавание опиралось на наглядные пособия, которые находились в созданном профессором Музее зоотерапевтических препаратов (сейчас находится в Тарту). Подробное описание данного музея представляет собой серьезное научное исследование. Оно было подготовлено и издано в 1842 г. и было связано с передачей музея в университет св. Владимира в Киев. А. Ф. Адамович опубликовал ряд серьезных научных исследований по сравнительной патологии животных, наблюдения по бешенству у животных, сочинения о практике содержания домашних животных (на латыни, немецком и польском языках). После ликвидации Медико-хирургической академии в Вильно А. Ф. Адамович не переехал в другие университетские центры России, он продолжил заниматься частной ветеринарной практикой в Вильно и периодически публиковал свои научные наблюдения о болезнях домашних животных. Однако ученый был лишен возможности транслировать свои знания в учебной аудитории, формировать свою научную школу из учеников [10].

Стоит отметить, что в Виленском университете сложилась прекрасная традиция в деле подготовки квалифицированных ветеринарных кадров, что в целом было связано с сильным преподавательским составом медицинского факультета. После закрытия университета ряд его выпускников заложили основы ветеринарной науки в других университетских центрах империи. В первую очередь в этой связи необходимо отметить Харьковский университет, в котором работали К. Ф. Вишневский [11, с. 309–310], Н. Д. Галицкий [11, с. 311–312], а в Харьковском ветеринарном институте – Г. А. Полюта [12, с. 116] – все выпускники университета либо медико-хирургической академии, созданной на базе медицинского факультета после его ликвидации.

В Петербурге центром подготовка кадров для ветеринарии с середины XIX в. стала Императорская медико-хирургическая академия. Одним из основателей ветеринарного образования в столице империи стал уроженец Слуцка И. И. Равич (при рождении – Мойша Гиршович). Он с отличием окончил в 1850 г. Петербургскую медико-хирургическую академию (получить ветеринарное образование в западных губерниях в это время уже было невозможно). До 1859 г. Иосиф Ипполитович состоял на военной службе, где имел возможность наблюдать как массовые повседневные, так и самые интересные проявления болезней животных, в первую очередь лошадей [13, с. 43]. С 1862 г., после возвращения из двухгодичной научной командировки в Европу, И. И. Равич был включен в штат преподавателей Императорской медико-хирургической академии, а с 1864 г. возглавил кафедру эпизоотологии, которой руководил до своей смерти в 1875 г. Преподаватель внес в процесс обучения существенное новшество, ранее не использовавшееся в учебном процессе, – его лекции сопровождались опытами над животными, демонстрацией объектов, полученных из пораженных тканей животных, под микроскопом и другими практическими приемами, усилившими наглядность теоретического материала [14, с. 104]. С 1872 г. И. И. Равич был на-

значен заведующим ветеринарным отделением академии и в следующем году добился преобразования отделения в Ветеринарный институт при академии. Существенно были пересмотрены учебные планы, программы ветеринарных дисциплин были основательно расширены и опирались на самые последние достижения биологии. И. И. Равич требовал фундаментальных знаний в биологии для будущих ветеринаров, одновременно ученый ставил вопрос о выделении ветеринарии из медицины и независимом ее развитии [13, с. 44–45].

Еще одним интересным центром, где развивались науки, имевшие прикладное значение для сельского хозяйства, была Казань. В городе было несколько учебных заведений – прежде всего университет и ветеринарный институт (с 1873 г.). В институт в 1874 г. был направлен экстраординарным профессором выпускник Петербургской медико-хирургической академии, магистр ветеринарных наук, уроженец Витебска И. Н. Ланге. С 1881 по 1906 г. он являлся директором института и за это время превратил его в крупный центр ветеринарной науки в империи, обустроил при институте бактериологическую станцию, в которой занимался изучением бешенства, чумы рогатого скота, сибирской язвы и других заразных болезней, разрабатывал против них эффективные вакцины. Своими знаниями И. Н. Ланге делился и со студентами Казанского университета, в котором преподавал дисциплины «Эпизоотия» и «Ветеринарная полиция» на медицинском факультете [15, с. 239–240].

Возвращаясь к Виленскому университету и его преемнице – медико-хирургической академии, отметим, что в первой половине 1840-х гг. система высшего медицинского и ветеринарного образования в белорусском регионе была ликвидирована, собственность образовательных учреждений была передана другим университетам, студенты также переведены обучаться в другие учреждения образования, в том числе и самые отдаленные. Так, часть студентов закрытой Виленской медико-хирургической академии были переведены в Казанский университет. Самым одаренным среди них оказался Сутковский Лев Фомич (еще один вариант отчества – Куприянович), которого оставили в университете для продолжения научной и преподавательской деятельности. Правда, ученая карьера долго не складывалась, и в западные губернии его тоже не отпускали, тем не менее, после 25 лет службы Л. Ф. Сутковский вышел на пенсию в статусе ординарного профессора [15, с. 341–342].

С ликвидацией инфраструктуры высшего образования на территории Западного края университеты в столицах, в Киеве, Харькове, Дерпте и Казани, а также специализированные высшие учебные заведения на территории империи стали рассматриваться уроженцами белорусского региона в качестве стартовой площадки для построения личной траектории карьерного роста или приобретения средств к существованию.

По подсчетам российских историков Т. С. Жуковой и К. С. Казаковой, в Петербургском университете так называемая «польская» группа студентов становится второй по численности уже в 1830-х гг., что однозначно может быть связано с закрытием Виленского университета. После снятия ограничений на количество студентов для университетов в 1855 г. число студентов

«поляков» в столичном университете в 1859 г. составило 301, а в 1860 г. – уже 425. Численность студентов из «польских», т. е. ранее входивших в Речь Посполитую губерний резко сократилась в 1863–1864 гг., но затем опять динамично увеличивалась и составляла около 10 % [6, с. 211; 16, с. 265].

Интересен такой факт – даже отдаленный Казанский университет был интересен уроженцам западных губерний. Так, в 1871 г. правление Казанского университета подготовило список студентов, поступивших в университет из белорусского региона и обучавшихся за собственные средства: это студенты медицинского факультета Викентий Войнич-Сяможентский, который предоставил аттестат Могилевской гимназии за 1871 г., и Янош Гедаминский, который предъявил аттестат Шавельской гимназии за 1868 г. [17, л. 3–3об.].

Интересную фактуру содержат сведения о студентах родом из белорусского региона в первой половине 1860-х гг., когда на фоне общей студенческой активности состоялось восстание в бывших «польских» землях. Так, в 1861 г. у значительной части студентов Московского университета, особенно у бедных уроженцев западных губерний, резко ухудшились условия для получения образования с введением новых правил с нового учебного года. Как отмечает инспектор П. Д. Шестаков, «...явившись на первую сходку, собравшуюся в саду 25 сентября, я был поражен: отовсюду слышалась польская быстрая, порывистая речь. Очевидно было, что масса, собравшаяся на сходку, преимущественно состояла из поляков» [18, с. 214]. П. Д. Шестаков отмечает лидеров и главных раздражителей среди студентов – это уроженец Лиды «поляк» Болеслав Кольшко (глава «польского» студенческого самоуправления университета), он направлял действия студента 1-го курса; еще один «поляк» Болеслав Длуский (впоследствии участник восстания 1863–1864 гг., медик) характеризовался как «упрямый, твердый до закоснелости *литвин*», он же имел невероятное влияние на польских студентов и держал в своих руках финансовые потоки «польской» студенческой диаспоры [18, с. 365–368].

Необходимо отметить, что во всех российских университетах, охваченных беспорядками в 1860-х гг., наибольшую активность проявляли студенты первого и второго курсов. При этом, как отмечает непосредственный наблюдатель событий со стороны московской университетской профессуры С. В. Ешевский, «...студенты были сильно раздражены *против медиков старших курсов*, оставшихся спокойно на лекциях и не принимавших никакого участия в беспорядках и сходках...», против них даже назначили сходку в университетской клинике, что могло повредить пациентам [7, с. 589]. Такая же ситуация сложилась и в Казани, где основными участниками сходок были студенты первого и второго курсов и только некоторые студенты-медики третьего курса, в то время как студенты высших курсов за редким исключением в протестах не участвовали [19, с. 128].

В качестве такового исключения можно рассмотреть случай с неким студентом Залесским. Так, осенью 1862 г. студент Залесский (в деле в архиве Казанского университета имя не указано) подал прошение об отчислении из числа студентов университета по причине «прогрессирующей болезни, климата и отсутствия денег». Вопрос об отчислении согласовывался с намест-

ником в Царстве Польском и рассматривался императором, согласие которого на возвращение Залесского на родину было получено [20, л. 1, 4]. Ранее Залесский проходил по делу о студенческих беспорядках в 1859 г., которые были связаны с нежеланием некоторых студентов медицинского факультета сдавать экзамены профессору Болзани. Поначалу было принято решение снять Залесского с казенного содержания (он обучался за счет государственной стипендии) с оставлением еще на год в том же курсе (что фактически не позволяло ему продолжить образование). Но по ходатайству инспектора наказание ограничилось 14 сутками карцера [21, с. 96]. Скорый отъезд Залесского в западные губернии в 1862 г., очевидно, был связан с подготовкой там антиправительственного восстания. Попытка точнее идентифицировать данное лицо помогает исследование С. А. Мулиной, которая среди сосланных в Западную Сибирь участников упоминает двух Залесских, которые вполне могли учиться в Казанском университете: это Михаил из шляхты Виленской губернии, которому на 1868 г. исполнилось 26 лет, и Григорий из «разобранной» шляхты Августовской губернии, которому в 1868 г. исполнилось 28 лет [22]. То есть наблюдаются две достаточно четкие тенденции: с одной стороны, получение медицинского образования у некоторой части соискателей рассматривалось с точки зрения использования полученных компетенций для деятельности, направленной в том числе на ослабление политических институтов империи; с другой стороны, значительная часть студентов медицинских факультетов, особенно старших курсов, игнорировали любую политическую активность студентов других факультетов и младших курсов и были сосредоточены на получении знаний, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что у уроженцев белорусских земель наиболее популярным направлением в получении высшего образования как раз и была медицина, а обучение на медицинских факультетах, в том числе и по ветеринарному направлению, было очень востребовано среди студентов из западных губерний, хотя в целом в российских университетах самыми популярными были юридические факультеты, обучение на которых давало возможность выпускникам строить карьеру в органах государственного управления. Так, в сфере медицины и близкой к ней ветеринарии строили свою карьеру более полусотни профессоров – уроженцев белорусского региона. Некоторые из них стали знаковыми фигурами, получили общероссийскую известность как ученые и практики (офтальмолог Е. В. Адамюк, хирурги Е. И. Богдановский и С. М. Рубашов, физиолог Б. Ф. Вериги и Н. О. Ковалевский, гистолог А. С. Догель, фармакологи И. М. Догель, Е. В. Пеликан и И. В. Забелин, отоларингологи М. С. Жирмунский и Л. И. Свержевский, клиницист С. С. Зимницкий, акушер Э. Я. Крассовский, онколог М. И. Лифшиц, инфекционист Е. И. Марциновский, психиатры И. Р. Пастернацкий и А. А. Чечот и др.) [23, с. 110].

В свою очередь сотни выпускников медицинских факультетов родом из белорусских земель, получив медицинское образование, достойно работали в разных уголках империи, в том числе в родном крае, где участвовали в ра-

боте медицинских обществ, благотворительных учреждений, просто лечили людей, принося таким образом пользу обществу и создавая собственное благополучие.

Список использованных источников

1. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / Майкл Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы, кн. 2. – 520 с.
2. Войнилович, Э. Воспоминания / Э. Войнилович; пер. с пол., ред. В. Завальнюк. – Минск, 2007. – 380 с.
3. Викентий Викентьевич Смидович (В. Вересаев). Автобиографическая справка // Вересаев, В. Сочинения в четырех томах. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1: Повести. «В тупике» (роман), 1990. – С. 34–40.
4. Аптекман, О. В. Общество «Земля и Воля» 1870-х гг. По личным воспоминаниям / О. В. Аптекман. – М.: Вече, 2023. – 512 с.: ил.
5. Шимукович, С. Ф. Региональные проекты в сфере образования на белорусских землях в XIX веке / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – Вып. 4. – С. 116–132.
6. Ростовцев, Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 903 с.
7. Ешевский, С. В. Московский университет в 1861 году / С. В. Ешевский // Русская старина. – 1898. – Т. XCIV, Вып. 6. – С. 577–603.
8. Погодин, А. Виленский учебный округ 1803–1831 гг. / А. Погодин // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения: в 4 т. – СПб.: Изд-во МНП, 1902. – Т. 4, вып. 1. – С. I–CXXXIII.
9. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 567. Оп. 2. Д. 3411. – Формулярные списки преподавателей Виленской медико-хирургической академии, 1833 г.
10. Адамович Адам Фердинанд // Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918. – Т. 1: Аарон – император Александр II. – 1896. – С. 59–60. (892, II с.)
11. Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Харьковский ун-т; под ред. проф. И. П. Скворцова и проф. Д. И. Багалея. – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1905–1906. – V, 471, 314, XVI с.: ил.
12. Головка, Н. П. Узагальнення впливу професійної діяльності попередників-викладачів, професорів на навчання та професійну підготовку студентів факультету ветеринарної медицини / Н. П. Головка // Науковий вісник НУБіП України. Серія: Ветеринарна медицина, якість і безпека продукції тваринництва. – 2013. – № 188–1. – С. 110–122.

13. Калугин, В. В. И. И. Равич – выдающийся ученый и организатор ветеринарного образования в России (к 190-летию со дня рождения) / В. В. Калугин // История и педагогика естествознания. – 2012. – № 1. – С. 42–47.

14. Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798–1998) / редкол.: Ю. Л. Шевченко [и др.]. – СПб.: Наука, 1998. – 316 с.

15. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: Казан. ун-т, 1904. – Ч. 2: Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. – 455 с.

16. Жуковская, Т. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века / Т. С. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый хронограф, 2018. – 576 с.

17. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). – Ф. 977. Оп. 5 «Ректор». Д. 1761.

18. Шестаков, П. Д. Студенческие волнения в Москве в 1861 г. / П. Д. Шестаков // Русская старина. – 1888. – Т. LX, вып. 11. – С. 353–370.

19. Шестаков, П. Д. Студенческие волнения в Казани в 1882 г. / П. Д. Шестаков // Русская старина. – 1889. Т. LXI, вып. 1. – С. 113–130.

20. НАРТ. – Ф. 977, Оп. 5 «Ректор», Д. 1564.

21. Фирсов, Н. А. Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг. / Н. А. Фирсов // Русская старина. – 1889. – Т. LXII, вып. 4. – С. 85–106.

22. Мулина, С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мулина Светлана Анатольевна. – Омск, 2005. – 498 с.

23. Шимукович, С. Ф. Уроженцы белорусских земель в российских университетах в «долгом XIX веке» / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы. Исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. ст. / отв. ред. С. Ф. Шимукович. – СПб.: Алетейя, 2022. – С. 92–121.

(Дата поступления: 20.08.2024 г.)

ФІНАНСАВАННЕ БУДАЎНІЦТВА ФАРТЫФІКАЦЫЙНЫХ ЗБУДАВАННЯЎ НА ЗЕМЛЯХ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле асветлены арганізацыйна-фінансавыя аспекты забеспячэння будаўніцтва ваенна-абарончых фартыфікацыйных збудаванняў (аб'ектаў) на тэрыторыі беларускіх зямель Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст.: крэпасцей у Бабруйску, Дынабургу, Брэсце, Дрыскага ўмацаванага лагера, умацаванняў у Барысаве. На падставе архіўных даведак прыведзены малавядомыя звесткі аб грашовых кампенсацыях жыхарам за страту іх маёмасці.

Ключавыя словы: фінансаванне; будаўніцтва; фартыфікацыйныя збудаванні; крэпасці; беларускія землі.

FINANCING OF CONSTRUCTION OF FORTIFICATIONS ON THE LANDS OF BELARUS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Yerashevich A. V.

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article highlights the organizational and financial aspects of ensuring the construction of military defensive fortifications (facilities) on the territory of the Belarusian lands of the Russian Empire in the first half of the 19th century: fortresses in Bobruisk, Dinaburg, Brest, Drisk fortified camp, fortifications in Borisov. On the basis of archival certificates, little-known information is provided about monetary compensation to residents for the loss of their property.

Keywords: financing; construction; fortifications; fortresses; Belarusian lands.

У працэсе выпрацоўкі механізма этапаў ваенна-стратэгічнага планавання і рэалізацыі комплексу мерапрыемстваў па падрыхтоўцы заходняга тэатра да магчымых ваенных дзеянняў асобнае месца ў першай палове XIX ст. займалі намаганні ваеннага ведамства Расійскай імперыі па ваенна-інжынерным фартыфікацыйным умацаванні прыгранічных беларускіх зямель на заходняй мяжы Расійскай імперыі.

У айчыннай гістарыяграфіі, праўда ў неаднолькавай ступені паўнаты, глыбіні і разнастайнасці, асвятляліся пэўныя аспекты выбару месцаў і асаблівасцей будаўніцтва найбольш значных ваенна-абарончых фартыфікацыйных збудаванняў (цытадэляў у Бабруйску, Дынабургу, Дрыскага ўмацаванага лагера) у беларускіх губернях Расійскай імперыі ў час падрыхтоўкі вайны з Напалеонам у 1812 г. (артыкулы і манаграфіі А. М. Лукашэвіча [1–3

і інш.], працы А. М. Ненадаўца [4, с. 8–26 і інш.], артыкул А. І. Буняка [5] і інш.). У працах навукоўцаў надавалася ўвага вывучэнню асобных бакоў будаўніцтва Бабруйскай і ў меншай ступені Брэсцкай і Дынабургскай крэпасцей з пункту гледжання іх як помнікаў ваеннай архітэктуры [6–8], гісторыі і культуры, з мэтай аховы і папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны, ваенна-патрыятычнага выхавання, асвятлялася роля крапасных мемарыялаў як аб'ектаў захавання ваенна-гістарычнай памяці і сродкаў развіцця пазнавальнага турызму [9–13 і інш.]. Тым не менш для больш поўнага, усебаковага і глыбокага раскрыцця такой шматграннай тэмы многія яе аспекты патрабуюць дадатковага пашырэння, дапаўнення, удакладнення.

Мэта артыкула зводзіцца да асвятлення арганізацыйна-фінансавых аспектаў забеспячэння пабудовы ваенна-абарончых фартыфікацыйных збудаванняў (аб'ектаў) на тэрыторыі беларускіх зямель Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. (крэпасцей у Бабруйску, Дынабургу, Брэсце, Дрыскага ўмацаванага лагера, умацаванняў у Барысаве), раскрыцці крыніц і памераў фінансавання іх будаўніцтва. На падставе архіўных даведак плануецца ўпершыню ў айчыннай гістарыяграфіі прывесці малавядомыя звесткі аб грашовых кампенсациях жыхарам за страту іх маёмасці, у пэўнай ступені разгледзіць далейшае пагашэнне імі ўрадавых пазык.

Крыніцавай базай артыкула сталі неапублікаваныя архіўныя матэрыялы з фондаў архіваў у Мінску, Гродне, Вільнюсе, Санкт-Пецярбургу, з дадаткаў апублікаваных статыстычных даных. Зразумела, што ў сувязі з абмежаваным аб'ёмам артыкула не ўсе сюжэты ці аспекты тэмы атрымалі ў ім раўнамернае і дэталёвае асвятленне.

Пасля ўключэння ў склад Расійскай імперыі ў выніку падзелу Рэчы Паспалітай беларускіх тэрыторый ваеннае ведамства гэтай дзяржавы прыступіла да выбару прыдатных месцаў для будаўніцтва фартыфікацыйных збудаванняў, неабходных для абароны і аховы новай заходняй граніцы. У рэальнасці пад уплывам зменлівай геапалітычнай сітуацыі і ваенна-стратэгічнага курсу Расійскай імперыі ў 70-х гг. XVIII – першай палове XIX ст. шматлікія планы фартыфікацыйнага ўладкавання будучага заходняга тэатра ваенных дзеянняў так і засталіся на паперы.

Сапраўды, на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. былі зноў пабудаваныя крэпасці толькі ў Бабруйску, Дынабургу і Брэст-Літоўску. З 1810 г. пачалася мэтанакіраваная падрыхтоўка тэатра будучай вайны з Напалеонам у інжынерных адносінах, якая заключалася ў будаўніцтве новых крэпасцей у Дынабургу і Бабруйску паміж існуючымі ў Рызе і Кіеве, іншых інжынерных аб'ектаў ваеннага прызначэння (уладжванне перадмаставых умацаванняў у Барысаве, узвядзенне Дрыскага ўмацаванага лагера), іншых збудаванняў на важных аперацыйных напрамках, ваенна-стратэгічных пунктах.

Будаўніцтва Бабруйскай крэпасці. Імператар Аляксандр I зацвердзіў рапарт К. І. Опермана ад 4.05.1810 г. наконт умацавання Бабруйска [14, с. 38], а 10.08.1810 г. падпісаў даклад ваеннага міністра М. Б. Барклая дэ Толі ад 5.08.1810 г. аб збудаванні новай крэпасці ў Бабруйску [15, прилож. с. 185]. Паводле апрабаваных імператарам 20.06.1810 г. плана і каштарысаў, з дзяр-

жаўнай казны выдаткоўвалася 228.535 руб., у тым ліку на пабудову крэпасці 158.638,6 руб. (69,42 %), для пабудовы маставога ўмацавання тэт-дэ-пона – 45 тыс. руб. (19,69 %), на рамонт былога езуіцкага касцёла для арганізацыі цейхгаўзаў – 19.896,4 руб. (8,71 %), для задавальнення жыхароў за адведзенымі месцамі пад крэпасць – 5 тыс. руб. (2,19 %). Спачатку было асігнавана толькі 134.896 руб. (59,02 %), а 93.648 руб. былі прызначаны да выдачы ў пачатку наступнага 1811 г. [15, с. 261]. Акрамя таго, на фартыфікацыйныя работы было дазволена выкарыстаць яшчэ некаторыя грашовыя сумы: К. І. Оперман ухваліў падрыхтаваны генерал-маёрам Я. П. Фелькерзамам каштарыс аб вылучэнні дадатковых сум на пабудову артылерыйскага арсенала за 31.365,85 руб., 6 парахавых склепаў за 106.027,5 руб., на 3 кардэгардыі 10 тыс. руб. [15, с. 370; 16]. Усяго ж выдаткі будаўніцтва крэпасці склалі ў 1810 г. 86.267 руб., а ў 1811 г. – 261.259 руб. [15, с. 374]. У 1811 г. на абарончыя веркі ў Бабруйску было асігнавана 284.322 руб. з Валынскай, Магілёўскай і Мінскай казённых палат на кошт Інжынернага дэпартаменту [15, прылож. с. 133].

Пры будаўніцтве фартыфікацыйных аб'ектаў у якасці рабочай сілы выкарыстоўваліся страйковыя ваенныя ніжнія чыны (салдаты гарнізона, інжынерных войскаў, ваенныя рабочыя), ваенныя і грамадзянскія арыштанта, вольнанаёмныя рабочыя, памешчыцкія і дзяржаўныя сяляне. Захаваліся грашовыя разлікі аб выдачы грошай рабочым цытадэлі ў Бабруйску на працягу з 1.09. да канца 1810 г. Па нашых падліках, працаўнікам Бабруйскай крэпасці выходзіла да выдачы за работы з 1.09. да канца 1810 г. разам не менш 76.343,34 руб. [падлічана па: 17, арк. 78, 79 адв. – 80 адв., 174 адв. – 175, 181–181 адв., 264, 339].

Дзякуючы адміністрацыйна-гаспадарчай распарадкасці ваеннага кіраўніцтва будаванне крэпасці ішло хутка, і ў пачатку 1812 г. усе фартыфікацыйныя работы былі амаль завершаны. Нягледзячы на тое, што збудаванне фартэцыі яшчэ не было цалкам скончана, крэпасць магла вытрымаць асаду. З 1813 г. будаўнічыя работы ў Бабруйскай крэпасці аднавіліся. Паколькі для сканчэння работ у Бабруйскай крэпасці з 15.04. па 15.10.1813 г. штодня патрабавалася 1500 рабочых і 120 параконных фурманак з паганятымі і немагчыма было выкарыстаць салдат, то найвышэйшым указам ад 8.01.1813 г. на імя ўпраўляючага Міністэрствам паліцыі С. К. Вязміцінава імператар Аляксандр I загадаў штодзённа для сканчэння крапасных работ у Бабруйску з 15.04. па 15.10.1813 г. прысылаць з Мінскай, Магілёўскай і Валынскай губерняў па 500 пешых рабочых, па 40 параконных фурманак з 40 паганятымі. Вызначалася памесечная змена з умовай выканання работ у кожны дзень 1500 пешымі рабочымі і заняцця 120 параконных фурманак з паганятымі. Усталёўвалася казённая плата за кожны рабочы дзень памерам у 15 кап. на чалавека, прадугледжвалася ўтрыманне хворых у шпіталі, нарыхтоўка правіянту і фуражу за кошт земскіх павіннасцей з асігнаннем па магчымасці на гэтую справу рэшткаў з 15 кап. штодзённай платы [18, арк. 129–130]. Пастаўка рабочай сілы і фурманак на крапасныя работы ў Бабруйску праходзіла нерэгулярна і са спазненнем. З 1.04. па 1.08.1813 г. нядоімка забеспячэння пешымі рабочымі склала 23.865 чал., а параконных фурманак да 1.07.1813 г. – 3240 [19, арк. 121].

Пасля сканчэння напалеонаўскіх войнаў пабудова збудаванняў у Бабруйскай крэпасці паводле планаў ад 20.06.1810, 30.05.1811 і 26.02.1819 г. працягвалася. Асабліва ўвага надавалася заканчэнню ўзвядзення капітальных збудаванняў, наданню часовым драўляным доўгатэрміновага характару, будаўніцтву аб'ектаў з каменя і цэглы. Да 1826 г. большая частка збудаванняў у крэпасці па праграме 1819 г. была скончана, хоць будаўніцтва розных будынкаў унутры крэпасці і на гарадскіх фарштатах працягвалася да 1836 г. У далейшым праводзіліся добраўпарадкаванне і рамонт крапасных збудаванняў.

Вялікі князь Мікалай Паўлавіч заўсёды асабіста разглядаў гадавыя справаздачы аб крапасных работах. У 1822 г., калі ён папярэдне заўважыў, што на будаўніцтве Бабруйскай крэпасці для дзяржаўнай казны было сэканомлена 79 тыс. руб., ён выказаў падзяку камандзіру Бабруйскай інжынернай каманды палкоўніку Розенмарку [20, с. 81–82]. Зразумела, што будаўніцтва крэпасці ў Бабруйску суправаджалася і рознымі злоўжываннямі. Так, 8.10.1824 г. Мікалай Паўлавіч пасля следчага данясення аб абрушэнні казематаў каля Слуцкіх варотаў выдаў загад у Берліне, паводле якога грошы на рамонт гэтага аб'екта размяркоўваліся напалову паміж падрадчыкам-купцом 2-й гільдыі Аляксандрам Тарлецкім і іншымі афіцэрамі адпаведна памераў сум іх жалавання (акружным камандзірам каманды падпалкоўнікам Шведэрам, дыстанцыйным афіцэрам капітанам Любенковым, акружным камандзірам і будаўніком крэпасці палкоўнікам Розенмаркам, дыстанцыйным афіцэрам капітанам Івановым, нават генералам К. І. Оперманам і самім Мікалаем Паўлавічам) [15, с. 417–418; 21, с. 9–10]. Да прыезду ў Бабруйск камандзір каманды і будаўнік крэпасці інжынер-палкоўнік Розенмарк выявіў, што пры здачы каманды аказалася недахопу грошай на 25 тыс. руб. асігнацыямі [22, с. 754, 755].

Для здзяйснення крапасных работ шырока выкарыстоўвалі сапёраў і пяхотныя часці. У 1820 г. у крэпасцях плата салдатам (сапёрам, піянерам і з армейскіх палкоў) была ўсталявана ў 2,21 руб., а вольнанаёмным рабочым – па 4 руб. за кожную вырытую кубічную сажань зямлі [21, с. XV]. На паляпшэнне харчавання і адзення дазвалялася выдаваць рабочым вайсковых чыноў «ва ўзнагароду за поспех і руплівасць» сумы з разлікам па 10 кап. меддзю ў дзень на чалавека [15, с. 283]. Чорнарабочым, як і чынам ваенна-рабочых рот, выдавалі па 15 кап., а майстравым – па 20 кап. у дзень на працягу ўсяго будаўнічага сезона і адпаведна менш на 5 кап. (па 10 і 15 кап. у дзень) у зімнія месяцы. З заробку 1/3 частка выдавалася ніжнім вайсковым чынам на рукі, а 2/3 часткі паступала ў кошт арцельных сум [20, с. 412]. Замест усталаванай у 1824 г. платы па 15–20 кап. за дзённы ўрок з 4.01.1834 г. было вырашана выдаваць штодня па 40 кап. радавым і па 20 кап. унтэр-афіцэрам (апошнія наглядалі за салдатамі, але асабіста не ўдзельнічалі ў работах). У маі 1835 г., акрамя «здельной» платы, ніжнія вайсковыя чыны атрымлівалі тройчы ў тыдзень мясную порцыю. У жніўні 1846 г. паўрочная плата была павялічана з 12 да 16 кап. серабром [20, с. 416, 417].

Для крапасных работ у Бабруйску прыцягвалі ваеннапалонных туркаў, выкарыстоўвалі мясцовых жыхароў. Ранняя вясной 1829 г. бабруйскі камен-

дант генерал-маёр Берг абвясціў палонным туркам аб прылучэнні іх да прапаведных работ. Тады туркі заявілі наступнае: «Наш султан не загадаў нам тут працаваць, і мы не будзем; няхай што жадаюць з намі робяць!» Тады Берг правёў застрашальную акцыю: арыштаваў 5 завадатараў смуты, прагнаў іх шпіцруэтэнамі праз 500 чал. перад усімі палоннымі. Гэтая дзейная мера заапакоіла астатніх, і палонныя туркі пачалі працаваць, хоць і не аддавалі. Калі аб гэтым даклалі імператару, ён загадаў выплочваць палонным туркам заробленыя імі грошы па ўзору салдат пяхоты, і тыя сталі працаваць больш рупліва. Аднак потым выйшаў новы загад, паводле якога частка грошай выдаткоўвалася на паляпшэнне быту палонных, іншая частка паступала на набыццё ім адзення для адпраўкі на Радзіму, а на рукі нічога не выдавалася [20, с. 423–424].

У пэўны час каля Бабруйска канцэнтравалася даволі значная колькасць рабочых. Так, па сведчанні К. К. Жэрве, у 1832 г. на бабруйскай дыстанцыі працавалі людзі з дзвюх дывізій, 2 тыс. палонных туркаў, 2 арыштанцкія роты, каля 3 тыс. вольнанаёмных майстроў, было задзейнічана 800 фурманак, а ўсіх рабочых налічвалася каля 11 тыс. чал. [22, с. 773].

Часовых ваенных рабочых часцяком узнагароджвалі аднаразовымі «падарункамі». У 1832 г. для выдачы 4.928 ніжнім вайсковым чынам, вылучаным для работ у Бабруйскай крэпасці, на мясную і вінную порцыі было асігнавана з Мінскай казёнай палаты 1516,49 руб. асігнацый на кошт Галоўнага казначэйства [23, спр. 740, арк. 1028]. 5.08.1837 г. дваранства Бабруйскага павета з нагоды чакаемага праезду праз Мінскую губерню Мікалая I выказала жаданне ахвяраваць для войскаў у Бабруйскай крэпасці ў час прабывання ў ёй манарха віно і ялавічану з разліку салдату ў суткі па чарцы віна і фунту ялавічаны. Для 17.318 чал., у тым ліку 16.265 чал. лагерных ніжніх чыноў і 1053 чал. гарнізона ў артылерыйскіх, ваенна-рабочых ротах, інжынернай і жандарскай камандах, выходзіла на порцыі 10.572 руб. [24, арк. 4–5]. Дваранства Мінскай губерні ў 1837 г. таксама падтрымала ўзгаданы пачын добраахвотнай грашовай складкай на пакупку для войскаў, размешчаных навакол Бабруйскай крэпасці, віннай і мясной порцый. З 9.180 руб. асігнацыямі за двухдзённую порцыю для 16.544 чал. было выплачана 5.707,68 руб. асігнацыямі наяўнымі грашмыма [24, арк. 32–35 адв.]. У 1843 г. чынам інжынернага ведамства з ліку афіцэраў Бабруйскай інжынернай каманды, арыштанцкіх рот інжынернага ведамства, вольным майстрам была падаравана з агульных губернскіх даходаў на кошт Галоўнага казначэйства сума ў 2.193,5 руб. (з вылікам 10 % на карысць знявечаных да выдачы прызначаліся 1.974,15 руб.) [23, спр. 750, арк. 374–376]. З сум зямскага збору падрадчыку ў 1854 г. за пастаўку ў 1853 г. дроў для ацяплення Бабруйскай крэпасці было дадзена 11.825 руб. [23, спр. 765–9, арк. 76].

Акрамя ваеннаслужачых (салдаты з пяхотных і артылерыйскіх часцей, ніжнія вайсковыя чыны з піянерных рот, ваенныя майстравыя рабочыя, інжынеры), у нарыхтоўцы патрэбных матэрыялаў і пабудове ваенных аб'ектаў удзельнічалі ваенныя і грамадзянскія арыштанты, вольнанаёмныя рабочыя (цесляры, пільшчыкі, муляры, печнікі, рознарабочыя і інш.), памешчыцкія

і дзяржаўныя сяляне, якім вызначаўся заробак за кожны дзень працы ў залежнасці ад кваліфікацыі. Пры аглядзе Бабруйскай крэпасці К. І. Оперманам у жніўні 1825 г. высветлілася, што на пабудове памяшканняў і ўмацаванняў былі занятыя 6.136 чал. (1109 майстравых і 5027 рознарабочых) [15, с. 419; 25, с. 49; 26, с. 62–63]. З пункту гледжання казённага інтарэсу праца ваенных рабочых была больш выгаднай, чым вольнанаёмных.

Будаўніцтва ваенных аб'ектаў на паселенай зямлі суправаджалася практыкай адчужэння прыватнай уласнасці. Згодна з імператарскім загадам ад 5.07.1810 г. зямля, мяркуемая пад умацаванні, паступала ў казённае ведаводства. Жыхарам плацілі толькі за страту пасеваў і бясплатна адпускалі казённы лес для пераносу будынкаў. У межах крэпасці жыхары маглі будаваць толькі мураваныя дамы, а драўляныя – толькі на фарштатах [15, с. 370]. Аднак дамы дзяржаўная казна купляла рэдка (хоць 20.07.1810 г. дом калескага асэсара Ельшына ў Бабруйску быў выкуплены за 4.000 руб.). У 1811 г. на выкуп прыватнай уласнасці ў Бабруйску было выдаткавана да 20 тыс. руб. [15, с. 265]. У 1813 г. паступілі належныя бабруйскім жыхарам за землі і пабудовы 38.495,4 руб. [23, спр. 61, арк. 389].

Звычайна месцы пасяленняў мясцовых жыхароў пераносіліся на фарштаты. Фактычнае высяленне з Бабруйскай крэпасці на фарштаты пачалося ў 1818 г., а ў 1819 г. – і ў Дынабургу [20, с. 389]. Узнагарода жыхарам за прымусовае адчужэнне прыватнаўласніцкай зямлі пад будаўніцтва крэпасці прадугледжвала кампенсацыйныя грашовыя і натуральныя выплаты. На выдаткі па пераносу будынкаў з крэпасці ў распланаваныя для жылой пабудовы Мінскі, Слуцкі, Бярэзінскі, Парыцкі фарштаты выдаваліся грашовыя кампенсацыі па ацэнцы крапасной інжынернай каманды з удзелам грамадзянскіх чыноўнікаў, а таксама неабходны лес з Брожскага і Любоніцкага лясніцтваў, цэгла і вапна па сабекошту з цагляных заводаў [25, с. 58]. У кастрычніку 1817 г. імператар Аляксандр I загадаў абвясціць жыхарам Бабруйска аб зломцы на працягу года ўсіх драўляных дамоў унутры крэпасці і закладцы мураваных жылых дамоў па зацверджанню праекце. Дамы, пабудаваныя на фарштатах, на 19 гадоў вызваліліся ад вайсковага пастоя. Пасля 1819 г. было дазволена выдаваць па ацэнцы ў пазыку сумы ад 40 да 3 тыс. руб. для будаўніцтва дамоў і іншых збудаванняў з бясплатнай выдачай лесаматэрыялаў, цэгля і вапны. Размеркаванне пазык ускладналася на крапасную будаўнічую камісію. Пазыка давалася на 10 гадоў памерам у 150 руб. на акно фасада, калі яно выходзіла на вуліцу, але не больш чым на 7 вокнаў з надзейным забеспячэннем ці паручыцельствам з боку 5 уладальнікаў дамоў [25, с. 59–60].

Паколькі на фарштаты высялялі пераважна бедных, то ім у значнай колькасці даваліся розныя льготы. У сакавіку 1818 г. жыхары Бабруйска ўзбудзілі хадаўніцтва аб узнагароджванні за перанос на фарштаты драўляных пабудоў. Дырэктар Інжынернага дэпартаменту К. І. Оперман лічыў, што паколькі зноў будуюцца на крапасных фарштатах дамы вызвалены на 10 гадоў ад натуральнага вайсковага пастоя, то няма патрэбы ў выплатах жыхарам за перанос іх дамоў. Аднак з прызначаных да зломкі 121 дамоў 53 належалі зусім бедным яўрэям, якія прасілі ўзнагароды не больш як па 130 руб. за

кожны дом. З прычыны нязначнасці сумы кампенсацыі і з улікам таго, што мясцовыя яўрэі значна пацярпелі ў час вайны 1812 г. ад 4-месячнай аблогі крэпасці і пасля ад значнага ваеннага пастоя, было вырашана аддаць ім узнагароду і безграшова гарадскі лес для пабудовы новых будынкаў. У чыноўнікаў будынкі планавалі купіць па памяркоўнай ацэнке, паколькі яны маглі быць выкарыстаны для патрэб гарнізона. К. І. Оперман пагадзіўся з гэтымі прапановамі, акрамя пакупкі нерухомай маёмасці чыноўнікаў, і адпаведнае хадайніцтва па гэтым пытанні было зацверджана. У 1825 г. было дазволена выдаць з дзяржаўнай казны на 10 гадоў у пазыку без плацяжу працэнтаў для жыхароў Бабруйска 100 тыс. руб. асігнацыямі, Дынабург – 50 тыс. руб., але толькі «спраўды немаённым». Зразумела, што перасяленцам, па меры іх патрэбы, даваўся безграшова казёны лес, а зноў пабудаваныя новыя дамы вызваліліся на 5 гадоў ад вайсковага пастоя. У 1829 г. імператар Мікалай I пасля агляду Парыцкага, Слуцкага і Мінскага фарштатаў загадаў знішчыць усе спаракхнелыя будынкі Парыцкага фарштата, перанесці прыгодныя будынкі на Слуцкі і Мінскі фарштаты, а за іх перанос выплаціць па ацэнцы за перанос і знос будынкаў суму ў 21 тыс. руб. [20, с. 390, 391, 393–394]. Указам ад 29.01.1826 г. для дапамогі бедным дзеля пераносу іх дамоў на прызначаныя новыя месцы з дзяржаўнага казначэйства ў пазыку на 10 гадоў без плацяжу працэнтаў была дадзена жыхарам Бабруйска сума ў 100 тыс. руб. асігнацыямі, а Дынабургскай крэпасці – 50 тыс. руб. [23, спр. 704, арк. 115]. Паводле ўказа Мінскай казёнай палаты ад 19.10.1828 г. 74 жыхарам Бабруйскай крэпасці на перанясенне іх дамоў была выдана сума, растэрмінаваная з 1857 г. у памеры 5.602,98 руб. [23, спр. 2954, арк. 534–536]. Бабруйскія жыхары неаднаразова звярталіся ва ўладныя інстанцыі з прашэннямі аб дараванні ім сум урадавай дапамогі і льгот. У 1838 г. ранейшая пазыка жыхарам Бабруйска ў 100 тыс. руб. асігнацыямі была растэрмінаваная на 10 гадоў без працэнтаў доўгу дзяржаўнаму казначэйству [27]. З 100-тысячнай пазыкі, зноў растэрмінавай з 1847 г., да 1852 г. належыла заплаціць 14.849,8 руб. серабром [23, спр. 755, арк. 27–28].

Усяго за 1810–1817 гг. для ўзвядзення крэпасці ў Бабруйску было выдаткавана 1.154.376 руб., у тым ліку на пабудову ўмацаванняў 416.941 руб. (36,1 %). На 1819 г. патрабавалася яшчэ каштарысных 6.758.135 руб. (у 3.750.435 руб. ацэньваўся агульны кошт фартыфікацыйных работ (55,5 %), у 2.927.000 руб. (43,3 %) кошт пабудовы казарм і іншых вайсковых збудаванняў: 20 паракхавых skleпaў, 4 артылерыйскіх і інжынерных цэйхгаузаў, 4 кордэгарды, генеральскага дома, 29 афіцэрскіх кватэр, казарм на 975 чал.) [15, с. 403, 413; 25, с. 47; 26, с. 54, 56]. Паводле каштарыса Інжынернага дэпартамента Ваеннага міністэрства на 1825 г., на ўладкаванне Бабруйскай крэпасці згодна з зацверджаным праектам патрабавалася 625 тыс. руб. [15, прилож. с. 135]. На 1825 г. з Камісарыяцкага дэпартамента ў Бабруйск на пабудову ваеннага шпітала было асігнана 2 тыс. руб. (расходавана толькі 66,6 руб.), праваслаўнага сабора – 90.344,95 руб. (выдаткавана 69.917,58 руб.) [15, прилож. с. 143]. Выкарыстанне салдацкай працы замест вольнанаёмнай дазволіла значна сэкноміць першачаткова мяркуемыя каштарысныя сумы, прызначаныя для будаўніцтва Ба-

бруйской крэпасці. Так, замест 7.534.081 руб. па каштарысу 1819 г. сапраўды было выдаткавана ў 1818–1825 гг. толькі 3.880.310 руб. [15, с. 419]. У 1825 г. крапасное збудаванне ў Бабруйску каштавала 627.242,04 руб. [15, с. 263]. Усяго ж рэальна з каштарысных сум на пабудову Бабруйской крэпасці ў 1810–1825 гг. было выдаткавана, па нашых падліках, больш за 5.034.618,15 руб. [15, прилож. с. 186–187, 208]. Найбольш інтэнсіўна ўзвядзенне ўмацаванняў і іншых збудаванняў у фартэцыі, мяркуючы па сумах расходу грошай, адбывалася ў 1811, 1819–1825 г. (пік расходаў зафіксаваны ў 1822 г.). Разам да 1862 г. будаўніцтва Бабруйской крэпасці каштавала дзяржаве 4.861.780 руб. [25, с. 49; 26, с. 63].

Шэраг сум з дзяржаўнага казначэйства выдаткоўвалася на пабудову асобных крапасных будынкаў, уладкаванне дарог, мастоў, гацяў, якія вялі да цытадэлі над Бярэзінай. На 1829 г. для пабудовы ў Бабруйской крэпасці будынка для прысутных устаноў з турмою паступіла 70 тыс. руб. [23, спр. 707, арк. 166]. У 1830 г. на пабудову мураванага будынка для прысутных устаноў у Бабруйской крэпасці было выплачана 29.500 руб., уладкаванне дарогі ад Старога Быхава да Бабруйска – 30.879,86 руб. у пазыку з земскага збору будучага трохгоддзя [23, спр. 708, арк. 116, 126–126 адв.]. У 1841 г. з земскага збору Мінскай губерні было асігнана 17.738,49 руб. серабром на пабудову мастоў пры Бабруйской крэпасці [23, спр. 719, арк. 35].

Пабудова Дынабургскай крэпасці. Паводле каштарыса, будаўніцтва Дынабургскай крэпасці было ацэнена ў 761.008 руб., у тым ліку земляныя работы каштавалі 303 тыс. руб., дзярновыя – 55.389 руб., цыслярскія – 97.182 руб., мураваныя – 182.592 руб., на шанцавы інструмент, у дадатак прысланага з Масквы, асігнвалася 22.845 руб., на непрадбачаныя выдаткі – яшчэ 100 тыс. руб. Усяго ў 1811 г. было выдаткавана 687.826 руб. (90,38 %), ці ў 2,6 разы больш, чым у Бабруйску. Разам у 1810–1812 гг. паступіла на будаўніцтва крэпасці ў Дынабургу 998.660 руб., у той час як у Бабруйску – толькі 535.546 руб., альбо ў 1,86 разы менш [15, с. 381, 384, 388]. У 1811 г. на ацяпленне і асвятленне вайсковых будынкаў у Дынабургу мясцовай інжынернай камандзе было асігнана 50.061 руб. з Пскоўскай, Віленскай і Віцебскай казённых палат, а на абарончыя веркі – 481.051 руб. з Віленскай, Віцебскай і Пскоўскай на кошт сум Інжынернага дэпартамента [15, прилож. с. 133]. У 1811 г. касцёл і будынак паезуіцкага калегіума і навакольныя землі былі выкуплены інжынерным ведамствам за 300 тыс. руб.

Будаўніцтва ўмацаванняў у Дынабургу вялося з мая 1810 г. У 1810 г. у будаўнічых работах удзельнічалі 10 тыс. чал., у 1811 г. – 15 тыс. салдат і 2 тыс. майстравых з Віцебскай губерні. На работах па будаўніцтву крэпасці ў Дынабургу працавалі вольнанаёмныя сяляне (ім плацілі па 20 руб. у месяц), піянеры (яны атрымлівалі па 15 кап. у дзень), за фурманку давалі па 2 руб. у дзень [21, с. 50]. Для пячэння сухароў у Дынабургу 29.03.1812 г. было прызначана 530 сажняў дроў з усіх паветаў Віцебскай губерні [28, спр. 84, арк. 15]. У Дынабургу да пачатку вайны паспелі ўзвесці толькі земляны тэт-дэпон на левым беразе Заходняй Дзвіны, умацаваныя палявыя профілі, а ў самой крэпасці – адкапаць равы і насыпаць валы. 89 дамоў мясцовых жыхароў

паступілі ў дзяржаўную казну за 60.136 руб. [29, спр. 50137, арк. 116–125 адв., 354–360] за кошт сумы ў 60 тыс. руб., выдаткаванай у 1811 г. на адчужэнне прыватнай уласнасці ў Дынабургу [15, с. 265]. У адноўленых у 1813 г. работах у Дынабургу прымалі ўдзел больш за 2 тыс. ваеннапалонных. В.а. віцебскага губернскага, гарадоцкі павятовы прадвадзіцель дваранства Жаба ўзамен натуральнай пастаўкі фурманак для работ у Дынабургскай крэпасці прапанаваў спагнаць з сялян паветаў Віцебскай губерні грашовую кампенсацыю: з неабходных штодня з 15.04. па 15.10.1813 г. па 75 параконных фурманак за кожную па 2 руб., а за 120 дзён – па 240 руб. з кожнай, альбо разам 18 тыс. руб., у тым ліку з 6 беларускіх паветаў Віцебскай губерні 7560 руб., альбо 42 % сумы [30, спр. 4978, арк. 1, 3 адв. –4]. Усяго замест нарада фурманак у 1813 і 1814 гг. дваране Віцебскай губерні выслалі ў Дынабургскую крэпасць з 298.128 рэзвізскіх душ 16.138,1675 руб. (89,6 %) з належнай сумы ў 18 тыс. руб. за 75 фурманак [29, спр. 556, арк. 7, 8].

На будаўніцтва Дынабургскай крэпасці за 1812–1817 гг. пайшло 3.475.649 руб. [15, с. 407]. Паводле каштарыса Інжынернага дэпартаменту Ваеннага міністэрства на 1825 г. для пабудовы Дынабургскай крэпасці выдзялялася 800 тыс. руб. [15, прилож. с. 135]. У 1825 г. для пабудовы крэпасці ў Дынабургу было выдаткавана 869.046,13 руб. [15, с. 263], а з сум Камісарыяцкага дэпартаменту на пабудову ваеннага шпіталю ў Дынабургу яшчэ 100.008,5 руб. [15, прилож. с. 143]. Згодна з каштарысам Інжынернага дэпартаменту на 1832 г. Дынабургскаму будаўнічаму камітэту для вайсковых пабудоў у крэпасці было адпушчана 42.390 руб. [21, с. 39]. Афіцыйная цырымонія адкрыцця крэпасці пры асабістым удзеле імператара Мікалая I і вышэйшага духавенства адбылася 21.05.1833 г.

Дзяржаўныя работы па будаўніцтве крэпасцей, дарог і іншых аб'ектаў з'яўляліся дадатковым сродкам урадавай дапамогі галадаючым сялянам ад неўраджаяў. 14.03.1846 г. міністр унутраных спраў разглядаў прапанову ваеннага міністра пра допуск да крапасных работ у Дынабургу яшчэ 3500 памешчыцкіх сялян з неўраджайных губерняў, акрамя першапачаткова прызначаных 5 тыс. чал., і высылку паводле распараджэння Міністэрства дзяржамаёмасцей 1350 дзяржаўных сялян. Імператар абмежаваў у гэтым годзе дапушчаную колькасць працаўнікоў у 6350 чал. [31, арк. 27–27 адв.]. Будаўнічыя работы павінны былі працягвацца да 1.10.1846 г. Для заробку жыхарам неўраджайных губерняў была выдзелена сума ў 140 тыс. руб. серабром, якая павінна была выдаткоўвацца на работы, пакуль не скончання грошы. Упраўленне Ліфляндскай інжынернай акругі спыніла работы раней вызначанага тэрміну. Да 17.08.1846 г. на заробак сялян, па вылічэнні інжынернага ведамства, было выкарыстана 118.256,98 руб. серабром, хоць з 1350 казённых сялян на іх прыбылі толькі 37 чал. Пасля асігнавання на 1846 г. сумы ў 140 тыс. руб. будаўнічыя работы былі спыненыя 4.09.1846 г. Як высветлілася ў выніку канчатковага разліку, з 25.08. па 3.10.1846 г. 32.206 сялянам з неўраджайных губерняў і гарадскім жыхарам, якія працавалі на крапасных работах, было выдана больш каштарыса на 10.814,94 руб. серабром, якія сталі лічыцца іх доўгам інжынернаму ведамству. Пазней паступілі разлікі

да 1.10.1846 г. з папачыцельных рабочих камітэтаў. Імператар 26.09.1846 г. загадаў для задавальнення сялян асігнаваць суму, якая патрабуецца пасля канчатковага разліку. Як сведчыць данясенне чыноўніка асобных даручэнняў пры Міністэрстве ўнутраных спраў надворнага саветніка Нікіфарава ад 2.09.1846 г., у Дынабург з розных месцаў прыйшоў 621 яўрэй, у тым ліку 193 рабочих і 428 непрыдатных для работ. Яны жылі ў бараках, некаторыя – на вуліцах, і з канца лета іх паглынулі хваробы. Увогуле ў 1845 і 1846 гг. для сялян і гараджан Віцебскай і іншых губерняў, пацярпелых ад неўраджаяў, на звышкаштарысныя земляныя работы ў Дынабургскай крэпасці паступілі сумы з дзяржаўнага казначэйства звыш фінансаванага роспісу Інжынернага дэпартаменту. У 1846 г. было выдзелена 165 тыс. руб. серабром на зарплату сялянам з неўраджайных губерняў, якія працавалі на крапасных работах у Дынабургу (па 31,75 кап. за кожны ўрок). У 1847 г. выдача сум была прыпыненая [31, арк. 44–44 адв., 45, 55–55 адв., 58–58 адв., 62–62 адв., 65–65 адв., 74–74 адв., 88, 119–119 адв., 120–120 адв.].

Усяго для пабудовы Дынабургскай крэпасці ў 1810–1825 гг. было расходувана 12.770.856 руб., ці ў 2,5 разы больш, чым у Бабруйску (5.034.686 руб. па наяўнай зводнай ведамасці) [15, с. 422–423].

Узвядзенне Дрыскага ўмацаванага лагера. З красавіка 1812 г. ліхаманкавымі тэмпамі вялося будаўніцтва Дрыскага ўмацаванага лагера на левым беразе Заходняй Дзвіны. У будаўніцтве гэтых абарончых збудаванняў масавы ўдзел прымала прыцягнутае для работ мясцовае насельніцтва з суседніх паветаў Віцебскай губерні, на якое таксама былі ўскладзены значныя натуральныя павіннасці па забяспячэнні гэтых аб'ектаў дровамі, харчаваннем і інш. Паводле загаду беларускага ваеннага губернатара ад 1.05.1812 г., у Дрысу для пабудовы абарончых умацаванняў было прызначана паставіць 2500 рабочих людзей з жалезнымі рыдлёўкамі і з запасам харчавання як мінімум на 30 дзён з бліжэйшых паветаў Віцебскай губерні: Дрысенскага, Дынабургскага, Рэжыцкага, Себежскага, Полацкага, Лепельскага, а ў Дынабург для сканчэння крапасных работ, згодна з прадпісаннем ваеннага міністра М. Б. Барклая дэ Толі ад 5.04.1812 г., – 4 тыс. чал. рабочих з запасам харчавання на 4 тыдні з паветаў Дынабургскага, Дрысенскага, Рэжыцкага, Люцынскага, якія павінны былі зменьвацца праз кожныя тры тыдні: спачатку сялянамі з Полацкага, Себежскага, Невельскага, Лепельскага паветаў, а потым – з Віцебскага, Гарадокскага, Суражскага, Веліжскага [30, спр. 4647, арк. 1, 2, 4–4 адв., воп. 6, спр. 897, арк. 95 адв.; 28, спр. 82, арк. 4–4 адв., спр. 86, арк. 26]. Апроч таго, паводле распараджэння М. Б. Барклая дэ Толі для будаўніцтва плаваючага маста ў Дрысе дваране Віцебскай губерні ў маі 1812 г. павінны былі ўнесці каля 15 тыс. руб. асігнацыямі [30, спр. 897, арк. 96; 32, арк. 6, 10, 18 адв., 48 адв. –49].

Умацаванне Барысава. 15.09.1811 г. М. Б. Барклай дэ Толі выдаў распараджэнне аб пачатку тэрміновых работ па ўмацаванні Барысава. Паводле праекта на будаўніцтва ў Барысаве тэт-дэ-пона К. І. Оперман прасіў у імператара 60 тыс. руб. і меркаваў узяць у дзяржаўную казну маёнтак князя Міхала Радзівіла [15, с. 388–389]. Ваенны міністр дазволіў безграшова нарыхтоўваць для работ страявы і дравяны лес, арганізаваць цагляныя заводы, прыцягнуць

да земляных работ салдат з платай ім па 15 кап. у дзень на чалавека. Для пабудовы часовых палявых умацаванняў 26.01.1812 г. было загадана перавезці піянерную роту з Бабруйска ў Барысаў, а 1.02.1812 г. інжынерным і піянерным чынам, якія былі задзейнічаны на работах каля Барысава, было дадзенае дадатковае жалаванне на ўзор Дынабурга. 2.02.1812 г. К. І. Оперман накіраваў з Санкт-Пецярбурга ў Барысаў да падпалкоўніка 2-га піянернага палка Сазонава шанцавыя інструменты і прыпасы, неабходныя для штодзённай работы для 2 тыс. чал. На першапачатковыя выдаткі ў яго распараджэнне паступілі з камандзіраваным у Бабруйск паручнікам 1-га піянернага палка Гебенерам 5 тыс. руб. з плануемых 60 тыс. руб. Работы маглі пачацца не раней красавіка пасля збору рабочых, коней, інструментаў і прыпасаў [33, с. 54–55]. Акрамя земляных работ, каля Барысава 2100 навакольных сялян будавалі дарогу ад Барысава да мястэчка Зембін, на харчаванне якіх з дзяржаўнай казны было асігнавана 3 тыс. руб. [23, спр. 181, арк. 355]. Усяго для пабудовы штучных умацаванняў у Барысаве было закуплена розных прыпасаў на суму ў 23.452,79 руб., раздадзеныя ўзнагародныя грошы па палажэнні ваенна-служачым і мясцовым сялянам, вольным майстрам выплачана па існуючых умовах 16.556,98 руб., за перавозку матэрыялаў вольным фурманам дадзена 5.260,31 руб., выдана 506,65 руб. прыбавачных да жалавання інжынерным і піянерным чыноўнікам, разам на суму ў 46.170,41 руб. З пачаткам вайны будаўнічыя работы былі спыненыя, а рэшткі сумы ад асінгаваных выдаткаў у лістападзе 1812 г. былі дастаўлены ў Бабруйскую крэпасць [33, с. 52–53].

24.12.1812 г. М. І. Кутузаў загадаў К. І. Оперману аднавіць умацаванні Барысава. Апошні для ажыццяўлення работ планаваў накіраваць шэфа 2-га піянернага палка палкоўніка Грэсера, выслаць па прызначэнні фурманкі і рабочых з Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай губерняў. Быў дадзены дазвол на парубку лесу і забранне дзірвану з дач князя Радзівіла і гарадскіх лугоў [33, с. 56–57]. На наступны дзень у прадпісанні мінскаму грамадзянскаму губернатару М. І. Кутузаў канкрэтызаваў тэрмін і колькасць пастаўкі: да 15.01 прадугледжвалася накіраваць у Барысаў з Мінскай губерні 100 параконных фурманак, а да 15.03.1813 г. – 800 пешых рабочых; фурманкі і рабочыя павінны былі зменьвацца праз кожныя два тыдні [34, с. 24]. На харчаванне рабочых выдзялялася па 15 кап. у дзень з рэштку сумы ў 13.850 руб., якая знаходзілася на захаванні ў Бабруйску [33, с. 57, 58, 59; 15, с. 391]. Фартыфікацыйныя работы каля мастоў пачаліся ў красавіку 1813 г. У маі быў адноўлены мост праз Бярэзіну, спалены войскамі П. В. Чычагова. Неўзабаве ў 1816 г. было прынята рашэнне аб скасаванні часовых умацаванняў у Барысаве. Артылерыя з горада была пераведзена ў Бабруйск [15, с. 392].

Пабудова Брэсцкай крэпасці. У 1830-я гг. ваеннае ведамства Расійскай імперыі ўзялося за будаўніцтва доўгачасовых фартыфікацыйных аб'ектаў не ўглыбіні тэрыторыі, а бліжэй да заходняй граніцы дзяржавы. Асаблівае значэнне набыў горад Брэст-Літоўск як вузел дарог на Варшаву, Вільну, Кіеў і Маскву на мяжы з Царствам Польскім.

У 1832 г. у горадзе пачаліся земляныя работы. У гэтым жа 1832 г. на закупку матэрыялаў з дзяржаўнай казны было выдзелена 500 тыс. руб. [12,

с. 29–31]. З 6.06.1833 г. працягваліся масавыя земляныя і гідраграфічныя работы па планіроўцы і будаўніцтву крапасных збудаванняў. Рыццё равоў, насыпку крапасных валоў, гласісаў, берагавых плацін і іншыя земляныя работы працягвалі да 1840 г. страявыя войскі (пяхотная дывізія, сапёрная брыгада, 2 ваенна-рабочыя роты) [35, с. 839]. У ноч на 1.06.1835 г. у горадзе запаліўся дом мешчаніна Фрыдэнталя, і ў выніку пажару згарэла 7 мураваных і 140 драўляных прыватных, 2 мураваныя і 2 драўляныя казённые дамы. Жыхары Брэста моцна пацярпелі ад вогненнай стыхіі [36, с. VIII–X]. Усе будаўнічыя работы з прычыны пажару былі прыпыненыя. У красавіку 1836 г. І. Ф. Паскевіч прадставіў у Інжынерны дэпартамент каштарысы ў 1 млн руб. на крапасныя работы ў Брэсце са спазненнем, калі яны ўжо пачаліся. Таму грашовыя каштарысы былі зацверджаны толькі да верасня 1836 г., калі праца ўжо заканчвалася [20, с. 118, 119]. У 1836 г. у дзеючай арміі пасля ажыццяўлення нарыхтовак па інтэнданцкаму ведамству аказаўся лішак сумы ў 430 тыс. руб., якая ўся была пераведзена для здзяйснення крапасных работ у Брэсце. У наступным годзе новая, яшчэ больш значна зберажоная сума пасля нарыхтоўкі правіянту дазволіла імператару выдзеліць на будаўнічыя работы ў Брэсце яшчэ мільён руб. [20, с. 377–378]. У прысутнасці намесніка Царства Польскага генерал-фельдмаршала І. Ф. Паскевіча 1.06.1836 г. быў закладзены першы камень будучай цытадэлі крэпасці [37, спр. 459, арк. 29]. Новы горад Брэст узбуйняўся на месцы былога кобрынскага прадмесця. У 1837 г. на будаўніцтва будынкаў у населеным пункце было выдаткавана 437 тыс. руб. [12, с. 47]. У 1838 г. быў пабудаваны новы мост праз Заходні Буг і для крапасных патрэб быў усталяваны маставы збор з жыхароў, выручка з якога ішла на крапасныя работы [20, с. 379]. Пабудовай абарончых збудаванняў і жылых пабудоў з гаспадарчымі памяшканнямі з 1840 г. займаліся вольнанаёмныя рабочыя згодна з падрадам [35, с. 839]. 26.04.1842 г. над крэпасцю ў Брэсце ўзвіўся дзяржаўны сцяг, але яна яшчэ працяглы час заставалася недабудаванай, хоць і стала адным з самых дасканалых штучных фартыфікацыйных доўгатэрміновых умацаванняў у Расійскай імперыі. У 1845 г. І. І. Дэн выканаў работу, якая не фігуравала ў зацверджаным плане на гэты год – засыпаў у Брэсце балота. Гэты недапусцімы казус абярнуўся зваротам у наступны год сумы ў 8 тыс. руб. серабром, але чыноўнік скарыстаўся даходамі за кошт смецця ад зносімых дамоў жыхароў, якія трэба было вывозіць з крэпасці з аплатай перавозкі [20, с. 121]. Разам да 1860 г. на ўсе пабудовы ў Брэсцкай крэпасці было выкарыстана 5.067.961,3 руб. [35, с. 839].

Брэсцкая крэпасць з’яўлялася, бадай, выключным фартыфікацыйным доўгатэрміновым збудаваннем у Расійскай імперыі першай паловы XIX ст., з якой усе жыхары павінны былі быць выведзеныя на фарштаты. Аднак мяркуюмая прапанова не была цалкам выканана. У снежні 1844 г. І. Ф. Паскевіч дакладваў, што з Брэсцкай крэпасці жыхары высяляюцца, драўляныя дамы ідуць на злом, а мураваныя пераходзяць у дзяржаўную казну. Аднак скасаванне ў крэпасці гандлю прадметамі першай неабходнасці было нявыгадным для гарнізона, паколькі паўсядзённым адлучкі ваеннаслужачых на фарштаты за пакупкай патрэбных тавараў маглі мець шкодны ўплыў на прахо-

джанне вайскавай службы. Князь рэкамендаваў набыць у дзяржаўную казну 2–3 мураваныя дамы ў крэпасці для адводу памяшканняў у іх гандлярам. Імператар зацвердзіў хадайніцтва І. Ф. Паскевіча, але абмежаваў яго і забараніў завадзіць у крэпасці шынкi [20, с. 389].

Узнікла праблема адчужэння прыватнай нерухомай маёмасці з кампенсациямі жыхарам за панесеныя страты па «справядлівай ацэнцы», давання ім урадавых пазык, аднаразовай дапамогі грашмыма і казённым лесам. Пасля ацэнкі маёмасці людзям, якія перасяліліся на новыя месцы жыхарства, выплочвалася грашовае дапамога [37, спр. 2896, арк. 284–292 адв.]. 27.08.1835 г. імператар адобрыў палажэнне Камітэта міністраў па прапанове галоўнакамандуючага Дзеючай арміі аб вызваленні жыхароў новых фарштаў Брэста ад ваеннага пастою на працягу 8 гадоў. У выпадку неабходнасці заняцця дамоў гаспадароў ваенным пастоем ім належыла выплачваць памесячна належныя па разліку грошы з сум зямскага збору: штогод за кватэру для генерал-лейтэнанта – 1100 руб., генерал-маёра – 690 руб., палкоўніка – 520 руб., падпалкоўніка ці маёра – 450 руб., капітана ці штабс-капітана – 260 руб., паручніка, падпаручніка і прапаршчыка – 200 руб., ніжняга чына – 24 руб. Апроч таго, пасля пажару 1835 г. плата за вайсковы пастой жыхарам Брэста на працягу 2 гадоў ажыццяўлялася з армейскай экстранай сумы ў значна меншых, па ўзроўні на мяркуемай для жыхароў фарштатаў, памерах: за генеральскую кватэру – 480 руб., капітанскую – 64 руб., ніжняга чына – 8 руб. [38].

Справа ацэнкі маёмасці і выдачы кампенсаций жыхарам, асабліва яўрэям, суправаджалася шматлікімі злоўжываннямі. Цікавыя нататкі наконт гэтага прыводзіць маці гісторыка літаратуры і крытыка С. А. Вянгерава (1855–1920) П. Вянгерава. У 1836 г.? адвакат Давід Розенбаум па мянушцы чорны д’ябла зрабіў так, што ўсе буйныя домаўласнікі Брэста даручылі яму ў распараджэнне сваю маёмасць. Апанаваны пачуццём помсты, ён настрочыў даносы ў вышэйстаячыя ўладныя інстанцыі, з якіх выходзіла, што вартасць прадвызначанага да злому жылля была ў найбольшай ступені меншай, чым яго ацэньвала камісія. У хуткім часе ўрад спыніў выплаты домаўладальнікам і абавязаў жыхароў горада разбураць свае дамы за ўласны кошт, а таму, хто замаруджаў выкананне гэтага распараджэння, пагражаў грашовым штрафам. У выніку цэны на нерухомае падскочылі ў 3 разы. Таму толькі чвэрць жыхароў Брэста змагла набыць новыя дамы, а большая частка засталася зусім без прытулку і даху над галавой [39, с. 72]. Шмат людзей сталі бадзягамі, эмігрыравалі, адзначаны выпадкі і прымусовага высялення з дамоў [39, с. 73–75].

У ноч на 22.06.1842 г. унутры крэпасці адбыўся моцны пажар, які знішчыў 18 драўляных і 56 мураваных будынкаў жыхароў. Камісарыяцкія магазіны, якія знаходзіліся ад іх у 30 сажнях, ледзь захаваліся. Сабраныя доказы дазвалялі зрабіць выснову, што ў зламысных падпалах былі замешаныя яўрэі. Тады было паднята пытанне аб знішчэнні ўнутры крэпасці дамоў жыхароў, асабліва яўрэяў, размешчаных па суседству з казённымі будынкамі. І. Ф. Паскевіч меркаваў, што яўрэі павінны былі выселіцца з крэпасці на фарштаты да 1843 г. з вызначэннем ім узнагароды па справядлівай ацэнцы іх маёмасці. Аднак

было вырашана выселіць яўрэяў загадзя – да 1.09.1842 г. Для ажыццяўлення намечанай меры належыла выплаціць кожнаму домаўладальніку звыш ацэнкі нерухомай маёмасці яшчэ па 100 руб. Імператар Мікалай I дазволіў рэалізацыю гэтай задумы, і ў дадатак да таго, каб знішчыць яшчэ размешчаныя паблізу з казённымі дамамі і драўляныя пабудовы хрысціян, загадаў даць ім узнагароду па 200 руб. серабром на кожнага домаўладальніка. Па прычыне аднатыпнасці пабудов і сапраўднай ацэнкі іх кошту хрысціяне не пратэставалі. Больш цяжкай і забытанай была справа з кампенсацыйнымі выплатамі для яўрэяў, якія атрымалі на рукі толькі грашовую дапамогу за папярэдняе высяленне. Справядлівая ацэнка іх нерухомай маёмасці рабілася свавольна, часта ад яе зусім ухіляліся. Яўрэйскія ацэньшчыкі намячалі да выдачы больш за 50 тыс. руб., многім сем'ям па некалькі тыс. руб. на чалавека, у той час як паводле нормаў, усталяваных для хрысціян, ім належыла даць менш за 7 тыс. руб. Пацярпелыя яўрэі былі разбітыя на некалькі катэгорый атрымальнікаў дапамогі не ў залежнасці ад якасці знішчанай маёмасці, а выключна згодна з здатнасцю кожнага з іх да подкупу і суцяжніцтва. Грамадзянскі суд не змог устанавіць ісціну. Імператар Мікалай I вырашыў проста ўсіх яўрэяў падвесці пад адну катэгорыю перасяленцаў, г. зн. выдаваць за кожны знішчаны дом па 100 руб. серабром звыш атрыманых грашовых дапамог [20, с. 233]. Адначасова з-за празмерна высокай ацэнкі дамоў удзельнікі гэтай справы, у тым ліку члены Брэсцкай ацэначнай камісіі, якія правялі няправільную ацэнку прыватных дамоў, належных да зломкі пры будаўніцтве крэпасці, былі прыцягнутыя да ваеннага суда [40]. У 1842 г. выйшаў загад аб высяленні жыхароў з крэпасці на фарштаты. Аднак яўрэі выклапаталі для сябе застацца яшчэ год на ранейшых месцах жыхарства, пасля чаго абавязваліся зламаць свае дамы і адбудоўвацца на вызначаных ім плошчах. Калі тэрмін падыходзіў да сканчэння, яўрэі спасаліся на беднасць і немагчымасць для іх будаваць новыя дамы па найвышэйша зацверджаных фасадах. Таму яны прасілі адвесці ім месца пад слабодку на парожніх землях за фарштатамі. Іх хадайніцтва было ўхвалена [20, с. 237, 238]. Брэсцкім яўрэям, якія перасяліліся на фарштаты, была растэрмінавана выданая ў 1837 г. грашовая пазыка [27, спр. 1537].

У 1848 г. жыхары Брэста, якія былі выселены з крэпасці на фарштаты і мелі ў фартэцы ўласныя землі, прасілі даць ім замест грашовай узнагароды ва ўласнасць тыя зямельныя ўчасткі, якія ім былі выдзеленыя на фарштатах з абавязкам выплаціць дзяржаўнай казне кошт, паводле якога гэтыя ўчасткі былі набытыя фактычна. Імператар Мікалай I зацвердзіў і гэтак прашэнне брэстчан [20, с. 394]. І надалей узнікалі пытанні, звязаныя з выкупам дзяржавай прыватнаўласніцкай зямлі пад крапасныя патрэбы. Так, у 1858 г. створаная для вызначэння кошту земляў ацэначная камісія вылічыла кампенсацыю для памешчыка Швыкоўскага і мяшчан Брэста за скопванне зямлі насупраць 1-га бастыёна Кобрынскага ўмацавання крэпасці [37, спр. 1036, арк. 9–9 адв., 39].

Усяго ж пасля спісання ўрадавых даўгоў паводле імператарскага маніфеста ад 26.08.1856 г. да 1861 г. заставалася яшчэ шмат грашовых запасычанацей дзяржаўнаму казначэйству, акрамя нядоімак. Жыхары Бабруйска па

пазыцы 1826 г. у памеры 100 тыс. руб. асігнацыямі, выдзеленай для пераносу іх дамоў па-за крэпасці, павінны былі выплаціць без працэнтаў 4108,55 руб. серабром, Дынабургскай – 15838,26 руб. серабром [41, л. 201, 225 об.].

Табліца

**Агульныя выдаткі на пабудову крэпасцей у Дынабургу,
Брэст-Літоўску і Бабруйску да 1862 г. [42, с. 155–156]**

Месцазнаходжанне крэпасці	Выдаткавана да 1862 г.	Належыла да выдачы	
		На сканчэнне работ	На неабходныя работы
Дынабург	9.669.002	2.880.000	2.310.000
Брэст-Літоўск	6.270.698	4.311.000	2.933.300
Бабруйск	4.861.780	2.573.000	264.000
Усяго на 3 крэпасці	20.801.480	9.764.000	5.507.300
Разам па імперыі	100.088.633	47.893.111	36.082.411
%	20,8	20,4	15,3

Такім чынам, на ўзвядзенне крэпасцей у Бабруйску, Дынабургу, Брэст-Літоўску з 1802 да 1862 г., па афіцыйных звестках ваеннага ведамства, была адпушчана прыкладна 1/5 частка з усёй сумы, прызначанай на пабудову доўгачасовых фартыфікацыйных умацаванняў у Расійскай імперыі. Самым дарагім з пункту гледжання фінансавых рэсурсаў і з прычыны няўліку асаблівасцей мясцовасці стала будаўніцтва Дынабургскай крэпасці, а танным – Бабруйскай. Усе тры крэпасці ўладкоўваліся працяглы час, нават пасля змен ваенна-палітычнай сітуацыі, міжнародных абставін, шляхоў і напрамкаў задавальнення геапалітычных амбіцый расійскай манархіі ў першай палове XIX ст. Фінансаванне ваенна-абарончых фартыфікацыйных збудаванняў на беларускіх землях у першай палове XIX ст. адбывалася за кошт фінансавых сродкаў дзяржаўнага казначэйства і з грашовых фондаў ваеннага ведамства. Акрамя ваеннаслужачых, да забеспячэння будаўніцтва ваенна-абарончых аб’ектаў на тэрыторыі Беларусі прыцягваліся мясцовыя людскія, матэрыяльныя і фінансавыя рэсурсы. Прадугледжваліся грашовыя кампенсацыі з боку дзяржаўнага казначэйства жыхарам за адчужаную ў іх для пагрэб фартыфікацыйнага будаўніцтва нерухомую маёмасць, але працэс пагашэння выданных урадам пазык расцягнуўся на працяглы час.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лукашевич, А. М. Российские планы крепостного прикрытия западных границ империи (1772–1812 гг.) / А. М. Лукашевич // Сборник научных трудов Центра пограничных исследований Объединённого научного центра Пограничного комитета Союзного государства / Центр пограничных исследований; редкол.: А. А. Павловский (пред.), А. М. Лукашевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Харвест, 2003. – С. 6–35.

2. Лукашевич, А. М. Фортификационная подготовка Белорусского театра военных действий: планы и реализация (1810–1812) / А. М. Лукашевич // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VIII: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / под ред. В. М. Безотосного, А. А. Смирнова // Труды Государственного Исторического музея. – М., 2009. – Вып. 181. – С. 39–95.
3. Лукашевич, А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск: БГУ, 2010. – 319 с., 8 л. цв. карт.
4. Ненадавец, А. М. Бабруйская крэпасць / А. М. Ненадавец. – Бабруйск, 2005. – 194 с.
5. Буняк, А. И. Место Бобруйской крепости в системе оборонительных сооружений Российской империи в начале XIX века / А. И. Буняк // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – Минск: РИВШ, 2016. – Вып. 16, ч. 1. – С. 47–54.
6. Квитницкая, Е. Д. Планировка Бобруйской крепости / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – 1976. – № 25. – С. 25–34.
7. Чантурия, Ю. Ансамбль Бобруйской крепости – произведение зодчего А. Е. Штауберга / Ю. Чантурия // Архитектура и строительство. – 2017. – № 6. – С. 40–44.
8. Веревоичникова, Г. К. Памятник военной архитектуры 19 в. – Даугавпилсская (Динабургская) крепость. История и современность / Г. К. Веревоичникова // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, Віцебск, 22–23 кастрычніка 2009 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск: Медысон, 2010. – С. 166–182.
9. Аўсейчык, І. Бабруйская крэпасць: помнік гісторыі і архітэктуры / І. Аўсейчык // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 9. – С. 18–30.
10. Бобруйская крепость / сост. В. Мельников. – Бобруйск: ФанДОК, 2019. – 365 с., 24 л. ил.
11. Карпук, А. М. Фарміраванне фартыфікацыйных збудаванняў Новага часу на прыкладзе Бабруйскай крэпасці / А. М. Карпук // Прафесійны вопыт у галіне аховы гісторыка-культурнай спадчыны: да 25-годдзя Міжнароднай летняй школы «Нясвіжская акадэмія»: зборнік навуковых артыкулаў / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў. – Мінск, 2020. – С. 256–267.
12. Бешанов, В. В. Брестская крепость / В. В. Бешанов. – М.: Эксмо, 2009. – 352 с.
13. Брестская крепость. Война и мир / автор текста А. Суворов. – Брест: Полиграфика, 2010. – 256 с., ил.
14. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отд. 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1901–1914. – Т. 1, ч. 1: Подготовка к войне в 1810 г. – 1900. – IX, 120, XV с.

15. Столетие Военного министерства 1802–1902: в 13 т. – СПб.: Типография «Бережливость»; Поставщиков двора его императорского величества товарищества М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 7. Ч. 1: Главное инженерное управление. Исторический очерк. Царствование императора Александра I / составил генерал-майор И. Г. Фабрициус. – 1902. – 4, LXXXIV, 788, 318 с., 66 л. ил., портр., черт.

16. О построении новой крепости в Бобруйске: высочайше утверждённый доклад военного министра 10.08.1810 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 31. – № 24321. – С. 308–309.

17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 655. Воп. 1. Спр. 1.

18. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 101.

19. НГАБ. – Ф. 1537. Воп. 1. Спр. 4.

20. Тимченко-Рубан, Г. И. Очерк деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью / Г. И. Тимченко-Рубан. – СПб.: Тип. Усманова, 1912. – Т. 1: Инженерная организация и техника. – 1912. – VII, 498 с.

21. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I. Составлено по распоряжению Главного инженерного управления / под ред. А. Савельева. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1896. – XXIV, 246, VI с.

22. Жерве, К. К. Воспоминания Константина Карловича Жерве / К. К. Жерве // Исторический вестник. – 1898. – Т. 72, № 4–6. – С. 732–776.

23. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 61, 181, 704, 707, 708, 719, 740, 750, 755, 765-9; Воп. 4. Спр. 2954.

24. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 198.

25. Шумахер, Л. И. Бобруйская крепость. Исторический очерк крепости и города / Л. И. Шумахер. – М., 1963. – 69 с. (рукопись) // Фонды Бобруйского краеведческого музея. № 569 (захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі).

26. Ненадавец, А. М. Бабруйская крэпасць / А. М. Ненадавец. – Бабруйск, 2005. – 194 с.

27. Государственный исторический архив Литвы в Вильнюсе. – Ф. 378 (общий отдел). Оп. 45, 1837 г. Д. 1685; Оп. 53, 1845 г. Д. 1537.

28. НГАБ. – Ф. 2512. Воп. 1. Спр. 82, 84, 86.

29. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 556, 50137.

30. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 4647, 4978; Воп. 6. Спр. 897.

31. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. 16778.

32. НГАБ. – Ф. 2626. Воп. 1. Спр. 532.

33. Савельев, А. И. Исторический очерк инженерного управления в России: в 3 ч. / А. И. Савельев. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1894. – Ч. 3. – II, 348 с.

34. Кутузов М. И.: сборник документов: в 5 т. / под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Изд-во АН СССР; Воениздат, 1950–1956. – Т. 5. – 1956. – XXXVII, 829 с.

35. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. – СПб.: Типография И. Огрызко, 1863. – Ч. 2. – VIII, 1074 с.

36. Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1835. – № 9.

37. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. (НГАБГ). – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 459, 2896; Воп. 13. Спр. 1036.

38. О порядке удовлетворения жителей новых форштатов города Бреста-Литовского за воинский постой: высочайше утверждённое 9.02.1837 г. положение Комитета министров // Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 1825 по 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1862. – Т. 12-1, № 9931. – С. 87–88.

39. Венгерова, П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века / П. Венгерова. – СПб.: Академический проект, 2005. – 272 с., ил.

40. НГАБГ. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 1420.

41. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). – Ф. 1152. Оп. 14. Д. 62.

42. Столетие Военного министерства 1802–1902: в 13 т. – СПб.: Типография «Бережливость»; Поставщиков двора его императорского величества товарищества М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 1. Исторический очерк развития военного управления в России / сост. Н. А. Данилов. – Приложения. – 1902. – [6], 189 с.

(Дата поступления: 19.05.2024 г.)

ФІНАНСАВАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ ДАМІНІКАНСКАГА ОРДЭНА ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ: ПАСТАНОЎКА ПЫТАННЯ

Захарыч В. І.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца гісторыя ўзнікнення і функцыянавання структур Дамініканскага ордэна на землях Вялікага Княства Літоўскага ў XVII – першай трэці XIX ст. Асноўная ўвага нададзена гістарыяграфічнаму і дакументальнаму патэнцыялу вывучэння фінансаванага забеспячэння Ордэна на беларускіх землях. Аўтар аналізуе розныя віды крыніц фінансавання, асабліваю ўвагу звяртае на фоны Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.

Ключавыя словы: Дамініканскі ордэн; Католіцкая царква; Вялікае Княства Літоўскае; фінансаванае забеспячэнне.

FINANCIAL SUPPORT OF THE DOMINICAN ORDER IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: STATEMENT OF THE PROBLEM

Zakharych V. I.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article examines the history of the emergence of the structures of the Dominican Order in the lands of the Grand Duchy of Lithuania in the 17th and first third 19th centuries. The main attention is paid to the historiographical and documentary potential of the study of the financial support of the Order in the Belarusian lands. The author analyses various types of funding sources, paying special attention to the funds of the National Historical Archive of Belarus.

Keywords: Dominican Order; Catholic Church; Grand Duchy of Lithuania; Financial support.

Католіцкая царква ў Вялікім Княстве Літоўскім з канца XIV ст. стала дзяржаўнай канфесіяй, аднак не была дамінуючай у колькасным плане. За першую палову XVI ст. яна згубіла частку прыхаджан з ліку магнатаў і заможнай шляхты. Падтрымку пратэстанцкім рухам аказалі Мікалай Радзівіл Руды, Астафій Валовіч, Ян Кішка, Ян Глябовіч, Юрый Зяновіч і інш.

Рэфармацыя і працэсы канфесіяналізацыі ў Еўропе запатрабавалі ад Католіцкай царквы змен. Трыдэнцкі сабор (1545–1563) стаў адпаведным пунктам у працэсе яе абнаўлення. Дэкрэты і каноны Сабора сталі своеасаблівым адказам на пратэстанцкі рух, што ўвасобілася ў доўгім працэсе Контррэфармацыі. Сабор, які абверг пастулаты пратэстанцкага руху і ўмацаваў дагматычныя палажэнні, фактычна пацвердзіў першынство Касцёла як адзінага аўтарытэту

ў пытаннях хрысціянскай веры, а ліквідацыя злоўжыванняў, павышэнне дысцыплінаванасці і змены адукацыйнай сістэмы дапамаглі кансалідаваць сілы. Зацікаўленасць папства была не толькі ў аднаўленні сваіх пазіцый, але і ў пашырэнні і ўмацаванні ўплыву на вернікаў. Дзеля барацьбы з рэлігійным інашадумствам дзейнічала інквізіцыя, для кантролю літаратуры – створаны «Індэкс забароненых кніг», а дзеля разгортвання новых місіянерскіх акцый павышаўся інтэлектуальны ўзровень кліру праз падрыхтоўку ў новых навучальных установах. Рэфармаваліся структурныя адзінкі Каталіцкай царквы: з дапамогай ўзмоцненага кантролю біскупстваў праз візітацыі парафій і належае вядзенне дакументацыі іх работа стала больш упарадкаванай і эфектыўнай, карэктавалася дзейнасць старых манаскіх ордэнаў і ствараліся новыя.

Ва ўмовах Контррэфармацыі і падтрымкі з боку вышэйшых духоўнай і свецкай улад каталіцкія манаскія ордэны мелі большыя магчымасці для ажыццяўлення сваіх мэт. Так, у 1540 г. папа рымскі ўхваліў стварэнне Ордэна езуітаў, у 1564 г. яны з'явіліся ў Польшкім Каралеўстве, а неўзабаве – і ў Вялікім Княстве Літоўскім. Езуіты разгарнулі моцную дзейнасць па распаўсюджванні каталіцтва з дэвізам «Для большай славы Божай». Ва ўмовах Контррэфармацыі і падтрымкі з боку вышэйшых духоўнай і свецкай улад Ордэн меў шырокія магчымасці: папскія прывілеі дазвалялі езуітам займацца гандлёвымі і банкаўскімі справамі, у дзяржаву былі запрошаны здольныя місіянеры, багасловы, прапаведнікі, пісьменнікі, наладжвалася сістэма адукацыі. Аднак папства таксама было зацікаўлена ў падтрымцы дзейнасці Дамініканскага ордэна з дэвізам «Усхваляць, бласлаўляць, прапаведваць», улічваючы ягоны галоўны прапагандысцка-місіянерскі накірунак дзейнасці. Ордэн меў вопыт у барацьбе з ерасямі, парадзіў шэраг таленавітых і адукаваных выхадцаў. Прадстаўнікі Ордэна непасрэдна ўдзельнічалі ў Трыдэнцкім саборы і, у прыватнасці, у напісанні яго дакументаў. Цягам XVII–XVIII стст. разам з бернардзінцамі, французсканцамі, кармелітамі, піярамі і іншымі каталіцкімі манаскімі ордэнамі дамініканцы вялі сваю дзейнасць у Вялікім Княстве Літоўскім. Але менавіта Дамініканскі ордэн мог канкурыраваць з асноўным ордэнам Контррэфармацыі – езуіцкім – па колькасці цэнтраў.

Дамініканскі ордэн з'яўляецца сталым манаскім аб'яднаннем, дзейнасць якога бярэ пачатак у XIII ст. Яго асаблівасцю з'яўляецца яго еднасць. Так, ён не меў унутранага расколу на адгалінаванні дзякуючы гнуткай палітыцы і гатоўнасці да рэфармавання і адаптавання да абставін, у тым ліку і па пытаннях эканамічнай палітыкі. XVI і XVII стст. былі новай эпохай, якая патрабавала перамен, і здольнасць да іх прыняцця вызначала паспяховасць далейшай дзейнасці Ордэна. Паслятрыдэнцкі час патрабаваў ад розных элементаў Касцёла кансалідацыі і дапамогі ў аднаўленні пазіцый, такая ж роля надавалася і манаскім ордэнам. У гэтых умовах Дамініканскі ордэн разам з іншымі манаскімі аб'яднаннямі змог замацавацца ў межах Вялікага Княства Літоўскага.

У гісторыі Беларусі ранняга Новага часу Дамініканскі ордэн быў адным з найбольш прадстаўнічых па колькасці кляштараў і кліру на нашых землях. На момант падзелу Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў у 1772 г. Ордэн налічваў на беларускіх землях 41 кляштар і каля 460 манахаў [1].

Паспяховае ж функцыянаванне немагчыма без матэрыяльнай базы і сталай фінансавай падтрымкі. Спрыянне Ордэну з боку каралеўскай улады ў пачатку XVII ст., у прыватнасці збліжэнне з вялікім князем Уладзіславам IV Вазам, падтрымка з боку шляхты на працягу XVII – першай трэці XIX ст. дазвалялі дамініканцам весці сваю прапаведніцкую, душпастырскую, асветніцкую місію на тэрыторыі дзяржавы. Кіруючыся ўплывам дамініканскіх капэланаў пры магнацкіх родах, рэлігійнымі ўяўленнямі, модай на каталіцкасць, шляхта ахвяравала сродкі, і справа падтрымкі Дамініканскага ордэна ў некаторых выпадках становілася родавай (як у сем’ях Патоцкіх, Сапегаў, Слушак і інш.) [2].

Гістарыяграфія. Як паказвае аналіз гістарыяграфіі, даследаванне фінансавых інстытутаў і фінансавога забеспячэння Касцёла і ягоных структурных адзінак у Вялікім Княстве Літоўскім, у прыватнасці на беларускіх землях, у канцы XVI–XVIII ст. у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, за апошнія стагоддзе закралася сегментарна, у прыватнасці ў работах па гісторыі біскупстваў, па ўзаемадзеянні магнацкіх родаў і Касцёла, але не стварыла абагульняючага даследавання ва ўмовах пануючай сацыяльна-палітычнай і нацыянальнай парадыгм XX ст.

Вылучаюцца работы, прысвечаныя біскупскаму землеўладанню і забеспячэнню маёмасцю структур царквы. Сярод уплывовых аўтараў і іх даследаванняў неабходна ўгадаць наступныя. Зямельнай уласнасці Віленскага біскупства прысвечана работа Е. Ахманьскага, якая апісвае ўласнасць Віленскага біскупства і дазваляе прасачыць яго маёмаснае развіццё ў Сярэднявеччы [3]. Жамойцкаму біскупству сваю работу прысвяціў Г. Блашчык [4]. Тэматыку каталіцкіх мястэчак у валоданнях Пазнаньскага і Гнезненскага біскупстваў у XIII–XIV стст. разглядаў М. Бруста [5; 6]. З сучасных беларускіх аўтараў вылучаецца А. А. Пруднікаў, які акрэсліў прынцыпы функцыянавання гарадской эканомікі на тэрыторыі Беларусі, належных структурам каталіцкай царквы, ва ўмовах ваеннага і эканамічнага крызісу XVII–XVIII стст. [7]. Калі разглядаць пытанне забеспячэння манаскіх ордэнаў на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, то спецыяльных работ на гэты конт не створана. Больш блізка да гэтай тэмы падыйшоў у сваіх манаграфіях Я. Н. Мараш [8; 9], які разгледзіў крыніцы прыбытку для каталіцкіх ордэнаў, працэс фарміравання манаскага ўладання і яго змест. Аднак большую частку займае праблема езуіцкага землеўладання, што тлумачыцца захаванасцю паезуіцкіх маёмасных дакументаў за 1790 г., на аснове якіх аўтарам рабіліся адпаведныя падлікі.

У цэлым найбольш папулярным перыядам даследаванняў з’яўляецца канец XVIII–XIX ст., бо маецца добра захаваны комплекс дакументаў па архівах Магілёўскай і Мінскай рыма-каталіцкіх кансісторый. Звяртаючыся менавіта да дамініканскіх валоданняў і іх фінансаў, трэба зазначыць, што падобныя пытанні закранулі С. Баронч і Я. Гіжыцкі ў працах другой паловы XIX – пачатку XX ст. [10–13]. Для кожнага кляштара Рускай і Літоўскай правінцыі змешчаны агульныя даведачныя звесткі, сустракаюцца апісанні фундаваў запісаў, буйнейшых грашовых і зямельных наданняў цягам існаван-

ня манаскага комплексу. Тым не менш пададзеныя звесткі не былі належным чынам прааналізаваны, што дае патэнцыял для перапрацоўкі дадзенага матэрыялу.

Такім чынам, у гістарыяграфіі Цэнтральна-Усходняй Еўропы пытанне фінансавай забяспечанасці манаскіх ордэнаў Каталіцкай царквы разгледжана нераўнамерна, увага надавалася зямельнай маёмасці і фундушам на стварэнне новых цэнтраў. Аднак фундушы з’яўляюцца толькі часткай матэрыяльнай базы Ордэна, яго асобных кляштараў, увогуле фінансавання місіі Касцёла на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага ў XVII–XVIII стст.

Характарыстыка крыніц. Праблема фінансавога забеспячэння Дамініканскага ордэна ў XVII–XVIII стст. дастаткова добра прадстаўлена наступнымі відамі крыніц.

Акты фундацый і фундушы – распарадчыя акты і гарантыйныя квіткі на перадаваемую маёмасць. Яны з’яўляюцца каштоўнымі крыніцамі інфармацыі, якія апісваюць матывацыю падараванняў, падрабязна акрэсліваюць маёмасныя ўладанні і грашовыя сумы, прاپісваюць умовы іх атрымання, дапамагаюць пабудоваць генеалагічныя сеткі фундатараў. Напрыклад, фундушы і іх копіі прадстаўнікоў родаў Сапегаў ці Пацаў можна знайсці ў «Гісторыка-юрыдычных матэрыялах» [14; 15], «Матэрыялах да гісторыі сакральнага мастацтва на ўсходніх тэрыторыях былой Рэчы Паспалітай» [16] і ў фондах Мінскага земскага суда ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [17].

Другім відам крыніц з групы даравальных актаў з’яўляюцца тастаменты. Яны раскрываюць характар двухбаковых адносін завяшчальніка і атрымальніка, у дадзеным выпадку дакладнага дамініканскага кляштара. Тастаменты даюць інфармацыю аб памерах адвольнага фінансавання з боку насельніцтва ў абмен на выкананне рэлігійных абавязкаў (найчасцей просьбы аб пахаванні ў касцёле і просьбы за малітвы пасля смерці). Напрыклад, для Мінскага дамініканскага кляштара комплекс тастаментаў знаходзіцца ў актах Мінскага магістрата ў фондзе 1727 НГАБ [18].

Судовыя акты (земскіх, гродскіх, магістрацкіх, а таксама трыбунальскага судоў) дазваляюць раскрыць узаемаадносіны з насельніцтвам праз прызму канфліктаў, а таксама рэканструяваць працэс фарміравання кляштарнай уласнасці праз судовыя прэтэнзіі, бо вышэйузгаданыя акты тастаментаў часта з’яўляліся аб’ектам спрэчак з родзічамі ахвярадаўцы, якія былі незадаволеныя апошняй воляй паміраючага. У выпадку з дамініканцамі Астроўскага кляштара ў 1716 г. манахі скардзіліся ў суд на невыкананне палажэнняў завяшчання Андрэя Старасельскага яго жонкай, якая адмовілася выплаціць суму ў 500 польскіх злотых [19, с. 39–42].

Акты правінцыйных капітул, для беларускіх зямель – і Літоўскай, і Рускай – з’яўляюцца важнымі крыніцамі інфармацыі, бо на рэгулярных правінцыйных сходах вырашаліся і гаспадарчыя пытанні. У доступе даследчыкаў сёння знаходзяцца Акты капітул Літоўскай правінцыі за 1646–1839 гг. і Акты капітул Рускай правінцыі за 1598–1825 гг., апрацаваныя дамініканскім даследчыкам Ф. Мадурай і выкладзеныя ў выглядзе машынапісаў у доступ архівам Польскай правінцыі дамініканцаў у Кракаве [20–22].

Сістэматызаванымі крыніцамі інфармацыі аб эканамічным стане з'яўляюцца інвентары і візітацыі. Гаспадарчыя апісанні ўладанняў – інвентары, а таксама візітацыі – акты наведванняў кляштараў правінцыйным кіраўніцтвам – з'яўляюцца найбольш каштоўнымі крыніцамі інфармацыі, якія найбольш поўна адлюстроўваюць матэрыяльны стан таго ці іншага кляштара, дазваляюць прасачыць эвалюцыю дамініканскіх сядзіб, ацаніць даходнасць. Збольшага з захаваных і даступных матэрыялаў на другую палову XVIII – пачатак XIX ст. з'яўляюцца апублікаваныя інвентары кляштараў, якія знаходзяцца ў фондах 604 і 694 Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва па такіх мясцінах, як Васілішкі за 1861 г., Гродна за 1820 г., Дзярэчын за 1830 г., Ельня за 1817 г. [23, s. 121–123; 24, s. 112–131; 25, s. 32–46; 16, s. 67–71]. Захаваліся акты візітацый і інвентары за 1786 г. па Рускай правінцыі ў такіх кляштарых, як Зембін, Хатаевічы, Мінск, Заслаўе, Ракаў, Стоўбцы, Клецк, Навагрудак, Пінск, Рэчыца, Бухавічы [26]. Візіты кляштараў за 1804 (а таксама за 1818 і 1820-я гг.) захаваліся ў НГАБ у фондзе 1781 па кляштарых у Заслаўі, Зембіне, Клецку, Мінску, Нясвіжы, Ракаве, Рэчыцы, Стоўбцах, Хатаевічах, Халопенічах [27–36]. Нягледзячы на апісанне кляштараў у пачатку XIX ст., дакументы ўзгадваюць першыя кляштарэўтваральныя фундушы, буйных ахвярадаўцаў, якія завяшчалі сялянскія службы пасля смерці, нявыплачаныя пазычаныя манахамі сумы і іншыя прававыя моманты з XVII–XVIII стст.

Дапоўніць і верыфікаваць інфармацыю аб фінансавых аперацыях магчыма праз кляштарныя хронікі, якія найлепш ілюструюць станаўленне дамініканскіх кляштараў, бо, акрамя пагадавой формы падачы матэрыялу і разнастайных гістарычных звестак па мікрагісторыі, яны ўтрымліваюць звесткі і аб фінансавай дзейнасці, напрыклад, пра новыя паступленні і выдаткі манахаў, якія немагчыма прасачыць у іншых крыніцах. Часткова апублікаваныя хронікі пінскага і забельскага кляштараў ад часу заснавання (1664 і 1716 гг. адпаведна) да канца XVIII ст. [12, s. 284–317; 13, s. 295–366].

Археаграфічны патэнцыял. Звяртаючыся да дакументальнага патэнцыялу ў вывучэнні фінансавога забеспячэння дамініканскіх манаскіх цэнтраў, магчыма адзначыць дастаткова добрую захаванасць разнастайных тыпаў дакументальных крыніц у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску. Гэта дазваляе засяродзіцца на вывучэнні фінансавога забеспячэння менавіта дадзенага ордэна, яго матэрыяльнай складаючай на тэрыторыі Беларусі.

Найбольшую цікавасць уяўляюць матэрыялы прыватна-прававога характару, якія размешчаны ў кнігах земскіх ці гродскіх судоў (Слонімскага земскага суда (ф. 1785), Мінскага гродскага суда (ф. 1727), Навагрудскага гродскага суда (ф. 1730), Пінскага гродскага суда (ф. 1733), Браслаўскага земскага суда (ф. 1747), Гродзенскага земскага суда (ф. 1755)). Так, акты Слонімскага земскага суда за кошт добрай захаванасці дазваляюць рэканструяваць маёмасныя адносіны паміж дамініканцамі Дзярэчына, Слоніма, Гошчава, з аднаго боку, і мясцовымі маёмаснымі элітамі – з другога, якія часам набывалі рысы непасрэднай канфрантацыі, як у выпадку справы харужага І. Макавецкага і слоніmsкіх дамініканцаў. Фонд Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі (ф. 1781) каштоўны забяспечанасцю матэрыяламі візітацый дамініканскіх

кляштару ў часы Расійскай імперыі за 1804, 1818, 1822, 1827, 1829 гг., якія ўтрымліваюць фінансавыя наданні кляштарам у часы Рэчы Паспалітай.

Таксама вялікімі рэпрэзентатыўнымі комплексамі крыніц па праблеме валодаюць архівы Літвы і Польшчы. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў захоўвае інвентары з апісаннямі матэрыяльнага забеспячэння некаторых кляштару Літоўскай правінцыі на першую трэць XIX ст. У Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве неабходна вылучыць вельмі важны для гісторыі Беларусі фонд – Варшаўскі архіў Радзівілаў, які захоўвае дакументы аб фінансавым забеспячэнні дамініканцаў Нясвіжа, Бухавіч, Стоўбцаў, Клецка, Ельні. Большая частка дакументаў адносіцца да перыяду XVIII ст. і ўтрымлівае дакументы аб запісах фондушаў на ўтрыманне кляштару і арганізацый пры іх, напрыклад, дамініканцаў Нясвіжа і іх ружанцовага брацтва. Важнымі крыніцамі інфармацыі з’яўляюцца матэрыялы Архіва Польскай правінцыі дамініканцаў у Кракаве, які захоўвае дакументы аб трынаццаці беларускіх кляштарах, сярод якіх акты маёмасных спраў, рэестры даходаў і расходаў і найбольш каштоўныя, унікальныя па захаванасці інвентары кляштару Рускай правінцыі за 1708–1709 гг. З іх дапамогай, а таксама з дапамогай апублікаваных інвентароў тых жа кляштару за 1786 г. магчыма зрабіць парўнаўчы аналіз становішча дамініканскіх кляштару ў XVIII ст.

Такім чынам, пры дастаткова слабай распрацаванасці ў аичыннай і замежнай гістарыяграфіі праблематыка фінансаванага матэрыяльнага забеспячэння Дамініканскага ордэна на землях Вялікага Княства Літоўскага ў XVII–XVIII стст. мае добры падмурак для спецыяльнага даследавання ў выглядзе разнастайнага комплексу дакументальных крыніц менавіта за вызначаны перыяд.

Місія Ордэна і змена фінансава-прававых умоў. Місія Ордэна ў Каталіцкай царкве была дакладна вызначана ў XIII ст., калі ў 1216 г. Дамінік дэ Гусман аформіў новы ордэн з мэтай барацьбы супраць ерасі альбігойцаў у Паўднёвай Францыі і пашырэння ўплыву Каталіцкай царквы. Цягам стагоддзя акрэслілася асноўная задача – евангелізацыя насельніцтва; вызначыліся арганізацыйныя і прававыя ўмовы функцыянавання. Новае ўтварэнне было даволі паспяховым: на канец XIII ст. Ордэн налічваў 12 правінцый, дзе ў кляштарах пражывала каля 10 тыс. манахаў. Склалася структура Ордэна: на розных узроўнях вылучаецца адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка, пры ім – заканадаўча-распарадчы орган кіравання і абраная ім асоба для кантралюючых і распарадчых паўнамоцтваў. Галоўнымі адзінкамі былі кляштары, якія для зручнасці аб’ядноўваліся ў акругі (кантракты), а тыя – у правінцыі [37, слп. 1681–1686].

Неабходна падкрэсліць, што дамініканцы ў Сярэднявеччы і раннім Новым часе мянялі схему арганізацыі эканамічнага жыцця, што было звязана са спосабамі выхаду Ордэна з перыядычных крызісаў. У XIII ст. Ордэн ствараўся як жабрацкі і адмовіўся ад уладання ўласнасцю, жывучы толькі на добраахвотныя ахвяраванні [37, слп. 1681–1686], што адбывалася на фоне рэзка негатыўнай ацэнкі валодання маёмасцю Касцёлам цалкам і яго прадстаўнікамі на месцах. Галоўны прынцып такіх ордэнаў – калектыўная адмо-

ва ад усялякай уласнасці, апора на ўласную працу і дабрачыннасць вернікаў. Гэтыя патрабаванні адпавядалі выкліку свайго часу. Аднак з часам магчымымі да практычнага выканання такія ўмовы не сталі. Ужо ў XIV ст. у Ордэне назіраліся крызісныя з'явы на фоне стыхійных бедстваў, заняпаду схаластыкі і пагаршэння маральнасці грамадства. Адной з праблем стала беднасць, бо з-за фактараў, якія не залежалі ад дамініканцаў, стала вельмі цяжка жыць у жабрацкай беднасці і следаваць прыкладу першых апосталаў. Прыёры пачалі набываць маёмасць і мець фіксаваныя даходы [38]. Акрамя таго, у XV ст. ва ўмовах наступнага этапу развіцця манаскага ўтварэння вялікаму па памеры Ордэну з такімі накірункамі развіцця, як адукацыя і місіянерства, не хапала сродкаў для развіцця. Улічваючы, што манахам забаранялася фізічная праца, якая замяіла навукавай, выкладчыцкай і прапаведніцкай дзейнасці братоў, неабходна было прымаць па рэфармаванні ордэнскай уласнасці і фінансаў. Наданне манахам у карыстанне земляў для пракармлення разам з падданымі для абслугі павінна было вырашыць узніклую праблему.

Справа спрэчнасці жабрацкасці Ордэна і яго незалежнага фінансаванага становішча вырашалася на заканадаўчым узроўні Каталіцкай царквой амаль стагодзе. Так, у 1475 г. папа рымскі Сікст IV выдаў булу «Аб магчымасці мець маёмасць». У адпаведнасці з ёй генеральны магістр Ордэна звяртаўся да папы рымскага з паведамленнем, што хоць ордэн пасляхова развіваецца і мае перспектывы, аднак адчувае недахоп сродкаў на існаванне з-за іх беднасці, блягіх падзей, памяншэння міласціні і г. д. Папа пайшоў насустрач і абвясціў, што рухомую і нерухомую маёмасць, нададзеныя ахвяраванні і іншыя даброты Ордэны будуць валодаць праз намеснікаў па праву калектыўнай уласнасці для свабоднага законнага кіравання, нягледзячы на канстытуцыі і розныя пастановы, аднак пры гэтым неабходна захоўваць стыль жыцця, адпаведны жабрацкаму [39, с. 528–529]. У 1477 г. папа выдае яшчэ адну булу «Наконт пакупкі маёмасці за давераныя нам грошы», дзе пацвярджае вышэйазначанае і дае адпуст [39, с. 550]. Нарэшце, на XXV сесіі Трыдэнцкага сабора ў 1563 г. быў выдадзены дэкрэт «Аб манаствующих і манахах», які пастанавіў, што «Святы Сабор дазваляе надалей валодаць нерухомай маёмасцю ўсім кляштарам і мясцінам, мужчынскім, жаночым і жабрацкім, нават тым, якім забаранялі іх устанаўленні або не было дадзена апостальскай прывілегіі <...> У згаданых кляштарых <...> няхай жыве і захоўваецца пасля такая колькасць насельнікаў, якую можна пракарміць з даходаў кляштара або ад звычайнай міласціны» [40, с. 198].

Такім чынам, толькі да другой паловы XVI ст. Дамініканскаму ордэну было афіцыйна дазволена валодаць маёмасцю і мець сталыя крыніцы прыбытку, што садзейнічала яго ўмацаванню на фоне Рэфармацыі і дало магчымасць правядзення далейшай разгалінаванай дзейнасці, у тым ліку накіраванай на вяртанне былых вернікаў і прыцягненне новых.

Дамініканцы ў Беларусі. Умовы прыходу ў XVII ст. і асаблівасці працэсу. Хача Дамініканскі ордэн прыйшоў на землі Вялікага Княства яшчэ ў сярэдзіне XIII ст., аднак стала замацавацца ў эпоху Сярэднявечча тут не змог. Сваю ролю адыгралі такія фактары, як непрэстыжнасць земляў рэгіёна для місія-

нерства, канкурэнцыя з Тэўтонскім ордэнам, крызіс у абшчынным жыцці ў XIV ст., пезней – цікавасць да новаадкрытых зямель у Амерыцы. Толькі падчас Контррэфармацыі Ордэн вярнуўся на землі Вялікага Княства Літоўскага. У канцы XVI ст. ва ўмовах пашырэння дзейнасці Ордэна наспела патрэба ва ўтварэнні новых правінцый. Бліжэйшая, Польская, правінцыя была перагружана, аб чым кажуць дадзеныя на пачатак XVII ст., калі яна налічвала 63 кляштары, аб'яднаныя ў 8 кантрактаў. У XVI ст. працякалі тэндэнцыі адасаблення ў кляштарах Сілезіі, Памераніі, Прусіі, а пасля кананізацыі Св. Яцака – і на тэрыторыі Рускай кантракты. У выніку ў 1612 і 1647 гг. стварыліся Руская і Літоўская правінцыі Ордэна, якія ахапілі і беларускія землі [41]. Далей неабходна было спрыяць іх умацаванню шляхам пашырэння кляштарнай сеткі. Правінцыя ўдзельнічала ў стварэнні новага дамініканскага цэнтра, аднак збольшага яе работа была арганізацыйна-распарадачай, таму вырашальную ролю гралі свецкія мецэнты. З бласлаўлення ордэнскага кіраўніцтва і папы рымскага манахі маглі будаваць новы цэнтр за прынятыя ад ахвярадаўцаў сродкі. Эканамічны стан манаскіх пляцовак быў неаднародным і залежаў ад мноства фактараў: ад колькасці ўкладзеных першапачаткова ў іх сродкаў да месцазнаходжання.

Што тычыцца асаблівасцей размяшчэння Дамініканскага ордэна ў межах Вялікага Княства Літоўскага, то трэба адзначыць, што шчыльнае развіццё кляштарнай сеткі вылучаецца ў паўночна-ўсходнім (Полацкае, Віцебскае ваяводства) і заходнім (Трокскае, Навагародскае, часткова Віленскае ваяводства) рэгіёнах. Да 1640-х гг. дамініканцы ўтваралі свае кляштары ў цэнтрах ваяводстваў, а таксама ва ўладаннях некаторых прадстаўнікоў родаў (Сапегаў, Завішаў, Корсакаў). Пасля 1660-х гг. будаўніцтва новых кляштараў адбывалася ў цэлым недалёка ад іх. Найменш развітым рэгіёнам з'яўляюцца паўднёва-ўсходнія землі, дзе кляштары ўтвараліся адзінкава і мелі сур'ёзныя праблемы з забеспячэннем іх існавання. Гэта можа быць патлумачана малой шчыльнасцю насельніцтва ў азначаным рэгіёне і незапатрабаванасцю ў паслугах прадстаўнікоў Каталіцкай царквы з боку мясцовага насельніцтва [42, с. 50, 63].

Першапачаткова дамініканцы ў Заходняй Еўропе сяліліся ў гарадах, што было абумоўлена неабходнасцю цеснага кантактавання з насельніцтвам у межах праводзімай евангелізацыі – дзейнасці, накіраванай на распаўсюджванне веры. Аднак на землях ВКЛ у XVII–XVIII стст. лакалізацыя будучых дамініканскіх кляштараў характарызавалася не толькі выбарам буйных гарадоў (Мінск, Пінск, Гродна і інш.), але і малых гарадоў і мястэчак (Ельня, Палонка, Хатаевічы, Беліца, Княжыцы і інш.) [43, с. 92]. Гэтае рашэнне адпавядала выкліку свайго часу для ахоплівання большай прасторы для пропаведзі. Калі ўлічваць, што дамініканскія касцёлы былі парафіяльнымі і манахі выконвалі душпастарскія абавязкі, то ў гэтым была зацікаўлена і адпаведная дыяцэзія.

З'явіўшыся на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў XVII ст., Дамініканскі ордэн дзейнічаў згодна са сваёй галоўнай місіяй: прапаведніцтва. Для дасягнення поспехаў у канкурэнцыі з іншымі ордэнамі ён веў сваю дзейнасць у некалькіх накірунках.

У першую чаргу была неабходнасць забяспечыць дамініканскія місіі сталымі месцамі існавання. Ордэн імкнуўся да засваення большай тэрыторыі шляхам узвядзення сваіх новых кляштароў пры існуючых ці новапабудаваных касцёлах.

Дамініканцы наладжвалі кляштарныя комплексы, якія складаліся з зямельных надзелаў рознай якасці і размешчаных там культавых, жылых і гаспадарчых пабудов. Гэта забяспечвала ўмовы для камфортнага пражывання манахаў і свабоднага выканання пастаўленых перад імі задач. Таму матэрыяльнае забеспячэнне адыгрывала важную ролю ў паспяховым функцыянале кляштарных комплексаў.

Важным накірункам з'яўлялася адукацыйная дзейнасць, якая ў асноўным вымагала выдаткавання сродкаў на ўтрыманне за кошт кляштароў. Дамініканцы стварылі сістэму адукацыі свецкай моладзі і манахаў Ордэна. Сістэма навучальных устаноў садзейнічала хуткай і паспяховай падрыхтоўцы кадраў для правядзення місіі Ордэна на месцы.

Вядзенне душпастырскай дзейнасці дамініканцамі разам з тым было вынікам палітыкі Віленскага біскупства па насычэнні парафіяльнай сеткі паралельна з ужо існуючай сеткай праваслаўных і ўніяцкіх парафій і пратэстанцкіх абшчын. У XVII ст. празелітызм стаў асноўнай ідэйнай асновай у працы з патэнцыйнымі фундатарамі Ордэна са складу палітычных і фінансавых эліт на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага, у межах новазаснаваных Літоўскай і Рускай правінцый.

Для замацавання на землях Вялікага Княства Ордэн мусіў мець добрыя адносіны з палітычнымі элітамі. Гэта ўдалося ажыццявіць на розных узроўнях, займеўшы апеку шэрагу магнацкіх і шляхецкіх родаў. Такая ахова інтарэсаў была спалучана са статуснасцю і прэстыжнасцю ў межах тагачаснай моды на каталіцкасць. Манахі атрымлівалі магчымасць займаць сабе свецкага патрона, а шляхта магла паказаць сябе як абаронцу каталіцкай веры. Гэта ілюструецца на прыкладзе роду Палубінскіх і касцёла ў Дзярэчыне. Палубінскія запрасілі Дамініканскі ордэн у свае ўладанні, надалі неабходныя сродкі на пабудову касцёла і кляштара, заклалі месца родавага пахавання ў гэтым касцёле, замовілі выданне рэлігійных твораў для сям'і, з дапамогай дамініканцаў выбудоўвалі і папулярызавалі генеалагічныя легенды, а таксама мелі члена Ордэна з прадстаўнікоў свайго роду. Праз супрацоўніцтва з Дамініканскім ордэнам Палубінскія актыўна займаліся рэпрэзентацыяй роду як патрона Каталіцкай царквы.

Спрыянне Ордэну заўважна таксама з боку каралеўскай улады. З канца XVI ст. дамініканцы мелі доступ да манаршага двара, а з прыходам на трон Уладзіслава IV Вазы занялі пасаду прыдворных прапаведнікаў, працягваючы дзейнасць на ёй пры такіх каралях і вялікіх князях, як Ян Казімір, Міхал Вішнявецкі, Ян Сабескі. Найбольш блізкімі адносінамі адзначыўся Уладзіслаў, які непасрэдна паўплываў на стварэнне ў Вялікім Княстве новых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак Ордэна.

Дзейнасць дамініканскага ордэна ў Расійскай імперыі ў першай трэці XIX ст. магчыма адзначыць як паспяховую. Нягледзячы на некаторую адарва-

нась ад цэнтральнага ордэнскага кіраўніцтва, Ордэн даволі паспяхова функцыянаваў на новадалучаных землях, меў уласную Беларускаю правінцыю, захаваў заснаваныя раней кляштары. Ён працягваў займацца адукацыйнай дзейнасцю сярод свецкай моладзі, надаючы неабходны стымул да адукацыі і выхавання, аб чым сведчыць шэраг выдатных прадстаўнікоў культуры, якія скончылі ордэнскія навучальныя ўстановы: А. Міцкевіч і Я. Чачот (Навагрудская школа), Ул. Сыракомля (Нясвіжская школа), К. Тышкевіч і А. Вярэга-Дарэўскі (Забельская школа) і інш.

Падсумаванне. Шматкампанентнае фінансавое забеспячэнне Дамініканскага ордэна ў XVII–XVIII стст. з’яўлялася гарантам правядзення прапаганды місіі Ордэна ў ранні Новы час. Гэта робіць пытанне фінансавога забеспячэння неад’емнай часткай у вывучэнні рознабаковай дзейнасці Ордэна на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага. Ордэн на вышэйшым узроўні на момант другой паловы XVI ст. вырашаў унутраны супярэчнасці ў пытанні вядзення сваёй эканамічнай палітыкі, што дазволіла нанова прыйсці на тэрыторыю Беларусі і праводзіць прапагандыстскую дзейнасць у Вялікім Княстве Літоўскім з ужо цалкам сфарміраванымі фінансавымі інстытутамі. Маючы неабходную забяспечанасць фактаграфічнымі матэрыяламі, а таксама патэнцыял айчынных і замежных архіваў, сёння магчыма класіфікаваць галоўныя крыніцы фінансавання Ордэна на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага ад першай паловы XVII да першай трэці XIX ст., даць ацэнку ўзроўню фінансавога забеспячэння як асобным кляштарам, так і структурам Ордэна ў межах дзяржавы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Materiały do Atlasu Historycznego Chrześcijaństwa w Polsce: w 9 t. / K. Kurzątkowski (red.). – Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1972–1992. – T. 1: Zakony męskie w Polsce w 1772 roku / kom. red.: L. Bieńkowski, J. Kłoczowski, Z. Sułowski. – 1972. – 344 s.
2. Stolarski, P. Friars on the Frontier: Catholic Renewal and the Dominican Order in Southeastern Poland, 1594–1648 / P. Stolarski. – Padstow: TJ International Ltd, 2010. – 265 p.
3. Ochmański, J. Powstanie i rozwój latyfundium biskupstwa wileńskiego, 1387–1550: ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu / J. Ochmański. – Poznań, 1963. – 236 s.
4. Błaszczuk, G. Diecezja żmudzka od XV do początku XVII w.: uposażenie / G. Błaszczuk. – Poznań, 1992. – 74 s.
5. Brust, M. Geneza i początki miast w dobrach biskupów poznańskich w Wielkopolsce (XIII–XIV wiek). Część II / M. Brust // Nasza Przyszłość. – 2004. Tom 101. – S. 79–146.
6. Brust, M. Lokacje miejskie w wielkopolskich dobrach arcybiskupów gnieźnieńskich w XIII i XIV wieku / M. Brust // Nasza Przyszłość. – 2001. – T. 95. – S. 29–104.

7. Пруднікаў, А. А. Мясцічкі ва ўладаннях каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XVII–XVIII ст.: сацыяльна-эканамічнае развіццё / А. А. Пруднікаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2021. – 276 с.

8. Мараш, Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.

9. Мараш, Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 288 с.

10. Barącz, S. Rys dziejów Zakonu Kaznodziejskiego w Polsce / S. Barącz. – Lwów, 1861. – Т. 1. – 402 s.

11. Barącz, S. Rys dziejów Zakonu Kaznodziejskiego w Polsce / S. Barącz. – Lwów, 1861. – Т. 2. – 528 s.

12. Wołyniak (Giżycki J. M.), Wiadomości o dominikanach prowincji litewskiej. Część I / Wołyniak. – Kraków, 1917. – 322 s.

13. Wołyniak (Giżycki J. M.), Wykaz klasztorów dominikańskich prowincji ruskiej. Część II / Wołyniak. – Kraków, 1923. – 402 s.

14. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. Вып. 22 / под ред. Д. И. Довгялло. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1891. – X, 501, [3], XXXV с.

15. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. Вып. 28 / под ред. Д. И. Довгялло. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1900. – XVI, 356, 167, V с.

16. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. / red. J. K. Ostrowski. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. – Cz. 3, t. 2: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa wileńskiego/ red. Maria Kałamajska-Saeed. – 2008. – 244 s.

17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1769. Воп. 1. Спр. 69.

18. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1727. Воп. 1. Спр. 3.

19. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. Вып. 23 / под ред. Д. И. Довгялло. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1892. – VIII, 512, [6], XXX, [2] с.

20. Madura, F. Acta Capitulum Provinciae Lithuaniae Ordinis Praedicatorum (1646–1839), vol. VII. – Archiwum Polskiej Prowincji Dominikanów. – URL: <https://archiwum.dominikanie.pl/rekopisy-do-pobrania/> (дата обращения: 01.08.2023).

21. Madura, F. Acta Capitulum Provinciae Russuae (1598–1772), Vol. V. – Archiwum Polskiej Prowincji Dominikanów. – URL: <https://archiwum.dominikanie.pl/rekopisy-do-pobrania/> (дата обращения: 01.08.2023).

22. Madura, F. Acta Capitulum Provinciae Russuae (1774–1825), vol. VI. – Archiwum 20. Polskiej Prowincji Dominikanów. – URL: <https://archiwum.dominikanie.pl/rekopisy-do-pobrania/> (дата обращения: 01.08.2023).

23. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. / red. J. K. Ostrowski. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. – Cz. 3, t. 3: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa wileńskiego / red. Maria Kałamajska-Saeed. – 2010. – 292 s.

24. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. / red. J. K. Ostrowski. – Kraków: Międzynarodowe Centrum

Kultury. – Cz. 4, t. 3: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa trockiego/ red. Maria Kałamajska-Saeed. – 2016. – 226 s.

25. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. / red. J. K. Ostrowski. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. – Cz. 2, t. 4: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa nowogródzkiego / red. Maria Kałamajska-Saeed. – 2014. – 244 s.

26. *Kałuski, W.* Acta Provinciae S. Hyacinthi in Russia Sacri Ordinis FF. Praedicatorum / W. Kałuski // Wielkopolska Biblioteka Cyfrowa. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 03.12.2021).

27. Визит Заславского монастыря доминиканцев Минского уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 290.

28. Визит Зембинского монастыря доминиканцев Борисовского уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 291.

29. Визит Клецкого монастыря доминиканцев Слуцкого уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 292.

30. Визит Минского монастыря доминиканцев за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 293.

31. Визит Несвижского монастыря доминиканцев Слуцкого уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 294.

32. Визит Раковского монастыря доминиканцев Минского уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 295.

33. Визит Речицкого монастыря доминиканцев за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 296.

34. Визит Столпецкого монастыря доминиканцев за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 297.

35. Визит Хотаевіцкага монастыря доминиканцев Борисовского уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 298.

36. Визит Шолопенского монастыря доминиканцев Борисовского уезда за 1804 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 299.

37. *Баранов, И. В.* Доминиканцы / И.В. Баранов // Католическая энциклопедия: в 3 т. – М.: Издательство францисканцев, 2002. – Т. 1. – Слп. 1681–1686.

38. *Hinnebusch, W.* How the Dominican Order Faced Its Crises / W. Hinnebusch // Review for Religious. – 1973/6. – Vol. 32. – URL: <http://www.domcentral.org/trad/crises.htm> (дата обращения: 11.11.2023).

39. Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum sub auspiciis SS. D. N. D. Clementis XII, Pontificis Maximi: Opera Reverendissimi Patris F. Thomae Ripoll, Magistri Generalis, editum. – Pome: Ex Typographia Hieronymi Mainardi, 1731. – Tomus Tertius. Ab anno 1430 ad 1484. – 680 p.

40. Тридентский Собор. Каноны и декреты. – Санкт-Петербург: Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов», 2019. – 234 с.

41. *Brzozeczki, S.* Litewska prowincja dominikanów / S. Brzozeczki // Rocznik Augustowsko-Suwalski. – 2004. – Т. 4. – URL: <http://www.astn.pl/r2004/lit.htm> (дата обращения: 14.03.2018).

42. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 4 тамах. – Мінск: Белкартаграфія, 2013. – Т. 2. – 351 с.

43. Witkowski, R. Rozwój życia zakonnego w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII w. / R. Witkowski // Lietuvių-lenkų santykiai amžių tėkmėje Istorinė atmintis. Moksliniai redaktoriai Redakcija naukowa: Prof. Dr Hab. Jaroslav Volkonovski, Dr Ryšard Gaidis. – Vilniaus universiteto leidykla, 2009. – S. 76–101.

(Дата паступлення: 20.09.2024 г.)

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ (1794–1874 ГГ.)

Некрашевич Ф. А.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

В статье рассмотрены этнические стереотипы о военнослужащих Российской империи, характерные для офицерского корпуса в период 1794–1874 гг. Особое внимание уделено влиянию этнических стереотипов на распределение военнослужащих в подразделения вооруженных сил. Сделан вывод о том, что представления о положительных и отрицательных качествах военнослужащих, представлявших определенную этническую группу, были связаны с желанием офицеров максимально эффективно использовать солдат и офицеров в интересах вооруженных сил.

Ключевые слова: Российская империя; вооруженные силы; мемуарная литература; этнические меньшинства; этнические стереотипы.

ETHNIC STEREOTYPES OF OFFICERS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY (1794–1874)

Nekrashevich P. A.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

The article examines the main ethnic stereotypes about military personnel of the Russian Empire, which were characteristic of the officer corps from 1794 until 1874. Particular attention is paid to the influence of established ethnic stereotypes on the distribution of military personnel into military units. It was concluded that ideas about the positive and negative qualities of military personnel representing a certain ethnic group were associated with the desire of officers to make the most effective use of soldiers and officers in the interests of the armed forces.

Keywords: Russian empire; armed forces; memoir literature; ethnic minorities; ethnic stereotypes.

Этнические стереотипы прошлого всегда привлекали внимание исследователей. Особое значение данная тема имеет при изучении истории взаимодействия представителей различных народов в условиях армейской среды. Во все времена военное командование стремилось искоренить любые проявления расовой и религиозной нетерпимости среди военнослужащих, так как подобная вражда быстро перерастает в неуставные отношения. Цель данной статьи – выявление этнических стереотипов военного командования по отношению к личному составу российской императорской армии.

Под термином «этнические стереотипы» в данной статье понимаются устойчивые представления командного состава о физических, нравственных и умственных качествах военнослужащих российской армии. Нижняя граница хронологических рамок исследования связана с рекрутским набором 1794 г., когда состав российской армии стал массово пополняться уроженцами недавно присоединенных территорий Речи Посполитой. Верхняя граница определяется отменой рекрутской повинности в Российской империи в 1874 г.

Рассматриваемая тема практически не нашла отражения в историографии. Так, в исследованиях В. В. Лапина содержатся ценные сведения об отношении российского военного руководства к процессам русификации этнических меньшинств в армии [1, с. 302–313]. В исследовании И. Петровского-Штерна приведены некоторые сведения о стереотипах в отношении солдат-евреев в конце XIX – начале XX ст. [2, с. 173–239].

Подробное описание этнических стереотипов и их значение в системе распределения рекрутов достаточно редко встречаются в воспоминаниях офицеров российской армии. Тем не менее они являются важным историческим источником по анализу политики военного министерства в рассматриваемый период. Большинство офицеров, затрагивавших данную тему в своих воспоминаниях или в материалах периодической печати, занимали значимые руководящие должности в российской армии. В силу служебных обязанностей они имели возможность оказывать прямое влияние на систему распределения рекрутов, а также на систему адаптации новобранцев в армейских частях.

Воспоминания российских офицеров как исторический источник по характеристике этнических стереотипов имеют ряд особенностей, связанных с влиянием российской государственной цензуры. С одной стороны, господствовавшая в середине – второй половине XIX ст. цензура не препятствовала авторам открыто высказываться в периодической печати о наличии положительных и отрицательных характеристик этнических меньшинств. С другой стороны, критические высказывания в адрес представителей отдельно взятого народа, как правило, были связаны с критикой военного ведомства по вопросу нерациональной политики комплектования вооруженных сил. Это могло быть воспринято цензурой как критика российского правительства.

Степень искренности авторов во многом зависела от того, когда они планировали публиковать свои литературные труды. Например, авторы журнала «Военный сборник» писали свои статьи в статусе действующих офицеров российской армии. В связи с этим на них распространялись не только правила правительственной цензуры, но также формальные и неформальные требования, характерные для армейской среды. Подобные авторы не могли позволить себе острую критику существовавшей в то время системы комплектования вооруженных сил. С другой стороны, большинство авторов рассматриваемых в данной статье исторических источников писали свои воспоминания уже после выхода в отставку. В своих мемуарах они, как правило, описывали события, имевшие место в период правления предшествовавших

российских императоров. Это позволяло авторам более свободно характеризовать свое отношение к политике военного ведомства предыдущих лет.

На наш взгляд, на основании воспоминаний офицеров можно выделить следующие этнические стереотипы, связанные с особенностями народов Российской империи. Во-первых, это представления о том, что существует природная склонность ряда народов к службе в конкретных родах войск. Во-вторых, это убеждение, что в системе распределения рекрутов необходимо учитывать климатические условия, в которых проживает конкретный народ. Согласно данному убеждению, народы, живущие в условиях относительно холодного климата, не приспособлены к несению службы в южных регионах Российской империи и наоборот. В-третьих, это убежденность в политической неблагонадежности некоторых народов.

Наиболее популярным этническим стереотипом, встречающимся в мемуарной литературе, является идея предрасположенности уроженцев малороссийских губерний к службе в кавалерийских частях, а великороссийских – в пехотных. Наиболее детально данная идея была озвучена генералом от инфантерии графом С. Р. Воронцовым. По его словам, «в русской деревне на тысячу изб не придется одного седла ... в Малой же России ... каждый поселянин имеет седло, ездит верхом, любит свою лошадь, умеет управлять ею». Кроме того, к народам, предрасположенным от природы к службе в кавалерии, он относил башкир и татар [3, с. 354].

Данная идея впоследствии получила продолжение в 1854 г. в анонимной статье «Снаряжение кавалерии» в журнале «Военный сборник». Автор выдвинул гипотезу, согласно которой «у каждого из племен России есть особые оттенки в телосложении, на них и следует основывать выбор людей в кавалерию». По его мнению, регулярная практика верховой езды выработала у уроженцев малороссийских и польских губерний такие прирожденные физические качества, как средний рост, длинные ноги, высокая и тонкая шея, опущенные плечи. Все это позволяет им в кратчайшие сроки освоить навыки несения службы в кавалерии [4, с. 360]. В соответствии с этой теорией автором была разработана инструкция для членов рекрутских присутствий, согласно которой можно было определить предрасположенность новобранца к несению службы в кавалерии по его физическим данным.

По мнению С. Р. Воронцова, уроженцы великороссийских губерний являются «лучшими пехотинцами в целом свете» [3, с. 354]. Тезис о беспорном превосходстве уроженцев этих губерний над остальными жителями империи признавался и другими авторами [5, с. 150; 6, с. 615]. При этом ни один из них не давал развернутого обоснования данного тезиса. Генерал от кавалерии граф П. Х. Граббе лишь упоминал в своих записках, что «поразительно превосходство Великорусского племени над всеми прочими крепким сложением, умным, смелым и покойным взглядом, как будто говорящим: на все готов!» [6, с. 615]. Генерал от инфантерии граф А. Ф. Ланжерон в своих мемуарах уточнял, что самые ловкие рекруты – это уроженцы Московской губернии, а самые сильные и красивые – уроженцы Сибирских губерний [5, с. 150]. Кроме того, С. Р. Воронцов указывал, что «одни литовцы, и в особен-

ности населяющие Белую Россию, еще сходствуют с русскими характером и могут без неудобства пополнять собою нашу пехоту» [3, с. 354].

Некоторые авторы указывали и на народы, чьи рекруты неспособны к несению службы в пехотных подразделениях. Генерал от инфантерии князь С. Ф. Голицын и С. Р. Воронцов относили к таковым курляндцев, ливонцев, чухонцев и эстов [3, с. 354; 7, с. 157]. При этом С. Ф. Воронцов советовал распределять этих рекрутов в военно-морской флот и на вспомогательные должности в армейских подразделениях (денщики, фурлейты), чтобы не снижать боеспособность пехотных частей [3, с. 354].

Идея о том, что в системе распределения военнслужащих необходимо учитывать климатические условия губерний, откуда рекруты призываются в армию, и регионы, где они будут нести службу, нашла отражение в трудах офицеров, чья служебная деятельность была связана с анализом статистических данных о заболеваемости военнслужащих российской армии. К ним относились офицеры центрального аппарата военного министерства, а также слушатели и преподаватели военно-учебных заведений. Анализируя сведения о высокой заболеваемости рекрутов, многие из них пытались выявить закономерности, учет которых позволил бы сохранить жизнь и здоровье новобранцам. Помимо очевидных психосоматических проблем, с которыми сталкивались рекруты, оторванные от привычного уклада жизни, генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба Н. П. Глиноецкий среди возможных причин называл разную устойчивость уроженцев регионов Российской империи к заболеваниям [8, с. 450]. Эта идея в 1863 г. была развита генерал-майором Л. И. Ильяхевичем, предположившим, что рекрутов из губерний северной полосы империи следует направлять на службу в подразделения, расквартированные в регионах со схожим климатом. Подобным образом следовало распределять на службу и уроженцев южных губерний [9, с. 361]. Следует отметить, что авторы подобных идей высказывали их в форме гипотезы. Сравнительные статистические данные, свидетельствовавшие о разном уровне смертности рекрутов из отдельных регионов, могли указывать на наличие неких причин, связанных с особенностями того или иного народа. Тем не менее получить эмпирические данные для доказательства подобной гипотезы не представлялось возможным [9, с. 361].

Идея о политической неблагонадежности рекрутов отдельно взятого народа была связана с так называемым «польским вопросом». Серия восстаний на территории Королевства Польского (1830–1831, 1863–1864 гг.), а также активное участие жителей Герцогства Варшавского в наполеоновских войнах (1807–1814 гг.) выработали у многих российских офицеров устойчивый стереотип относительно неблагонадежности поляков. Так, генерал от инфантерии Н. Н. Муравьев-Карский в беседе с императором Николаем I о способах комплектования драгунских кавалерийских полков советовал не распределять в них уроженцев Королевства Польского, «ибо сии люди совершенно без всякого духа» [10, с. 160]. Генерал-майор К. К. Бенкендорф отмечал, что «поляк в свою очередь дает превосходных офицеров и солдат», при этом он обвинял их в склонности создавать устойчивые землячества, которые актив-

но покрывают друг друга и содействуют распространению коррупции в армии [11, с. 280–281].

Критика в адрес поляков была также связана с историей создания и деятельности воинских подразделений, сформированных по территориальному признаку. Так, в 1815–1831 гг. в составе Королевства Польского действовали собственные вооруженные силы. Кроме того, в 1817–1831 гг. на территории западных губерний Российской империи (Виленская, Волынская, Гродненская, Минская, Подольская губернии, а также Белостокская область) был расквартирован Отдельный Литовский корпус, комплектовавшийся местными уроженцами. В массовом сознании российской военной общественности эти воинские формирования являлись «польскими». Создание подобных армейских соединений было частью политики императора Александра I, направленной на постепенную инкорпорацию земель бывшей Речи Посполитой в состав Российской империи. С точки зрения системы комплектования вооруженных сил это был один самых масштабных проектов в истории российской императорской армии по созданию «национальных» воинских частей. Данный проект закончился неудачно после восстания 1830–1831 гг., когда армии Королевства Польского достаточно долгое время удавалось сдерживать войска российской армии, а части Отдельного Литовского корпуса показали низкую боеспособность. Кроме того, многие военнослужащие этого корпуса перешли на сторону противника.

В мемуарах российских офицеров, участвовавших в подавлении восстания 1830–1831 гг., идея территориального комплектования войск в вооруженных силах Российской империи была навсегда дискредитирована историей армии Королевского Польского и Отдельного Литовского корпуса. К подобным авторам можно отнести, например, генерал-лейтенанта Д. В. Давыдова, генерала от инфантерии М. Н. Муравьева-Виленского, генерала от инфантерии Г. В. Филипсона [12, с. 9; 13, с. 181; 14, с. 85]. Не умаляя боевых и нравственных качеств польских солдат, авторы сходились во мнении, что представители этого народа склонны при малейшей возможности подымать восстания против российского правительства. Поэтому создавать воинские формирования с высокой численностью поляков не представляется возможным.

Следует отметить, что в выявленных воспоминаниях практически отсутствуют характеристики солдат-евреев. На наш взгляд, это связано с тем, что рекрутов-евреев в рассматриваемый период, как правило, распределяли во вспомогательные подразделения армии и военно-морского флота. Подавляющее большинство офицеров, чьи воспоминания были опубликованы в печати, служили в действующей армии и принимали активное участие в боевых действиях. Возможно, в своей служебной деятельности им просто не доводилось командовать вспомогательными подразделениями, где присутствие рекрутов евреев было массовым.

Таким образом, этнические стереотипы офицеров оказывали определенное влияние на систему распределения военнослужащих в российской императорской армии. Данные стереотипы были следствием многолетнего

практического опыта работы с личным составом. Типичными устойчивыми представлениями офицеров того времени были убеждения в природной склонности ряда народов к военной службе в определенных родах войск, наличии либо отсутствию устойчивого иммунитета к заболеваниям и климатическим условиям, а также в политической неблагонадежности по отношению к российскому правительству. Рекомендации офицеров по распределению представителей ряда этнических групп в определенные воинские части не ставили перед собой задачу «перевоспитать» или унижить этих военнослужащих. Наоборот, идея заключалась в максимально эффективном использовании, как считали авторы, «природных» качеств представителей различных этнических групп в интересах служебной деятельности.

Список использованных источников

1. *Петровский-Штерн, Й.* Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 556 с.
2. *Лапин, В. В.* Армия России как имперский интеграционный механизм / В. В. Лапин // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 1. – С. 302–313.
3. *Воронцов, С. Р.* Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске. 1802 / С. Р. Воронцов // Русский архив. – 1876. – Вып. 11. – С. 345–361.
4. *П. С.* Снаряжение Кавалерии / П. С. // Военный сборник. – 1854. – Т. 1, № 2. – С. 359–386.
5. *Ланжерон, А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II / А. Ф. Ланжерон // Русская старина. – Т. 83. – С. 147–166.
6. *Граббе, П. Х.* Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе / П. Х. Граббе // Русский Архив. – 1889. – Т. 69, вып. 7. – С. 601.
7. *Голицын, С. Ф.* Бумаги князя Сергея Федоровича Голицына / С. Ф. Голицын // Русский Архив. – 1876. – Т. 30, вып. 6. – С. 129–138.
8. *Глиноецкий, Н. П.* Военная статистика и солдатский быт / Н. П. Глиноецкий // Военный сборник. – 1854. – Т. 1, № 2. – С. 441–458.
9. *Ильяшевич, Л. И.* Статистическое исследование смертности в нашей армии / Л. И. Ильяшевич // Военный сборник. – 1863. – Т. 29, № 12. – С. 359–412.
10. *Муравьев, Н. Н.* Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского / Н. Н. Муравьев // Русский Архив. – 1894. – Т. 85, вып. 10. – С. 145–157.
11. *Бенкендорф, К. К.* Воспоминания графа Константина Константиновича Юенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года / К. К. Бенкендорф // Русская старина. – 1910. – № 144. – С. 273–288.
12. *Давыдов, Д. В.* Записки партизана Дениса Давыдова / Д. В. Давыдов // Русская Старина. – 1872. – Т. 6, № 6. – С. 1–38.
13. *Муравьев, М. Н.* Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева Виленского / М. Н. Муравьев // Русский архив. – 1885. – Т. 57, вып. 6. – С. 161–199.
14. *Филипсон, Г. И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. / Г. И. Филипсон // Русский архив. – 1883. – Т. 52, вып. 10. – С. 73–200.

(Дата поступления: 15.05.2024 г.)

СЯДЗЕЛЬЦЫ КАЗЁННЫХ ВІННЫХ КРАМ: САЦЫЯЛЬНЫ ПАРТРЭТ І ЎМОВЫ ПРАЦЫ

Мяньчэня С. В.

Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца сацыяльны склад і ўмовы працы сядзельцаў казённых вінных крам беларуска-літоўскіх губерняў у канцы XIX – пачатку XX ст. Яны былі своеасаблівымі праваднікамі дзяржаўнай палітыкі па рэгуляванні алкагольнага рынку, што вынікала з патрабаванняў да іх выключна хрысціянскай прыналежнасці і адсутнасці сувязяў з ранейшай піцейнай сістэмай. Правілы гандлю і сама асоба сядзельца павінны былі спрыяць памеранаму спажыванню алкагольных напояў. Праца сядзельцаў добра аплачвалася, але была звязана з вялікай рызыкай.

Ключавыя словы: вінная манополія; продаж алкаголю; пагромы.

TRADERS OF THE STATE WINE SHOPS: SOCIAL PORTRAIT AND WORKING CONDITIONS

Mianchenya S. V.

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Belarus

The article examines the social composition and working conditions of the traders of state wine shops in the Belarusian-Lithuanian provinces at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. They were special guides of the state policy on the regulation of the alcohol market, what resulted from the requirements for their exclusively Christian affiliation and the lack of ties of the previous drinking system. Trade rules, as well as the traders personality, were supposed to promote moderate consumption of alcoholic beverages. The work of the traders was paid well, but was associated with great risk.

Keywords: wine monopoly; sale of alcohol; riots.

У 1885 г. у Расійскай імперыі пачынаецца праграма ліквідацыі корчмаў і пераарыентацыі гандлю моцнымі спіртнымі напоямі з распівачнага на вынасны: было зачынена звыш 80 тыс. піцейных дамоў, а замест іх ствараліся вінныя крамы [1, с. 11]. Віннай крамай называлася піцейная ўстанова, у якой дазваляўся продаж толькі на вынас усіх аплачаных акцызам напояў айчынай вытворчасці: гарэлкі, портэра, піва, мёда. Яны павінны былі мець вокны і дзверы на вуліцу і складацца з аднаго памяшкання, не звязанага з іншымі ці кватэрай прадаўца. У вінных крамах не павінна было быць ніякай мэблі, акрамя стойкі і паліц для захоўвання «піцей». Уладальнікі крам абавязаны былі прадстаўляць заклад у памеры 100 руб. у забеспячэнне правільнага вядзення гандлю [2, с. 20]. З пачаткам рэалізацыі дзяржаўнай віннай манополіі (працэс гэты адбываўся паступова з 1894 г., а з 1 ліпеня 1897 г. манополія распаўсюдзілася на тэрыторыю Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Ковенскай, Ма-

гілѣўскай, Мінскай і Смаленскай губерняў) на змену ім прыйшлі казённые вінныя крамы ці «манаполькі». На 7 губерняў іх колькасць на пачатак 1898 г. складала 3004, што адпавядала 69,5 % ад агульнай колькасці ўстаноў, што мелі права продажу алкагольных напояў. 377 з іх знаходзіліся ў гарадах (23,4 % рынку) і 2627 – у сельскай мясцовасці (53,1 %) [3, с. 185]. «Манаполькі» ажыццяўлялі продаж толькі «казённага віна»: 40° гарэлкі двух гатункаў, віно звычайнае і віно сталовае (двайной ачысткі); 57° гарэлкі і спірта. Забеспячэннем іх прадукцыяй займаліся вінныя склады.

Падборам штату – прадаўцоў крам, ці, як называлі ў службовых дакументах, сядзельцаў, займалася акруговае акцызнае праўленне ва ўзаемадзеянні з мясцовым Папачыцельствам аб народнай цвярозасці. Аб асобе прэтэндэнта на пасаду прадаўца наводзіліся падрабязныя даведкі. Яны павінны былі быць «цвярозымі і ва ўсіх адносінах добранадзейнымі». Былыя ўладальнікі корчмаў да гэтай працы не дапускаліся, як і асобы нехрысціянскага веравызнання. Пасля прыняцця на працу сядзелец прыводзіўся да прысягі на вернасць службе, і з ім складалася дамова. Сядзельцы старых вінных крам, што актыўна наймаліся на працу ў першыя месяцы манаполіі, паступова да 1898 г. замяняліся новымі кадрамі, што не мелі досведа працы з алкагольнымі напоямі і старой «кабацкай школай» [3, с. 39, 130]. Акцызнае праўленне садзейнічала таксама працаўладкаванню параненых падчас руска-японскай вайны і цесна ўзаемадзеянічала з Камітэтам па пошуку месцаў увечным і параненым на Далёкім Усходзе.

Лепшымі кандыдатамі ў сядзельцы казённых вінных крам лічыліся жанчыны, прысутнасць якіх павінна была прысаромець і стрымліваць пакупнікоў і, такім чынам, спрыяць змяншэнню празмернага спажывання алкаголю. У выпадку смерці сядзельца яго месца прапаноўвалі перш за ўсё ўдаве. Калі ў 1897 г. у сярэднім па імперыі жанчыны складалі 16 % сядзельцаў, то ў 1902 г. – 25 %. У беларуска-літоўскіх губернях гэты паказнік быў меншы: 12 % у 1897 г. 24,7 % сядзельцаў казённых вінных крам беларуска-літоўскіх губерняў у 1897 г. адносіліся да катэгорыі бессямейных (у сярэднім па імперыі – 17,5 %), 32,3 % былі ўласнікамі зямлі і нерухамай маёмасці, 3,2 % мелі сярэдняю ці вышэйшую адукацыю, 74 % былі праваслаўнымі, а да «русских» (да іх афіцыйная статыстыка адносіла таксама беларусаў і ўкраінцаў) належыла 75,7 % [3, с. 128–133].

У 1904 г. па чацвёртай акрузе Магілёўскай губерні працавалі 53 сядзельцы, з іх 11 жанчын (20,75 %) (пераважна дваранкі і дачкі святароў). Усе сядзельцы з'яўляліся хрысціянамі (6 каталікоў і 47 праваслаўных). Па сацыяльным статусе большасць складалі сяляне – 25, затым ішлі мяшчане – 12 і дваране – 9 (з іх 5 жанчын). Папярэднія заняткі гэтых асоб былі разнастайныя – земляробства (19), служачыя (7), настаўнікі (6). З найбольш экзатычных – наладчык ряляў [4, арк. 25–32]. Такім чынам, сядзельцы наймаліся з хрысціянскага асяроддзя, пераважна праваслаўнага, не грэбавалі такой працай і дваране, і людзі з адукацыяй, як настаўнікі.

Адной з галоўных прычын інтарэсу да месца сядзельца былі заробкі. Заробак сядзельца залежаў ад разраду казённай крамы, які вызначаўся памерамі

продажу. Казённыя крамы падзяляліся на тры разрады: першы – абарот звыш 3000 вёдзер, заробак да 700 руб.; другі – абарот ад 1500 да 3000 вёдзер, заробак да 540 руб.; трэці – абарот да 1500 вёдзер, заробак да 360 руб. У выпадку, калі даходы крамы падалі, сядзельцу захоўвалі яго заробак, але пры гэтым пераводзілі ў іншую краму з адпаведным абаротам [3, с. 39–40]. Дадзеная мера была накіравана на тое, каб у сядзельцаў не ўзнікала зацікаўленасці ў павелічэнні памераў продажу. Згодна з данымі Віцебскага Акцызнага губернскага праўлення, у 1906 г. сярэдні заробак сядзельцаў складаў каля 300 руб. у год [5, арк. 112]. Больш дакладная інфармацыя датычыцца заробкаў за 1907 г. Заробак 75 сядзельцаў вагаўся ад 720 руб. (1 чал.) да 240 (41 чал.) [6, арк. 103]. Па паведамленні «Минского Русского Слова» ў ліпені 1912 г., з 1 студзеня 1913 г. заробак сядзельцаў планавалася прывязаць да ўзроўню «дарагавізны жыцця», у сувязі з чым вызналася шэсць класаў манаполек: першы – 720 руб., другі – 600 руб., трэці – 540 руб., чацвёрты – 470 руб., пяты – 420 руб., шосты – 360 руб. [7, с. 3].

У сакавіку 1900 г. была створана Пенсійная каса вольнанаёмных служачых па казённым продажы піцей, што давала магчымасць сядзельцам і іх родным атрымліваць пенсійнае забеспячэнне. Членамі касы маглі быць асобы, маладзейшыя за 60 год, якія мелі гадавы даход не менш за 120 руб. Члены касы павінны былі рабіць узносы: 10 % гадавога даходу пры далучэнні да касы і 6 % даходу штомесяц. Акрамя таго, суму ў 3 % штомесячнага даходу сядзельца ў касу накіроўвала казна. Права на пенсію мелі асобы, што сыходзілі ў адстаўку пасля 15 год службы. Асобы, што мелі стаж ад 2 да 10 год, атрымлівалі свае ўзносы без працэнтаў па іх, тыя, хто меў стаж звыш 10 год, маглі прэтэндаваць акрамя ўзносаў на суму, што складала ад 25 да 85 % ад іх. У выпадку смерці служачага пенсія выплочвалася яго ўдаве (1/2 частка) і дзецям (1/6 частка пры жывой маці ці 1/4 частка сіротам) [3, с. 98–100].

Казённыя вінныя крамы павінны былі размяшчацца ў асобных дамах, якія складаліся з раздільных пакояў для гандлю, памяшкання для захоўвання запасаў віна, 2–3 пакояў для пражывання прадаўца. Памяшканні для манаполек ці арандаваліся, ці будаваліся за кошт акцызнага праўлення. Крамы, якія размяшчаліся за межамі гарадоў, дадаткова павінны былі мець шэраг гаспадарчых пабудов: хлёў, падстрэшак для дроў, склеп, памяшканне для размяшчэння коней і кароў [8, с. 353]. Аднак мясцовыя рэаліі ўносілі свае карэктывы, знайскі адпаведныя будынкі, асабліва ў сельскай мясцовасці, было дадаткова цяжка.

Над уваходам у краму віселі ліхтар і шыльда «Казённая вінная лавка № ...», звычайна зялёнага колеру. Нумарацыя крам была розная: гарадскія крамы атрымлівалі двухзначныя нумары, а сельскія – трохзначныя. Інвентар казённай віннай крамы складалі: парожні посуд, абраз, насценны гадзіннік, лямпа, шыльды з інфармацыяй (пра забарону распівання ўнутры і каля крамы, праверку здачы і інш.), спецыяльны нож для пагашэння этикетак.

Гандлёвае памяшканне падзялялася на дзве часткі высокім прылаўкам, над якім была рама з папярэчынамі, у якія ўстаўлялася сетка. У гарадах прылавак зверху рэкамендавалася аббіваць цынкам, у сельскай мясцовасці – проста

фарбаваць. Абмен прадукцыяй і грашыма адбываўся праз дзверцы ў рашотцы. З боку сядзельца ў прылаўку было дзве скрыні для захоўвання грошай, якія зачыняліся на замкі. На сцяне за прылаўкам размяшчаліся паліцы з таварам. З гандлёвага памяшкання ішоў ход у кладоўку, у якой захоўваліся запасы алкаголю. Іншы ход вёў у жылыя памяшканні [9, с. 170–171].

Сядзелец павінен быў прытрымлівацца наступных правіл: продаж ажыццяўляўся толькі за наяўныя грошы, забаранялася прадаваць гарэлку п'яным і непаўналетнім. Час продажу «казённага віна» жорстка рэгламентаваўся. У гарадах манаполькі павінны былі працаваць з 7 да 22 гадзін, у сельскай мясцовасці ў перыяд з красавіка па жнівень – да 22 гадзін, у астатні час – да 20. У нядзелю і іншыя святочныя дні продаж ажыццяўляўся толькі пасля завяршэння літургіі і да 20 гадзін, а ў зімовы час – да 18 гадзін. Цалкам забараняўся продаж у першы дзень Вялікадня і Нараджэння Хрыстова, падчас перадвельікоднага тыдня, валасных сходаў і судоў, мабілізацыі, калі крама знаходзілася недалёка ад прызыўнога ўчастка, у выпадку смерці сядзельца ці члена яго сям'і, калі тыя жылі ў памяшканні, звязаным з крамай, да моманту вынасу цела, заразнай хваробы адзначаных асоб да моманту дэзінфекцыі памяшкання [3, с. 46–47].

За неахайнае трыманне крамы на сядзельца накладаўся штраф ад 1 да 3 руб. За ўтойванне часткі прыбытку ці за продаж гарэлкі з транспарту – 2–3 руб. За ілжывыя сведчання аб кошце правозу гарэлкі ў краму са склада – 5 руб. За растрату грошай было прадугледжана звальненне. Здараліся выпадкі звальнення сядзельцаў і за «неодобрительное поведение» [10, арк. 101адв. – 103].

Працэс продажу ў краме не павінен быў спыняцца. Для гэтага быў уведзены яшчэ адзін штат супрацоўнікаў – запасныя сядзельцы. Гэтыя прадаўцы абавязаны былі прыязджаць у крамы, калі пастаянны сядзелец па якіх-небудзь прычынах не мог працаваць. У такіх выпадках з казённага віннага склада ў манапольку дасылалі запаснога прадаўца і зборшчыка грошай, які праводзіў вопіс. Па выніках вопісу складаўся перадаткавы акт, у якім фіксавалася маёмасць крамы, піцца і парожні посуд. Калі пастаянны прадавец вяртаўся на працоўнае месца, акт складаўся зноў. Абавязкам сядзельца было неадпушчэнне сітуацыі, калі ў краме скончылася гарэлка. Інфармацыя аб змяншэнні запасаў павінна была загадзя накіроўвацца ў вінны склад.

Сярэдні абарот казённых вінных крам складаў у 1907 г. 1 876,3 вядра, што адпавядала прыкладна 15 950 руб. Грошы з манаполек тройчы ў месяц збіраліся зборшчыкам, што быў замацаваны за вінным складам, ці магілі перадавацца акцызным чыноўнікам, якія праводзілі інспекцыю крам, або адсылаліся поштай самімі сядзельцамі [10, арк. 94, 101].

Улічваючы абароты і прыбыткі, праца сядзельца з'яўлялася не зусім бяспечнай. Ва ўмовах рэвалюцыі 1905–1907 гг. пракацілася хваля пагромаў і падпалаў манаполек. За 1906 г. па Віцебскай губерні было падпалена 8 манаполек, 17 манаполек было абрабавана. Агулам іх страты склалі 6 шыльдаў і 242,9 вядра гарэлкі [5, арк. 70–75]. На наступны год тут распачаліся амаль баявыя дзеянні, агляд якіх зробім на аснове даных па Віцебскім павеце. Сум-

ным рэкардсменам была манаполька ў в. Карусі Віцебскага павета, на якую нападалі пяць разоў. Падчас апошняга, у сакавіку 1907 г., сядзелец адкрыў агонь па ўзброеных нападніках, што прымусіла іх збегчы. У маёнтку Красыні ў маі сядзелец вымушаны быў адстрэльвацца, выкарыстаўшы дзве стрэльбы і рэвалвер. У маёнтку Стайкі сядзелец адмовіўся аддаваць грошы і быў забіты. Падобны выпадак адбыўся і ў засценку Ласосінка. А вось у в. Замглін сядзелец аддаў рабаўнікам выручку – 636 руб., уратаваўшы сабе жыццё. Аднак затым ён быў пераведзены ў іншую манапольку, якая ў хуткім часе была ліквідавана, а ён звольнены [6, арк. 95–97]. Узброеныя напады на манаполькі тут фіксаваліся да 1911 г. Тады было зафіксавана два выпадкі, адзін з якіх скончыўся забойствам сядзельца [11, арк. 5].

Няпростая была сітуацыя і ў іншых рэгіёнах. У кастрычніку 1909 г. адбылося напаўненне на манапольку ў Гродна, дзе два салдаты ўварваліся ў краму, забілі адну дзяўчыну, паранілі сядзельцу і яе дачку [12, с. 2]. У лістападзе таго ж года ўзброеная банда абрабавала манапольку ў вёсцы Крупец Гомельскага павета. Прыхапіўшы 300 руб., бандыты забілі сям'ю і гасцей мясцовага святара [13, с. 4].

Падчас мабілізацыі 1914 г. пагромы ці рабаванні вінных крам адзначаліся ў большасці паветаў беларускіх губерняў. Толькі на тэрыторыі Віцебскай губерні былі разрабаваны 23 вінныя крамы. Так, у Веліжы для своечасовай транспарціроўкі мабілізаваных не знайшлося падвод. Чакаючы транспарт, яны напіліся і разграмілі чатыры манаполькі ў горадзе. У вёсцы Цялятнікі Віцебскага павета мабілізаваныя з Сенненскага павета разрабавалі манапольку, нанёшышы шкоды на 700 руб. Прымяненнем зброі супраць мабілізаваных скончылася спроба нападу на манапольку на станцыі Лосвіца Віцебскага павета [14, арк. 50, 56, 66, 364]. У Лепельскім павеце мабілізаваныя кідаліся на штурм манаполек і баронячых іх паліцэйскіх з крыкамі «ўра» [15, с. 130]. 19 ліпеня 1914 г. у вёсцы Бытча Барысаўскага павета група мабілізаваных узяла штурмам манапольку і набрала гарэлкі на 14,45 руб. Ініцыятарам пагрому Н. Макарэвіча і А. Адамовіча пазбавілі ўсіх правоў і накіравалі ў арыштанцкія роты: першага – на тры гады, другога – на тры з паловай гады. У вёсцы Лошніца Барысаўскага павета падчас нападу на манапольку мабілізаваны Голуб даў поўхву сядзельцу, які спрабаваў спыніць пагромшчыкаў, у выніку ў таго лопнула перапонка ў вуху. Голуб атрымаў чатыры месяцы турмы [16, с. 4]. Да пагромаў падключыліся і тыя, хто не падлягаў мабілізацыі. Так, у вёсцы Лаварышкі Віленскага павета ўзброеныя кіямі і каменнямі 24 мясцовых сельаніна пагражалі смерцю сядзельцу і стражніку, пасля выбілі вокны і дзверы манаполькі і набралі гарэлкі на 300 руб., а пазней у Лаварышках і Міцкунах абрабавалі некалькі хат [17, с. 4].

Але лёс манаполек і іх сядзельцаў быў вырашаны яшчэ вясной 1914 г. 19 красавіка 1914 г. начальнік Галоўнага ўпраўлення неакладных збораў і казённага продажу піцей выдаў цыркуляр, дзе адзначалася, што галоўнай задачай мясцовых органаў акцызнага нагляду павінна стаць устанавленне сярод насельніцтва цвярозасці. У першую чаргу гэтаму магло садзейнічаць скарачэнне месцаў гандлю алкаголем [18, арк. 47]. Пачалася кампанія па лікві-

дацыі манаполек. Зачыняліся яны ці рашэннем валасных сходаў, ці акцызным праўленнем. У Мінскай губерні з 525 манаполек да 1 студзеня 1915 г. было зачынена 326. У Віленскай губерні на сакавік 1915 г. з 286 манаполек засталася 97 [19, с. 4; 16, с. 3]. 30 кастрычніка 1915 г. выйшла пастанова Савета Міністраў аб ануляванні ўсіх арэндных дамоў, звязаных з наёмам памяшканняў для вырабу, захоўвання і продажу алкагольных напояў [20, с. 214–215].

З ліквідацыяй манаполек сядзельцы звальняліся са службы. Асобная сітуацыя склалася з сядзельцамі заходняй часткі Беларусі, што патрапіла пад германскую акупацыю ў 1915 г. Сядзельцы тых крам, што яшчэ дзейнічалі да надыходу нямецкіх войскаў, падлягалі абавязковай эвакуацыі як катэгорыя дзяржаўных служачых. У пачатку 1917 г. у Гродзенскае губернскае акцызнае праўленне, што знаходзілася ва эвакуацыі ў Разанскай губерні, паступіла прашэнне сядзельцы казённай віннай крамы ў Бяроза-Каргузскай Аляксандры Гомаліцкай. Яна прасіла прызначыць ёй грашовую дапамогу і скардзілася, што пад пагрозай судовага пакарання вымушана была пакінуць старую маці і эвакуіравацца на прыватнай фурманцы. Пры гэтым мясцовы акцызны чыноўнік даручыў ёй на захоўванне дакументацыю і грошы з манаполькі [21, арк. 270–220 адв.].

Катэгорыя сядзельцаў казённых вінных крам фактычна знікла разам з дзяржаўнай манаполіяй. Яны былі сваеасаблівымі праваднікамі дзяржаўнай палітыкі па рэгуляванні алкагольнага рынку, што вынікала з патрабаванняў да іх выключна хрысціянскай прыналежнасці і адсутнасці сувязяў з ранейшай піцейнай сістэмай. Правілы гандлю і сама асоба сядзельца, асабліва вялікія надзеі былі тут ва ўлады на жанчын, павінны былі спрыяць памеранаму спажыванню алкагольных напояў. Праца сядзельцаў добра аплачвалася, але была звязана з вялікай рызыкай, што часам прыводзіла да смерці апошніх.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Протьюко, Т. С.* В борьбе за трезвость / Т. С. Протьюко; под ред. М. О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1988. – 165 с.
2. *Жолобова, Г. А.* Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III / Г. А. Жолобова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50) январь. – С. 18–24.
3. Казённая продажа вина / изд. Гл. Упр. Неоклад. сборов и казён. продажи питей. – СПб., 1900. – 228, [252] с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2162. Воп. 1. Спр. 46.
5. НГАБ. – Ф. 2504. Воп. 1. Спр. 1561.
6. НГАБ. – Ф. 2504. Воп. 1. Спр. 1623.
7. Минское Русское Слово. – 1912. – № 19.
8. *Веретило, Ю. В.* Казённая винная лавка конца XIX в. (на примере Гродненского акцизного управления) / Ю. В. Веретило // Совершенствование системы подготовки кадров в высшем учебном заведении: перспективы опережающего развития: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В. М. Кривчиков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2023. – С. 352–355.

9. *Первухина, А. А.* Устройство казённых винных лавок в начале XX в. (на материалах Курганского уезда) / А. А. Первухина // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 169–176.
10. НГАБ. – Ф. 2504. Воп. 1. Спр. 1651.
11. НГАБ. – Ф. 2504. Воп. 1. Спр. 1785.
12. Наша ніва. – 1910. – № 44.
13. Наша ніва. – 1910. – № 45.
14. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1.
15. *Меньчєня, С. В.* Погромы «винных» лавок на Лепельщине в июле 1914 г. / С. В. Меньчєня // VIII Лепельскія чытанні: матэрыялы навук.-практ. канф. (Лепель, 19 кастр. 2018 г.) / пад рэд. Я. А. Грэбєня. – Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2019. – С. 128–132.
16. Наша ніва. – 1915. – № 9.
17. Наша ніва. – 1915. – № 10.
18. НГАБ (Гродна). – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 604.
19. Наша ніва. – 1915. – № 2.
20. *Авербах, Е. И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг.: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейств советов: распоряжения и постановления министров и др. Т. 3: [Акты, обнародованные с сентября 1915 г. по март 1916 г., а также некоторые акты позднейшего времени] / Е. И. Авербах. – Петроград, 1916. – XXXII, 788 с.
21. НГАБ (Гродна). – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 867.

(Дата паступлення: 18.05.2024 г.)

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем статьи – до 40 000 знаков, текстовый редактор – Microsoft Word.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском (белорусском) и английском языках;
- фамилия, имя и отчество автора полностью на русском (белорусском) и английском языках;
- место работы (название организации в соответствии с уставными документами) и должность на русском (белорусском) и английском языках;
- аннотация до 1000 знаков на русском (белорусском) и английском языках;
- ключевые слова на русском (белорусском) и английском языках, отделяются друг от друга точкой с запятой;
- список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок [1, с. 23; 2, л. 10]. Список источников дублируется в транслитерации;
- дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Текст статьи подается на бумажном или электронном носителе. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора).

Подача статьи рассматривается как согласие автора на ее размещение в электронных библиотеках. Автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в данном сборнике.

Для аспирантов (doctoral candidate) обязательна рецензия научного руководителя или рекомендация кафедры.

Авторы несут ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов, гарантируют, что они публикуются впервые и являются оригинальными.

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Рукописи, не прошедшие рецензирование, не возвращаются и не обсуждаются.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 729 либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кароль М. М.</i> «Вестник Западной России» як крыніца па гісторыі міжканфесійных канверсій на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX ст.	3
<i>Гарматны В. П.</i> Гістарыяграфія ажыццяўлення меліярацыі ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг.	14
<i>Сорокин М. Н., Кирилюк Е. В.</i> Срочный паспорт Российской империи как документ, удостоверяющий личность	25
<i>Киселев А. А.</i> Структура и деятельность полиции белорусских губерний в правление Екатерины II	33
<i>Карпович К. Н.</i> Роль судебного следователя в правоохранительной деятельности в белорусских губерниях.....	50
<i>Кейко Ю. В.</i> Система государственного управления православным храмовым строительством в Минской епархии в 1890-е гг.....	61
<i>Крепский Ю. Г.</i> Выработка основ государственной политики в области народного просвещения и специфика ее реализации в западных губерниях в 1803–1832 гг.....	68
<i>Шимукович С. Ф.</i> Медицина и ветеринария как сферы образовательных и научных интересов уроженцев белорусских земель в XIX – начале XX века	77
<i>Ерашэвіч А. У.</i> Фінансаванне будаўніцтва фартыфікацыйных збудаванняў на землях Беларусі ў першай палове XIX ст.	87
<i>Захарыч В. І.</i> Фінансавое забеспячэнне Дамініканскага ордэна ў Вялікім Княстве Літоўскім: пастаноўка пытання	105
<i>Некрашевич Ф. А.</i> Этнические стереотипы офицеров Российской императорской армии (1794–1874 гг.).....	118
<i>Мяньчэня С. В.</i> Сядзельцы казённых вінных крам: сацыяльны партрэт і ўмовы працы	124
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	131

CONTENT

<i>Karol M. M.</i> «Vestnik Zapadnoi Rossii» as a source on the history of interfaith conversions on the territory of the belarusian provinces in the second half of the 19 th century.....	3
<i>Harmatny V. P.</i> The historiography of the land reclamation implementation in the Polesie voivodeship during 1921–1939	14
<i>Sarokin M. N., Kirilyuk E. V.</i> Urgent passport of the Russian empire as an identity document	25
<i>Kiselev A. A.</i> Structure and activities of the police of the belarusian provinces during the reign of Catherine the Great	33
<i>Karpovich K. N.</i> The role of the court investigator in law enforcement in belarusian provinces	50
<i>Kejko J. W.</i> The system of state administration of orthodox church construction in the Minsk eparchy in the 1890s.....	61
<i>Krepesky Yu. G.</i> Development of the foundations of state policy in the field of public education and the specificity of its implementation in the western provinces in 1803–1832	68
<i>Shymukovich S. F.</i> Medicine and veterinary medicine as spheres of educational and scientific interests of the natives of the belarusian lands in the 19 th – early 20 th century.....	77
<i>Yerashevich A. V.</i> Financing of construction of fortifications on the lands of Belarus in the first half of the 19 th century.....	87
<i>Zakharych V. I.</i> Financial support of the Dominican Order in the Grand Duchy of Lithuania: statement of the problem	105
<i>Nekrashevich P. A.</i> Ethnic stereotypes of officers of the Russian imperial army (1794–1874)	118
<i>Mianchenya S. V.</i> Traders of the state wine shops: social portrait and working conditions	124
ARTICLE REQUIREMENTS	131

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Корректор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

На обложке: «Две беотийки» – эскиз костюмов к балету «Нарцисс» (1911)
Леона Бакста (Льва Самойловича) (1866–1924)

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 35 экз. Заказ 133.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.